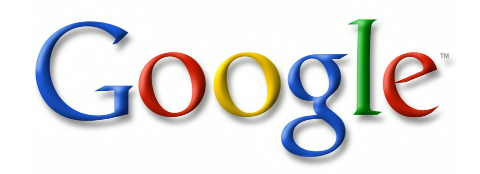
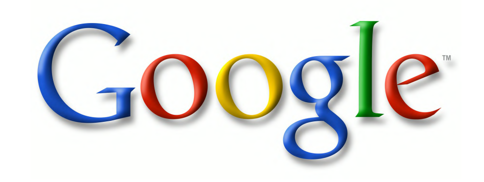
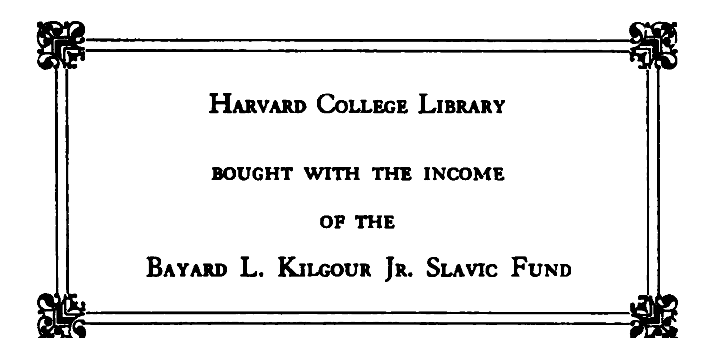

Google

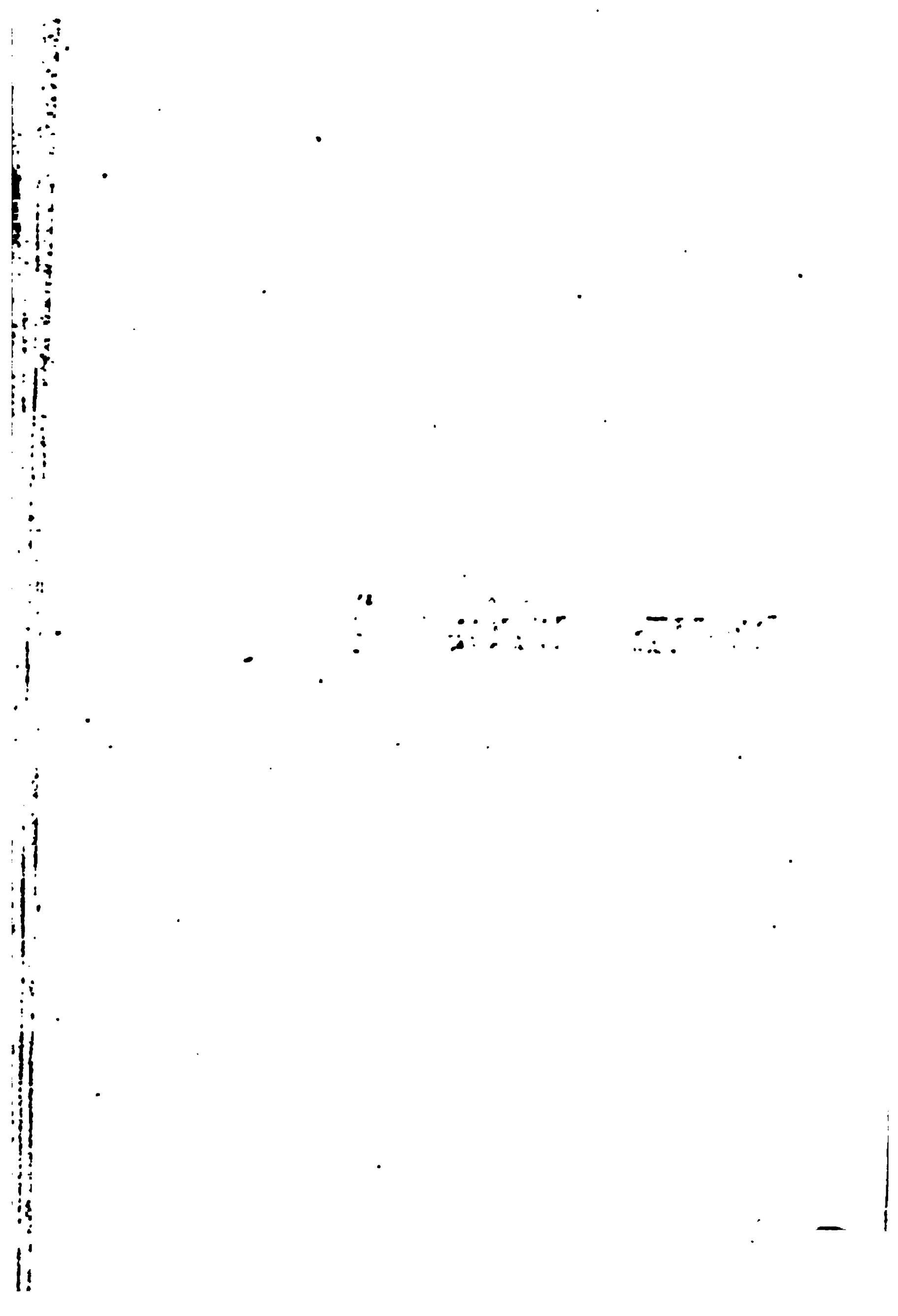




ОГЛАВЛЕНІЕ.

КОНЕЦЪ.

ТОМЪ ВТОРЫЙ



СОЧИНЕНІЯ
И
ПЕРЕВОДЫ

какЪ

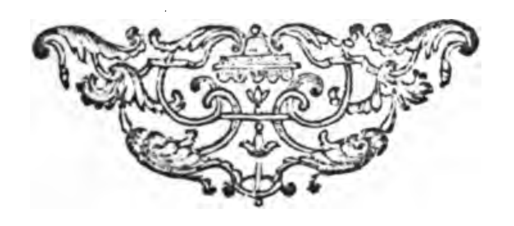
стїхами

такЪ и

прозою

ВАСІЛЬЯ ТРЕДІАКОВСКАГО

ТОМЪ ВТОРЫЙ



ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
При Імператорской Академіи НаукЪ
1752 года.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

СОЧИНЕНІЯ

И

ПЕРЕВОДЫ

как҄ъ

стїхами

такъ и

прозою

ВАСІЛЬЯ ТРЕДІАКОВСКАГО

ТОМЪ ВТОРЫЙ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
При Імператорской Академіи Наукъ
1752 года.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

РѢЧЬ

которую

въ САНКТПЕТЕРбургской ІМПЕРАТОРСКОЙ

АКАДЕМІИ НАУКЪ

къ членамъ бывшаго россійскаго собранія

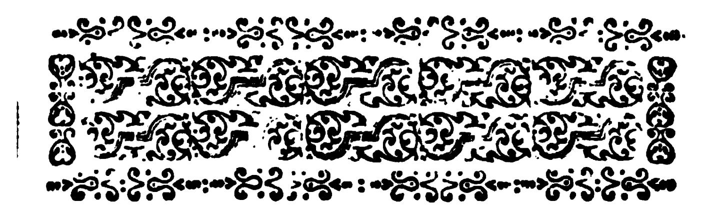
во время перваго ихъ засѣданія

Марта 14 дня, 1735 года

о чистотѣ Россійскаго Языка

говорилъ

В. Т.



При благословенной державѣ великія Монархіни АННЫ, и сего дождались мы щастія, Господа, что и о совершенствѣ россійскаго Языка попеченіе воспріемлется. Сіе дѣло не меньше полезное, коль трудное, главный въ сей Імператорской Академіи Коммандиръ, остроумный и мудрый Мужъ, на васъ полагаетъ, вамъ вѣряетъ, и всего къ тому возможнаго прилѣжанія, къ вящшему прославленію Россійскаго народа и его слова, отъ васъ ожидаетъ.

За нужное толь, но понынѣ оставленное сіе начинающееся учрежденіе, его Превосходителству, Высокородному господину, Господину Іоанну Албрехту Бронну фонъ-Корфу, ЕЯ ІМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Дѣйствителному Каммергеру, въ мудрыхъ мудрой, въ ученыхъ ученой, въ достойныхъ достойной Особѣ, неиску-

сное мое слово, равно какъ и необыкшїй къ краснорѣчїю языкъ, довольно и достойно возблагодарить никогда въ состоянїи быть не можетъ: всѣ любители Наукъ учинятъ ему за меня сїю справедливость; цѣлое оныхъ въ Россїи потомство благодаря не устанетъ никогда въ похвалахъ его; самая, нынѣ еще чаемая, отъ сего польза, совершенный дастъ способъ должно и прославить, и почтить его прилично.

Я только могу предъ вами сїе, Господá, выговорить, что Его Превосходительства бодрое старанїе, разумное управленїе, острое также рассмотрѣнїе, какъ въ прочихъ Академїческихъ порядкахъ, такъ и въ семъ новомъ установленїи, прямую къ славѣ Росской пользу, въ видѣ украшенномъ, прекрасномъ, и совершенномъ мысленному зрѣнїю моему представляютъ; и кажется мнѣ, что я вижу ея ужé любезну, плодоносну, похвальну, хотя однимъ симъ нестройну и недостаточну, что и мнѣ съ вами повелѣно совокупно присутствовать и трудиться.

Должность, которая на меня, но при васъ, Господá, налагается, и по коей отъ меня, но не безъ васъ, исполненїе требуемо будетъ отнынѣ, мнѣ толь есть необыкновенна, толь силы мои превосходяща, толь мало съ тупостїю моего ума сходственна, и отъ которыя меня толь многїе причины, въ рассужденїи моихъ къ ней недостатковъ и неспособностей, долженствовали

женствовали выключить, что въ самое сїе время, когда вамъ рѣчь мою произношу, не знаю, что долженъ я о себѣ помышлять. Возможноль сему статься, и правдаль то, что и я удостоенъ дѣйствительно вашего содружества, котораго токмо такой быть достоинъ можетъ, кто многаго есть разума, довольныя науки, твердаго и зрѣлаго разсужденїя, словомъ, подобный вамъ? Впрочемъ, что до разума, науки, разсужденїя, и до многотруднаго искусства, хотя я васъ, Господа, весьма нахожусь ниже; но послушанїемъ, но почтенїемъ къ Его Превосходительству, съ вами сравниться всячески постараюсь. Не будетъ во мнѣ, да и не надлежитъ, никакова велѣнїямъ его сопротивленїя, не будетъ отнюдъ отреченїя, не будетъ и ни малаго преслушанїя: ко всему, чего моя должность взыскивать съ меня ни будетъ, увидитъ онъ меня готова; ко всему, да и всегда, прилѣжна; ко всему радѣтельна, и толь, коль самая возможность до того меня допуститъ, и такъ, что, наконецъ, и Его Превосходительство нѣсколько меня достойнымъ изобрящетъ вашего собщества, и вы не будете сожалѣть, что искусныя ваши наставленїя, въ разсужденїи чистоты нашего Языка, въ прибытокъ мой, къ пользѣжъ общей, купно съ вами трудясь, употреблю: что и дабудетъ благоуспѣшно, желаю.

Великая потребность въ семъ дѣлѣ! Однако, съ другой стороны, коль ни поле-

зно есть Россійскому народу возможное дополненіе Языка, чистота, красота, и желаемое, потомъ, его совершенство; но мнѣ толь трудно быть кажется, что не нестрашитъ, уповаю, и васъ, Господа, трудностію и тягостію своею. Не объ одномъ здѣсь чистомъ Переводѣ степенныхъ старыхъ, и новыхъ Авторовъ дѣло идетъ; что и одно, и само собою, колико проливаетъ пота, извѣсно есть тѣмъ, которые прежде васъ трудились въ томъ, и вамъ самимъ, кои упражняетесь нынѣ: но и о Грамматікѣ доброй и исправной, согласной во всемъ мудрыхъ употребленію, и основанной на томъ, въ которой коль много потребности, толь немалаяжъ и трудность; но и о Лексіконѣ полномъ и довольномъ, кой въ васъ еще больше силы потребуетъ, нежели въ баснословномъ Сізіфѣ превеликій оный камень, который онъ на высокую гору одинъ токмо хотя вскатить, съ самаго почитай верьха на низъ его не хотя опускаетъ; но и о Реторікѣ и Стіхотворной наукѣ, а сіе все безмѣрно утрудить васъ можетъ.

Чувствуя сіе толь тяшкое бремя, и видя въ собраніи нашемъ толь малое насъ число, сомнѣваюсь, отпустіте моему малодушію, чтобъ нами одними толикое дѣло могло получить верьхъ совершенства. Впредь, твердо надѣюсь, когда малый, уской, и мѣлкій нашъ потокъ, наполнився посторонними струями, возрастетъ въ

преве-

превеликую, пространную, и глубокую рѣку, тоесть, когда число наше искусными людьми умножится, и прибавится; тогда можно будетъ благополучнаго сему ожидать совершенія, и вновь къ старому прїумноженія. Довольно съ насъ нынѣ и сея единыя славы, что мы начинаемъ, что начинаемъ подъ надзрѣнїемъ нынѣшняго главнаго нашего Коммандира, что наконецъ, начинаемъ въ государствованїе великія и несравненныя Самодержицы нашея АННЫ, Матери Отечества, и которая нынѣ есть чудо, и удивленїе всему Свѣту.

Поистиннѣ, Господá; дѣйствїя и добродѣтели увѣнчанныя сея Героини толь велики, какъ всему земному кругу извѣстно, что ни сáмый совершенно исполненный языкъ рѣчей въ себѣ равныхъ, дабы описать оныя, изобрѣсть не можетъ. Чтожъ нашъ? И нашъ, который не токмо не исполненъ, но еще понынѣ и дополняетъ быть не нáчатъ? Сего точно ради нынѣ должность сїя вамъ поручается, дабы, по скольку возможно, въ совершенство приводить нашъ Языкъ, и чрезъ тобѣ имѣть хотя малое средствїе къ прославленїю дѣлъ и добродѣтелей Государыни нашея.

Не сомнѣваюсь, чтобъ, украшая нашъ Языкъ, не потщались вы описать, въ извѣстїе будущему роду, коль есть премудра наша ІМПЕРАТРІЦА; коль храбра, щедра, и правосудна; коль любезна въ Мирѣ, страшна въ прїуготовленїяхъ воинственныхъ

ственныхъ, глубока́ въ разсужденіяхъ, непроницаема въ намѣреніяхъ, неутруждаема въ исполненіи своихъ предпріятій, небоязлива въ противныхъ приключеніяхъ, великодушна въ побѣдахъ, великолѣпна и преславна въ торжествахъ: но чтобъ и украшеннымъ могли мы описать, коль есть она милостива; о семъ не токмо сомнѣваюсь, но еще и отчаяваюсь. Найдите мнѣ, прошу, такова Государя, который бы во время са́маго сраженія плѣненныхъ воиновъ содержалъ какъ Посланниковъ; непріятелей, недобровольно покорившихся, какъ друговъ; и который бы подданныхъ своихъ любилъ и жаловалъ какъ дѣтей! А наша Государыня Імператріца такъ поступила съ Французами, такъ поступаетъ съ Депутатами Гданскими, такъ жалуетъ и снабдѣваетъ насъ своихъ подданныхъ, не требуя съ насъ за цѣлую половину года должныхъ себѣ податей, состоящихъ не въ нѣсколькихъ тысячахъ, но во многихъ мі́ллі́онахъ. Поистиннѣ, толико сіе потомкамъ будетъ невѣроятно, колико есть праведно: достовѣрнѣйшая сія истинна такова́ вмѣнится, каковы преукрашенные слогомъ басни древнихъ и новыхъ Піитовъ намъ быть кажутся. Чтожъ до нынѣшняго времени; Кто о семъ сомнѣвается? Кому сіе невѣроятно и неизвѣсно изъ насъ мнится? Глухъ есть, кто не слышитъ громогласныхъ проповѣданій во всей Россіи, отъ всѣхъ чиновъ, на всякомъ мѣстѣ, о крайней Само-

державицы

держицы нашея милости; слѣпъ есть, кто не видитъ повсюду текущаго, неудопонятнаго потомкамъ, щедропъ ея источника; окамененъ есть, кто не чувствуетъ сердцемъ матерняго ея ко всѣмъ милосердія: а продерзостенъ и безуменъ есть, кто, высоко мысля о себѣ, описать милости, щедроты, и ея милосердія всю великость вознамѣрится. Всѣхъ бы развѣ витійствующихъ довольно къ тому было доброввѣщаніе; а единаго человѣка всякое скудно, убого, и недостаточно есть краснорѣчіе. Тогоради, не льститесь Господа́, чтобъ и всѣ вы совокупно, какъ въ маломъ находящіися числѣ, могли когда изъяснить по достоинству, хотябъ ваша и са́мая совершенная была словесность, милость правосудную, и правосудіе милостивое Монархини нашея АННЫ; безмѣрность ея щедротъ всѣ глубочайшіи умы въ свѣтѣ превосходитъ. Итакъ, оставимъ милосердіе ея, чтобъ продолжало свое теченіе; возблагодаримъ токмо всеблагому БОГУ, что милостиво свое подобіе, ІМПЕРАТРІЦУ АННУ, даровалъ намъ здѣсь, да здраво, благополучно, и долговременно та царствуетъ надъ нами.

Гдѣжъ я, и слово мое? Извини́те меня, Господа́, что толь далеко отступилъ я въ сей моей рѣчи отъ намѣреннаго предложенія: истинно всегда въ живое прихожу чувство, сколько кратъ ни размышляю о неизмѣримой, и никогда достойно прославляемой

славляемой милости, которую Государыня наша имѣетъ. Не знаю, благодарность ли моего сѐрдца [ибо и я, Господа́, довольно оною, ктобъ повѣрилъ? насладился] къ тому меня приводитъ, или чудное ея величие уму моему есть ужасно и дивно. Но къ намѣренной возвращаюсь рѣчи.

Не забылъ я, Господа́, что оставилъ васъ при великихъ трудностяхъ полагаемаго на насъ дѣла. бесспорно, сія трудность есть превелика; однако она не изъ такихъ, чтобъ не возмогла быть преодолѣнна. Всегдашнее тщание, непрестанное размышленіе, неусыпный трудъ и на презыблющемся Океанѣ стро́итъ городы, и на превысокие го́ры взводитъ рѣки, и въ преглубокихъ безднахъ достаетъ Маргариты. Знаю, что трудно будетъ нача́ло; но своя́ есть честь и начатію. Вѣдаю, что скучно будетъ продолженіе; но и съ тѣмъ громкая сопряжена слава. А изъ полезнаго окончанія коликая похвала, коликія благодаренія, и коликія прославленія произойти могутъ, кто сего не предусматриваетъ, и кто сего уразумѣть не можетъ? Однобъ развѣ сіе токмо отвратить отъ предпріятія насъ могло, что не надѣемся мы быть щас́ливы въ окончаніи, и что другимъ сей преславный жребій готовится, а не намъ предпріявшимъ. Правда; но, Господа́, для себяль единыя Пчела сладкій медъ собираетъ, а и не для насъ? Для себяль единаго Соболь драгоцѣнную носитъ одежду, а и

а и не для насЪ? Не для себя и прекрасныи ЦвѢты благовонны, но для насЪ. На что намЪ завидовать щастію и славѢ другихЪ вЪ окончаніи, когда довольно всего того сЪ насЪ будетЪ вЪ начатіи, и вЪ продолженіи. Но хотя насЪ и устрашаютЪ трудности; однако начнемЪ, а по начатіи нѢчто изЪ того произойдетЪ, по крайней мѢрѢ, побужденіе другихЪ кЪ подобному дѢлу: не начинаяжЪ ничего, ничего и не будетЪ. СверьхЪ того, первыиль мы вЪ ЕвропѢ, которымЪ сіе не токмо трудно, но почитай и весьма неприступно быть кажется? были, были такіи, которыи не боясь того, но смотря на будущую изЪ сего пользу, начали, продолжали, и нѢкоторыи сЪ похвалою окончали. На примѢрЪ: не нетрудно было, вЪ са́момЪ началѢ, Флорентійской Академіи стараніе приложить о чистотѢ своего языка; приложила. Не нестрашно было, мню, предпріять также и Французской Академіи, чтобЪ совершеннѢйшимЪ учинить свойство тамЪ употребляемаго діалекта; предпріяла. Невозможно, чаю, сперва казалось Лейпцигскому содружеству подражать толь благоуспѢшно вышереченнымЪ онымЪ АкадеміямЪ, коль тѢ начавши окончали щасливо; подражаетЪ, и подражало благополучно.

НасЪ, Господа, что моглобЪ не допустить кЪ начатію толь полезнаго, и толь нужнаго дѢла? Не помышляетель вы, что нашЪ ЯзыкЪ не вЪ состояніи быть украшаемЪ?

емъ? Нѣтъ, нѣтъ, Господа; извольте отложить толь неосновательное мнѣніе. Посмотрите, отъ ПЕТРА ВЕЛИКАГО лѣтъ, обратившись на многіи прошедшіи годы; то размысливши увидите ясно, что совершеннѣйшій сталъ въ ПЕТРОВЫ лѣта языкъ, нежели въ бывшія прежде. А отъ ПЕТРОВЫХЪ лѣтъ толь отчасу пріятнѣйшимъ во многихъ писателяхъ становится оный, что нимало не сомнѣваюсь, чтобъ, достославныя АННЫ въ лѣта, къ совершенной не пришелъ своей высотѣ и красотѣ.

Украситъ его въ насъ Дворъ Ея Величества въ словѣ учтивѣйшій, и великолѣпнѣйшій богатствомъ и сіяніемъ. Научатъ насъ искусно имъ говорить и писать благоразумнѣйшіи Ея Министры, и премудрыи Священноначальники, изъ которыхъ многіи, вамъ и мнѣ извѣсныи, у насъ таковы, что намъ за господствующее правило можнобъ ихъ взять было въ Грамматику, и за краснѣйшій примѣръ въ Реторику. Научитъ насъ и знатнѣйшее и искуснѣйшее благородныхъ сословіе. Утвердятъ оный намъ и собственное о немъ рассужденіе, и воспріятое употребленіе отъ всѣхъ разумныхъ: не можетъ общее, красное, и пишемое обыкновеніе не на разумѣ быть основано, хотя коль ни твердится употребленіе, безъ точныя Ідеи объ употребленіи. Сіе положивъ, не великій ли приступъ, не великаяль удобность къ начатію

Грам-

Грамматики ? Чтожъ еще страшитъ насъ ? Реторіка ? Помогутъ намъ въ ней премногіи творцы Греческіи и Римскіи ; а наипаче хитрый и сладкій въ словѣ Маркъ-Туллій - Цицеронъ. Помогутъ Француссків балзаки , Коспарды , Патріо , и прочіи бесчисленныи. Помогутъ многіи преславныи писатели Нѣмецкіи , а особливо здѣсь Его Превосходительство Главный нашъ Коммандиръ , котораго въ семъ каково есть искусство , ужé обьявилось ученому Свѣту нѣкоторымъ его словомъ , и рѣчію , которую онъ говорилъ въ здѣшней Імператорской Академіи Наукъ къ господамъ Профессорамъ. Изъ основательныя Грамматіки , и красныя Реторіки не трудно произойти восхищающему сердце и разумъ слóву Пиитіческому , развѣ только одно сложеніе Стіховъ неправильностію своею утрудить васъ можетъ ; но и то, Господа, преодолѣть возможно, и привесть въ порядокъ : способовъ не нѣтъ ; нѣкоторыижъ и я имѣю. Вся трудность состоитъ въ Лексиконѣ.

Не противлюсь вамъ; великое и трудное дѣло есть Лексіконъ, и Лексіконъ такой, какому быть ему надлежитъ, а именно, полному и совершенному. Однако, не сіе есть свойство Лексікона, какъ повѣствуется объ истинномъ, или и ложномъ лучше Фениксѣ, чтобъ единожды въ пять сотъ лѣтъ былъ созерцаемъ: тысящи есть издавна разныхъ Лексіконовъ, и на многихъ языкахъ. Сіе самое доказываетъ непреоборимо, что и Лексіконъ не выше силъ

 человѣческихъ

человѣческихъ; а сего здѣсь и довольно. Излишнобъ упомянулъ я о Переводѣ: нѣкоторыи и изъ васъ самихъ, и не безъ похвалы, пускаютъ и пустили въ Свѣтъ свои Переводы. Тогоради, хотя и труденъ Переводъ, но бываетъ, и производится: хотя онъ и скученъ; но къ окончанію своему приходитъ. Трудъ, Господа, трудъ прилѣжный все преповѣждаетъ!

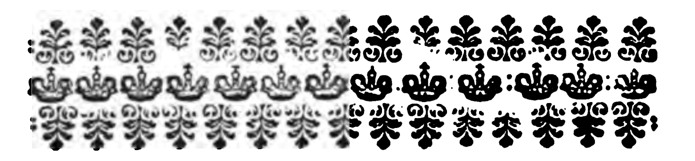
Ясно есть, что и трудность въ нашей должности не толь есть трудна, чтобъ побѣждена быть не возмогла. Одно тщаніе, одна ревность, одна неусыпность отъ насъ требуется. Можножъ дать и способъ, чрезъ который тщаніе, ревность и неусыпность непреминуемо имѣть мы будемъ. Вѣрьте мнѣ, когда о трудѣ памятовать не станемъ; когда хвалы, славы, и общія пользы желать станемъ; когда не для того будемъ жить, чтобъ не трудиться, но ради сего станемъ трудиться, дабы и по смерти не умереть: тогда нечувствительно привыкнемъ и пристрастимся къ тщанію, ревности, и неусыпности.

Впрочемъ, Господа, хотя и кажется мнѣ, что я нѣсколько доказалъ пользу, славу, и препобѣждаемую трудность въ новой сей нашей должности; но всеконечно не знаю, приличнымъ и свойственнымъ ли словомъ сіе я исполнилъ. Тогоради, для начатія вашего перваго опыта, сáмую сію Рѣчь, на сихъ листкахъ написанную, въ ваше отдаю рассмотрѣніе, прося, да соблаговолите въ ней непрáвильное исправить, недостаточное

наполнить, непринадлежащее надлежащимъ украсить, лишнее вонъ вынять; и симъ образомъ изъ несладкія, здѣлать ея хотя нѣсколько пошлою, и пріятною.

КОНЕЦЪ.

ОДЫ ПОХВАЛЬНЫЕ



ОДА I.

Торжественная

о

ЗДАЧѢ ГО́РОДА ГДАНСКА.

1734.

КОе странное піанство
Къ пѣнію мой гласъ бодритъ!
Вы Парнасское убранство,
Музы! умъ не васъ ли зритъ?
Стру́ны ваши сладкогласны,
Мѣру, лики слышу кра́сны;
Пламень въ мысляхъ восстаетъ.
О! Народы, всѣ внемлите;
бурны вѣтры! не шумите:
АННУ стіхъ мой воспоетъ.

* * *

Въ слѣгахъ толь высокопарныхъ,
Пиндаръ, Флаккъ по немъ, отъ мглы
Вознеслись до свѣтозарныхъ
З бѣдъ какъ быстрыи Орлы.
Но когдабъ съ самимъ сердечнымъ
Къ АННѢ духомъ, симъ и вѣчнымъ,
Пѣснь сравнилась днесь моя;
Тобъ самъ и Орфей Ѳракийский,
Амфионъ бы и Ѳиийский
Восхищенъ былъ отъ нея.

* * *

Се брящаю въ Лиру сладку
Веселѣнно торжество,
Къ вящшему враговъ упадку
Величая ликовство.
О! коль доблественна сила
Нашу радость украсила:
Силъ рачяло борца;
Свѣтлой радости нѣтъ мѣры,
Превосшедшей всѣ примѣры,
Усладившей въ насъ сердца.

* * *

Самъ Нептунъ чтоль строилъ стѣны?
Си при-морѣ стоятъ?
Нѣтъ ли Тройскимъ къ нимъ примѣны,
Что пустить внутрь не хотятъ
Росско воинство обильно,
И тому противясь сильно?

Вѣслово

Вѣслою тамъ всѣ рѣкой
Не Скамандруль называютъ ?
Не за Ідуль принимаютъ
Столнценбергъ , кой есть горой.

* * *

То не матерь басней Трбя :
Не одинъ тутъ Ахіллесъ :
Каждый рядовый изъ отрбя
Мужествомъ есть Геркулесъ.
Чтожъ за Власть перуны мещетъ ?
Не Мінервалъ шлемомъ блещетъ ?
Явно , что отъ горьнихъ лицъ ;
Со всего богиня вида ;
безъ щита страшна Эгіда :
АННА , верьхъ ІМПЕРАТРІЦЪ.

* * *

То и Россій полкъ , на мало
Гданскъ , градъ вражій , окружилъ ;
Марсомъ кажда звать пристало
Въ воехъ , какъ на брань спѣшилъ :
Всякъ готовъ пролить кровь смѣло ,
Иль вѣнчать объ АННѢ дѣло.
Щастьемъ АННЫ крѣпокъ всякъ :
АННА имъ надежда твѣрда ,
И что Та къ нимъ милосерда ,
Каждый вѣренъ , не двоякъ.

* * *

Европейска и Азїиска
Златовидный Солнца лучъ!
О! МОНАРХЇНЯ Россїйска,
Сей блаженства есть твой ключъ,
Что подданнымъ толь любезна!
И владычествомъ полезна!
Имя чтитъ твое весь Свѣтъ;
Славы не вмѣститъ Вселенна,
Видя, коль Ты проявленна,
И добротъ прекрасный цвѣтъ!

* * *

Что я зрю? не льститъ ли око?
Отрокъ Геркулу впреки
Сталъ, подъемля бровь высоко,
Изъ оградъ, изъ-за рѣки!
Гданскъ то съ помысломъ неумнымъ,
Какъ питьемъ упившись шумнымъ,
Се противится, и толь,
Самодержицѣ великой!
безднѣ не видитъ въ тмѣ толикой,
Всѣхъ и смертоносныхъ доль.

* * *

Станїслава принимаетъ;
Ищетъ дважды кой вѣнца,
Въ свой округъ, и уповаетъ
быть въ защитѣ до конца
Чрезъ востекшаго Нептуна:
Росскагожъ боясь перуна,

Дальный

Дальный въ помощь и народъ
Емлетъ отъ береговъ Секваны ;
Сей на бѣдство въ барабаны
бьетъ у Вексельмiндскихъ водъ.

* * *

Гордъ огнемъ Гданскъ и желѣзомъ ,
И полками воевъ тамъ ,
Цѣлитъ Махiны разрѣзомъ
Въ Россовъ на Раскатахъ самъ :
Чтожъ богатъ и всѣмъ припасомъ ,
Станiславу кличетъ гласомъ ;
Воиновъ своихъ блажитъ
Храбра сердца неимущихъ ,
То едино стерегущихъ ,
Жизнь спастибъ , и всякъ бѣжитъ.

* * *

Ахъ ! Гданскъ , ахъ ! Что ты дерзаешь!
Въ умъ приди , съ нимъ соберись :
Въ пагубу себя ввергаешь.
Что сталъ ? медлишь ! покорись.
Смѣлость отъ чего имѣешь ,
Что предъ АННОЙ не робѣешь !
Поддаются племена
Добровольно и безъ брани ;
Чтобъ не дать когда ей дани ,
Хинска дважды чтитъ страна.

* * *

Али не-было подобной
Вѣ милосердїи нигдѣ;
Нѣтѣ и кѣ миру толь способной,
Сѣ нехотящимѣ быть вѣ враждѣ:
Мечѣ Олївою обвитый
Вѣ бранехѣ токмо есть сердитый.
Кинь, Гданскѣ, помыслѣ злобный, кинь:
Зришь, Алцїды ужѣ готовы;
Жителямѣ бѣды суровы;
Слышишь АННИНЪ гнѣвѣ, не гинь.

* * *

Тысящами ты Атлетовѣ
Тѣсно всюду окруженѣ;
Грозныхѣ молнїй отѣ полетовѣ
Весь ужасно сокрушенѣ.
Устоять тебѣ не можно:
Громѣ готовѣ ужѣ не ложно;
безѣ защиты твой раскатѣ;
Всякѣ долѣ бездну отверзаетѣ;
Всякѣ кровѣ вѣ воздухѣ улетаетѣ;
Всѣхѣ почти лишенѣ оградѣ.

* * *

Купно хоть Державы бѣ стали
За тебя, Гданскѣ, отѣ сердецѣ;
Хоть стихїи бѣ защищали;
Многихѣ странѣ бы отѣ конецѣ
Воины вѣ тебѣ всемѣ были,
И свою бѣ кровь щедро лили:

Но

Но ничто тебѣ отъ муки
Есть не сильно дать свободу,
И пресѣчь вконецъ безгоду,
И у АННЫ взять изъ рукъ.

* * *

Зрите вы, противны роды,
Храбрость Россkихъ воевъ днесь:
Не вредятъ имъ огнь и вόды;
Въ каждомъ грудь открыта здѣсь.
Коль всѣ дружно приступаютъ!
Какъ свою жизнь забываютъ!
Не страшитъ изъ пушекъ громъ!
Лѣзутъ, какъ плясать на браки!
И сквозь дымны видно мраки,
Что къ твердынямъ зрятъ челомъ.

* * *

Всѣ еще разятся страхомъ
Града бѣднаго въ стѣнахъ;
Падаетъ, летитъ все прахомъ;
Осадитель на верьхахъ!
Съ башни Магїстратъ послѣдней,
Зря, что въ силѣ несосѣдней,
Въ Станїславѣ вбѣгшемъ къ нимъ,
Суетная всѣмъ надежда,
А безъ смысла, какъ невѣжда,
Пасть, кричитъ, намъ рокомъ симъ.

* * *

Хочетъ

Хочетъ быть, что я пророчилъ:
Начинаетъ Гданскъ трястись;
Здаться всякъ, какъ биться прочилъ,
Мыслитъ купно и спастись
Отъ оружій, бомбъ летящихъ,
И отъ всѣхъ заразъ градъ тлящихъ.
Всякъ вопитъ: часъ начинать:
Всѣмъ несносно было бремя;
Ахъ! врата градскія время
Войску АННЫ отверзать.

* * *

Сталось такъ. Знакъ виденъ къ здачѣ:
И повергся Гданскъ къ ногамъ!
Воинъ радъ нашъ объ удачѣ;
Огнь погасъ; конецъ бѣдамъ.
Тотчасъ Слава полетѣла,
Такъ трубою загремѣла:
АННА благощасна есть!
АННА есть непобѣдима!
АННА, всѣми возносима,
Обща красота и честь.

* * *

Лира! пѣснь скончай и лики:
АННУ вѣнценосну пѣть,
И добро́ты превелики,
Невозможно мнѣ, какъ лѣть.
Въ семъ хвала, въ семъ АННѢ многа,
Что любима есть отъ БОГА.

Самъ

Самъ всегда ея блюдетъ ;
Имъ побѣды та имѣетъ ,
Кто противникомъ быть смѣетъ.
АННА многъ вѣкъ да живетъ !

РАССУЖДЕНІЕ
ОБЪ ОДѢ ВОБЩЕ.

РѢчь Ода, съ Греческаго есть слова Ωδή, которая по нашему значитъ: ПѢСНЬ. Но въ самой вещи: ОДА ЕСТЬ СОБОКУПЛЕНІЕ МНОГИХЪ СТРОФЪ, СОСТОЯЩИХЪ ИЗЪ РАВНЫХЪ, А ИНОГДА И НЕРАВНЫХЪ СТІХОВЪ, КОТОРЫМИ ОПИСЫВАЕТСЯ ВСЕГДА И НЕПРЕМѢННО МАТЕРІЯ БЛАГОРОДНАЯ, ВАЖНАЯ, РѢДКО НѢЖНАЯ И ПРІЯТНАЯ, ВЪ РѢЧАХЪ ВЕСЬМА ПІИТІЧЕСКИХЪ И ВЕЛИКОЛѢПНЫХЪ.

По сему описанію Оды видно, что она благородствомъ Матеріи, и высокостію рѣчей не разнится отъ Эпіческія Поэзіи, но токмо краткостію своею, также и родомъ Стіха, длятого что Ода никогда не сочиняется Гексаметромъ, или шесть мѣръ имѣющимъ Стіхомъ.

Вся-

Всякая мирская пѣсня, буде она отъ правильнаго сочинена Пѣснотворца, подобна есть Одѣ тѣмъ, что и пѣсня изъ многихъ состоитъ Строфъ, иногда равныи всѣ, а иногда и неравныи Стіхи въ себѣ имѣющихъ. Но Матеріею, и словами весьма отъ Оды отлична: ибо содержаніе пѣсенъ часто, и почитай всегда, есть любовь, либо иное что подобное, лехкомысленное, и только что сердце человѣческое улещивающее; рѣчь же самая бываетъ въ нихъ иногда сладкая, но всегда льстящая, часто суетная и шуточная, не рѣтко мужицкая и ребячья.

Есть и еще родъ Строфъ, который всегда какъ въ средней матеріи, тоесть, ни очень благородной, ни весьма общей обращается; такъ и словами средними, именножъ, ни весьма высокими, ни очень нискими, больше нѣчто отъ высоты, нежели отъ нискости занимающими, йдетъ. Сей родъ Строфъ Французы называютъ СТАНСАМИ. Но сказать праведнѣе, Стансы ихъ всѣ тожъ что Оды, но токмо нѣжные, и непарящіе въ высоту.

Подлинно, Піндаръ Лірическій Піитъ на Греческомъ языкѣ, и Горацій подобнагожъ искусства на Латінскомъ, толь совершенно писали Оды, что, желающій нынѣ въ томъ имѣть успѣхъ, не можетъ имъ не послѣдовать. Они только одни умѣли сочинять толь чудесно, когда, чтобъ изъявить разумъ свой, какъ буттобъ онъ былъ внѣ себя,

бя, прерывали съ умысла послѣдованіе своея рѣчи; и дабы лучше войти въ разумъ, выходили, буде позволено такъ сказать послѣ боало-Депреб, изъ самаго разума, удаляясь съ великимъ стараніемъ отъ исправнаго порятка, который имѣлъ бы отнять всю соль, весь сокъ, или лучше самую душу у Ліріческія Поэзіи.

Присмотрившись къ величественности и неподражаемому совершенству въ Одахъ сихъ великихъ въ древности Мужей, боало-Депреб Сатірікъ Француской, во второй пѣсни Науки своея о Поэзіи, такъ говоритъ объ Одѣ:

Son ſtile impetueux ſouvent marche au hazard,
Chés elle un beau deſordre, eſt un éffet de l' art,

тоесть:

Быстра въ Одѣ слога часто есть отваженъ ходъ:
Красный беспорядокъ точно въ ней искусства плодъ.

Сего правила никто на Французскомъ языкѣ, какъ мнится, не употребилъ лучше самого Автора Депреб, которое онъ самымъ дѣломъ совершенно всѣмъ показалъ въ преизрядной своей Одѣ, сочиненной по случаю взятаго города НАМУРА отъ Французскаго войска. Признаваюсь необиновенно, сія самая Ода подала мнѣ весь планъ къ сочиненію моея о здачѣ города Гданска; а много я въ той взялъ и изображеній; да и невесьма тщался, чтобъ мою такъ отличить, дабы никто не узналъ: я еще ставлю себѣ въ нѣкоторый родъ чести, что возмогъ нѣ-

сколько

сколько уподобиться въ моей толь громкому и великолѣпному произведенію, которое такъ есть благоуспѣшно, что, по мнѣнію знающихъ Особъ силу, ничемъ не отстало отъ всего, что мы ни имѣемъ изъ сочиненій въ семъ родѣ, оставшихся намъ отъ Піндара и Горацїя.

Всякъ Россійскій охотникъ можетъ примѣтить высоту слова, какова приличествуетъ Одамъ, въ Псалмахъ Святаго Пѣснопѣвца Псалтірїческаго: ибо Псалмы нечто есть иное, какъ токмо Оды, хотя на Россійскій нашъ и не Стїхами они переведены, но на Еврейскомъ всѣ сочинены Стїхами. Увидитъ онъ тутъ и благородство матеріи, и богатство украшенія, и великолѣпїе изображеній; увидитъ мудрое прерыванїе разума, а отъ разума не отходящее; увидитъ удивительное вознесенїе слога, и, по Ролленевымъ словамъ во второмъ надесять Томѣ древнія его Історіи, неисчетное множество живыхъ красотъ и одушевленныхъ. Въ нихъ рѣки возвращаются вспять къ своимъ истокамъ; моря расступаются и убѣгаютъ; холмы скачутъ; горы таютъ какъ воскъ и исчезаютъ; небо и земля слушаютъ и внушаютъ съ почтенїемъ и въ молчаніи; все естество приходитъ въ движенїе и колеблется отъ лица своего Зиждителя: увидитъ онъ и скажетъ, что то по самой истиннѣ есть БОЖІЙ ЯЗЫКЪ. Такова долженствуетъ быть совершенная

Ода, а особливо благородную матерїю воспѢвающая.

Чтожъ до моея; коль я ни тщался, однако, вѢдая мое бессилїе, не уповаю, чтобъ она столькожъ сильно была сочинена, сколько боалова, которой моя есть Подражение: довольно съ меня и того, что я нѢсколько возмогъ оной послѢдовать. Я впрочемъ и не даю моея Оды за совершенный образецъ въ семъ родѢ сочиненїя: но при важности въ матерїи, и при Имени похваляемыя и воспѢваемыя въ ней, она нѢчто имѢетъ въ себѢ, какъ мнится, нѢсколько небесславное, а именно, самая первая есть на нашемъ ЯзыкѢ.

ОДА

ОДА II.

ПОХВАЛА ЦВѢТКУ РОЗЪ

Благовонна Роза! красота весны!
Цвѣтниковъ повсюдныхъ яхантъ безъ цѣны!
Госпожу всему, что красамъ причасно;
Иль тому тебя грунтъ, что есть прекрасно,
О! тебя Царицу славнѣйшу цвѣтовъ,
Не зарницу, солнце точно всѣхъ садовъ!
Похвалить теперь я хотя и тщуся:
Но румяну зря, и хвалить стыжуся.

* * *

Какъ тебя раждало Естество на свѣтъ;
То всѣмъ тѣмъ снабдило, лучшаго въ чемъ нѣтъ:
Красныхъ всѣхъ цвѣтовъ тѣмъ ты и красняе;
Тѣмъ ты и чесныхъ, сколько есть, чесняе.
Прочїи красятся мало чемъ цвѣты;
А въ тебѣ верьховны видимъ красоты:
Въ бѣлостнѣ блѣднѣлъ лучъ Лїлѣй немалый,
Къ бѣлизнѣ тебѣ данъ цвѣтъ желтъ и алый.

* * *

Въ землю посадило мяхку возрастать,
Мяхкостию отъ грубой во вредъ не стать;

Зефiръ тонкiй самъ надъ тобой летаетъ,
Въ воздухъ ароматъ всюду развѣваетъ:
Естество то столько тщилось о тебѣ,
Что тебя любиму изъ цвѣтовъ себѣ,
Тернiемъ въ округъ оградило смѣжно,
Не касалось бы къ нѣжной, что не нѣжно.

* * *

Влитъ въ тебя прiятный благовонiй сокъ,
Намащенъ преслаткимъ духомъ всякъ листокъ;
Чувство въ насъ одно, зря тебя, дивится,
А другое чувство духомъ тѣмъ сладится.
Благолѣпность много подаетъ утѣхъ,
Благовонство равно сладостей намъ всѣхъ:
Внѣшнимъ кто, коль ты, столько есть богата?
Внутреннимъ же всѣмъ ужъ дражайша злата.

* * *

Испытать хотѣла багрецомъ своимъ,
И другихъ составомъ многихъ красокъ съ нимъ,
Живопись всегда пестра, разноцвѣтна,
Видима очамъ, слуху безпривѣтна,
Чтобъ тебѣ подобный написать цвѣтъ здѣсь;
Зритъ изобразивши въ разности тотъ весь:
Какъ бы кистью то живо учредилось,
Само Небо въ чемъ тщательно трудилось!

* * *

Адамантъ перлъ сколько выше оцѣненъ;
Коль источникъ мутный съ чистымъ несравненъ;
Златъ желѣза коль есть крушецъ дражайшiй;
Отраслей своихъ кедръ коль высочайшiй:
Толь ты превосходишь цвѣтоносный родъ,
И цвѣтущiй въ твари всякiй разный плодъ.
Предо всѣми что есть Луна звѣздами,
Зришся то сама ты между цвѣтами.

* * *

Всѣ

Всѣ зримъ ненасытно лѣпоту твою,
Большу любопытность кажетъ зрак свой;
Обоняемъ твой съ неба духъ богатный:
Раеенъ твоему гдѣ есть ароматный?
Самъ ты лучше знаешь, О! Рой мудрый пчелъ,
Сколько цвѣтъ сей райскій въ дивный твой предѣлъ
Щедро подаетъ, отъ сокровищъ истыхъ,
Всеприятный даръ, Нектаръ медовъ чистыхъ.

ОДА III.

ПОХВАЛА ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ ПРАВДѢ НАДЪ ЛЖЕЮ

О! что за злость? о! что за ярость?
Пороковъ что за смрадна старость?
Коль адскимъ дышетъ та огнемъ!
Кому она во вредъ стремится!
Не умертвитъ ли стервѣнится!
Въ ней лютъ есть гнѣвъ, а жаръ лютъ въ немъ!

* * *

Чудовище свирѣпо, мерско!
Три головы подъемлетъ дерско!
Сверкаетъ въ томъ тройный языкъ!
Ядъ изблевать ужé готово!
И наглостïю толь сурово,
Разинуло тройный же рыкъ!

* * *

То

То Ложь проклята, дерзновенна,
Изъ Ада вышедши безденна,
Святую боретъ Правду злясь:
бесстыдно гонитъ ту всечасно;
Тѣмъ славится ужъ iелегласно,
Что хочетъ растерзать стремясь.

* * *

Укройся Правда ты драгая,
Восстала на тебя Ложь злая:
Та нагла, ты сверьхъ мѣръ кроткá;
Свирѣпа та, но ты вся сладость;
Та древнiй звѣрь, въ тебѣ вѣкъ младость:
Задавитъ, мню, тебя съ легка.

* * *

И се исходитъ Правда мила,
Съ ней и Добротъ премнога сила:
Честь, Постоянство, Красота,
Умильность, Свѣтлость непримрачна,
Вся Добродѣтель благозрачна,
И благостей всѣхъ высота.

* * *

Ко Лжи приходитъ тихо, прямо.
Ложь смотритъ на нея упрямо!
Прочъ, вселюбезна Правда, прочъ:
Ложь на тебя скрежещетъ злобно,
Пожрать возможетъ та удобно,
Иль стерть вдругъ смертоносна дочь.

* * *

Ахъ горе! зрится брань задорна,
Жарка, хоть и единоборна:
Каковъ былъ страшный Голïатъ
Въ своихъ поступкахъ и обратахъ,
Весь ополченъ., отвсюду въ латахъ;
Таковъ лжи въ смѣлости прикла́дъ.

* * *

А Правда сходствовала точно,
Сходясь въ бой будто какъ непрочно,
Тому, кой Пастушкомъ успѣхъ
Весь одержалъ побѣдоносный;
Въ проворствѣжъ будучи искосный,
Противника низвергъ въ посмѣхъ.

* * *

Такъ ра́вно битва началася,
Гдѣ Правда Лжи не поддалася.
Грозитъ ту сбѣшно Ложь убить;
Она мнитъ, что тоя сильняе:
Но Правда оную больняе
Ужъ начала въ чело разить.

* * *

Ругаетъ пѣнясь та словами;
И Правда не молчитъ устами:
Та не пронзила ужъ едва;
Мечемъ же Правда ту острѣйшимъ,
И пораженïемъ сильнѣйшимъ
Низринула до смертна рва.

* * *

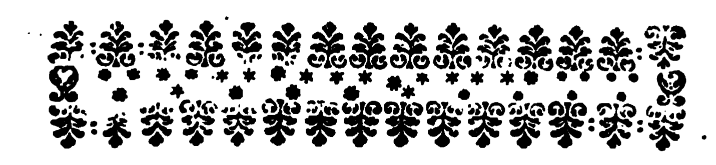
О! язва, разъ благополучный!
О! слава, гласъ побѣды звучный!
Лжи гордыя слѣдовъ не знать!
Есть Правды торжество преславно;
Красуется за дѣло главно:
И дивноль ей торжествовать?

* * *

Еще торжествъ всѣмъ видны слѣды
Тамъ послѣ славныя побѣды:
Идѐтъ за Правдою чинъ многъ;
Всѣжъ добрыя сердца́ имѣютъ,
Всклицаніями ей сипѣютъ,
Препровождая ту въ чертогъ.

* * *

То всѣми зрѣлище толико
Прославлено какъ превелико:
Коль Правдѣ горесно терпѣть
Отъ Лжи зло было и некратко;
Толь кра́сно торжество и сладко
Въ веселіи ужъ нынѣ пѣть.



ОДА IV.

ПОХВАЛА ИЖЕРСКОЙ ЗЕМЛѢ, И ЦАРСТВУЮЩЕМУ ГРАДУ САНКТПЕТЕРБУРГУ.

Пріятный брегъ! Любезная страна!
 Гдѣ свой Нева потокъ стремитъ къ пучинѣ:
 О! прежде дебрь, се коль населена!
Мы градъ въ тебѣ Престольный видимъ нынѣ.

* * *

Не мало зрю въ округѣ я добротъ:
 Рѣки твоей струи лехкі и чисты;
 Студенъ воздухъ, но здравъ его есть родъ:
 Осушены почти ужъ блата мшисты.

* * *

Гдѣ

Гдѣ мѣсто ты низвергнуть подала
Враговъ своихъ блаженну АЛЕКСАНДРУ:
Въ Трофей и Лавръ тамъ Лавра процвѣла;
Тамъ почернилъ багряну токъ Скамандру.

* * *

Отверзла путь, торжественны врата,
Къ Полтавскимъ тѣмъ полямъ сія побѣда;
ВЕЛИКІИ САМЪ, о! слава, красота,
Сразилъ на нихъ ПЕТРЪ равнагожъ сосѣда.

* * *

Преславный Градъ, что ПЕТРЪ нашъ основалъ,
И на красѣ построилъ толь полезно:
Ужъ древнимъ всѣмъ онъ нынѣ равенъ сталъ;
И обитать въ немъ всякому любезно.

* * *

Не больше лѣтъ, какъ токмо съ пятдесятъ,
Отнелѣжъ всѣ, хвалу отъ удивленной
Ему душй со славою гласятъ,
И честь притомъ достойну во Вселенной.

* * *

Чтожъ бы тогда, какъ пройдетъ ужъ сто лѣтъ!
О! вы, по насъ идущіи Потомки,
Вамъ слышать то, сему коль Граду свѣтъ,
Въ восторгъ пришедъ, хвалы пѣть будетъ громки,

* * *

Авзонскихъ

Авзонскихъ странъ Венеція, и Римъ;
И Амстердамъ батавскій; и столица
бріттанскихъ мѣстъ тотъ долгій Лондонъ всѣмъ;
Парижъ градамъ какъ верьхъ, или Царица.

* * *

Всѣ сіи цѣль есть шествій нашихъ въ нихъ,
Желаній вещь, чесное наше странство,
Разлука намъ отъ кровнѣйшихъ своихъ:
Влечетъ туда насъ слава и убранство.

* * *

Сей любъ тому, иному тотъ изъ насъ:
Какъ веселилъ того, другой другаго;
Такъ мы объ нихъ бесѣдуемъ многъ часъ,
И помнимъ, что случилось тамъ драгаго.

* * *

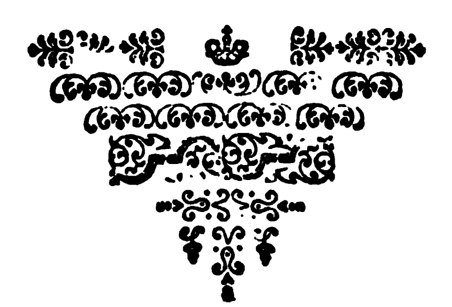
Но вамъ узрѣть, Потомки, въ Градѣ семъ,
Изъ всѣхъ тѣхъ странъ слетающихся густо,
Смотрящихъ все, дивящихся о всемъ,
Гласящихъ: се Рай сталъ, гдѣ было пусто!

* * *

Явится имъ здѣсь мудрость по всему,
И изъ всего ПЕТРОВА не въ зерцалѣ:
САНКТПЕТЕРБУРГЪ не образъ есть чему!
Воссгенутъ: жаль! Зиждитель Самъ жилъ мало.

* * *

О! БОЖЕ, твой предѣлъ да сотворитъ,
Да, о ПЕТРѢ Россіи всей въ отраду,
Свѣтило дня впредь равнаго не зритъ,
Изъ всѣхъ градовъ, вездѣ ПЕТРОВУ Граду.



ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕЙ ДЕРЖАВНѢЙШЕЙ
ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ
ІМПЕРАТРІЦѢ
ЕЛІСАВЕТЪ ПЕТРОВНѢ
Самодержицѣ Всероссійской
ГОСУДАРЫНѢ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ
всеподданнѣйшее поздравленіе
въ Высочайшій день
КОРОНОВАНІЯ
въ царствующемъ градѣ Москвѣ
Апрѣля 25 дня, 1742 года
ВЪ ПРИВѢТСТВЕННОЙ ОДѢ ИЗОБРАЖЕННОЙ
и ея
Священнѣйшему Величеству
УСЕРДНѢЙШЕ ПОСВЯЩЕННОЕ
и въ самый тотъ день
въ Грановитой палатѣ поднесенное
рабολѣпно
отъ
Всеподданнѣйшаго раба
В. Т.

Вс

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ ІМПЕРАТРІЦА!

САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ!

ВОжделѣнный и спасительный День всеобщія Россійскія радости, тоесть, День ВАШЕГО ІМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА священнѣйшаго КОРОНОВАНІЯ, расширивъ чувствительнѣйшимъ веселїемъ мое сердце, не попускаетъ и мнѣ быть при всемірныхъ безгласну восклицаніяхъ. Не имѣя достойнѣйшаго внѣшняго способа, къ извяѧленію внутренняго моего усердія, Оду сію токмо, припадъ къ Стопамъ ВАШЕГО ІМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, за истинный знакъ всеподданническія моея должности, ВАШЕМУ ІМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ въ привѣтствіе посвящаю.

Дерзновенію моему хотя и не можно извиниться совершенно, тѣмъ что вседостойной въ свѣтѣ МОНАРХІНѢ, крайно недостойную Пѣснь толикаго Празнованія и КОРОНЫ, нынѣ ВАШИМЪ ІМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ торжественно отъ Руки ВСЕВЫШНЯГО воспріятыя, приношу

приношу ягно: однако нѣсколько не можетъ же оное во мнѣ быть и не оправдано, что искреннимъ сердцемъ, чистымъ духомъ, и непритворнымъ воспламеняемый радованїемъ, прославляю въ ней, по мѣрѣ слабыхъ моихъ силъ, ВАШЕ ІМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, истинную нашу САМОДЕРЖИЦУ.

Воспрїемля съ благоволенїемъ въ День сей великолѣпныи отвсюду дары, да не отриметъ ВАШЕ ІМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО малаго сего и убогаго; сїежъ по примѣру преисполненнаго щедротъ БОГА, коего здѣсь на землѣ Образъ есть и Подобїе ВАШЕ ІМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО: ибо Его благость призираетъ и на драгоцѣнное отъ приносящихъ къ Олтарю злато, и едва на непрезираемые нѣкоторые вещи. Сего есть рода точно и сїе мое приношенїе: но представляетъ оно въ Жертву ВАШЕМУ ІМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСГВУ какъ чистѣйшую ревность, такъ должное, совершенное, и глубокое всеподданническое работѣпство, съ которымъ всегда я былъ, нынѣ есмь, и пребуду до послѣдняго издыханїя,

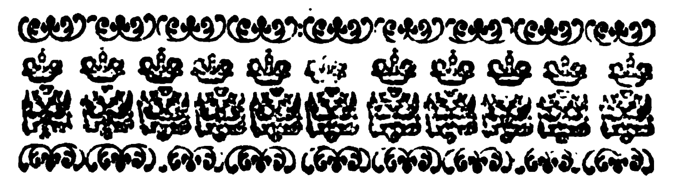
ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ ІМПЕРАТРІЦА,

ВАШЕГО ІМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,

всеподданнѣйшїй рабъ:

В. Тредїаковскїй

ОДА



ОДА V.

ПРИВѢТСТВЕННАЯ.

УСтрой, давно молчаща Лїра,
Въ сладчайшїй гласъ твоихъ звонъ струнъ;
Да будетъ слышимый отъ Мїра,
Взнеси до странъ, гдѣ есть перунъ,
Твой возгласъ свѣтлый и прїятный,
И въ звучномъ шумѣ грому внятный:
Сама въ умильности въ чертогъ
Несись къ ЕЛИСАВЕТѢ красно,
Ту воспѣвая повсечасно,
И повергаясь къ НЕЙ до ногъ.

* * *

О! МАТЕРЬ отчества Россійска,
О! Лучь Монархінь и Красотъ,
О! Честь Европска и Азвйска,
О! Плодъ ПЕТРОВЪ, и Верьхъ Высотъ,
Воскликнуть можетъ кто пристойно,
Чтобъ было все того достойно,
Кой зрится на Главѣ ТВОЕи
ВѢНЕЦЪ отъ каменя толь чёсна?
Моя Пѣснь будетъ хоть не лѣсна;
Но силъ къ хвалению нѣтъ въ ней.

* * *

Зефірный вѣтры духъ да вѣютъ,
Да рѣки Нектаромъ текутъ,
Скоряе всѣ плоды да спѣютъ,
Цвѣты вездѣ да прорастутъ,
Да льютъ Стіхіи силу нову,
Къ безвредію вещей готову:
Россійски нынѣ Небеса
ВЪ ЕЛІСАВЕТѢ обновились,
ЕЯ и земли премѣнились,
И зрятся всюду чудеса.

* * *

Безъ дивалъ очи въ насъ едины
Возобновленіе то зрятъ?
Не имутъ ли сердца причины
Къ веселію, что толь горятъ?
Законну мы Главу зримъ нынѣ
ВѢНЦЕМЪ блещащу въ благостынѣ:

Мы

Мы всѣ зримъ, что ЕЛІСАВЕТЪ
Престолъ, Власть, Скипетръ, и Державу
Наслѣдила себѣ по праву,
И Вѣкъ златый ко всѣмъ ведетъ,

* * *

Стремится тщетно мысль на горы,
Гдѣ сладкогласныхъ Музъ Престолъ;
Туда возводитъ дерско взоры,
Оставить порѣваясь долъ:
Ни Аполлінъ есть самъ исправенъ,
Ни нѣжный Хоръ его весь равенъ
ЕЛІСАВЕТУ восхвалить,
ІМПЕРАТРІЦУ увѣнчанну,
Въ знакъ милостей намъ свыше данну;
Мнѣль достолѣпно вострубить?

* * *

ЕЛІСАВЕТѢ подобало
На Тронѣ семъ давно сидѣть;
Давно въ рукахъ ей надлежало
Державу съ Скипетромъ имѣть:
Сама Главы ЕЯ КОРОНА,
Бедражъ искалъ Мечъ оборона:
Давно быть и на раменахъ
Порфіра златотканна тщилась,
Дабы сама вся украсилась
Толь отъ Прекрасныя въ Женахъ,

* * *

Г 2 Народъ

НАродъ тогда колико бѣдный
Лилъ теплыхъ къ ВЫШНЕМУ молитвъ,
Да взыдетъ ТА на Тронъ наслѣдный,
Хоть былъ ему страхъ отъ ловитвъ!
О! Вы толь храбрыи солдаты,
МОНАРХІНИ Сея коль краты
Сердецъ желали въ глубинѣ?
Вы, О! стѣна Россіи тверда,
Ужъ видите что Милосерда
ВЕРЬХОВНѢЙШЕЮ въ сей странѣ.

* * *

ВСѢ зрите, се ЕЛІСАВЕТА
Сіяетъ коль своимъ ВѢНЦЕМЪ!
Се въ багряницѣ, съ словъ завѣта
Пресвѣтло блещетъ коль Лицемъ!
Прекрасна, Щедра, Справедлива,
Во всѣхъ Добротахъ особлива,
На Тронѣ важно коль сидитъ!
Величіе въ ІМПЕРАТРІЦѢ,
Всякъ зря и Красоту въ Дѣвицѣ,
Да Ону достодолжно чтитъ.

* * *

ЕЩель гласитъ по недостатку
Моихъ силъ тако не боюсь?
Яль воспою хвалу преслатку,
И толь продерзостенъ явлюсь?
Почто я въ мысли не имѣю,
Что съ неискуства онѣмѣю?

Но

Но всюду славятъ по всему
ЕЛІСАВЕТУ несравненну:
Тѣмъ Пѣснь мою неукрашенну
Скраситъ усердіе къ тому.

* * *

О! Всѣхъ сердецъ толь чистый пламень,
ЕЛІСАВЕТЪ, ПЕТРОВА Дщерь!
Почтожъ ТВОЕ къ намъ было камень,
Надежды заключая дверь?
Почто не прежде воцарилась?
Ни прежде въ семъ Вѣнцѣ явилась?
ТЕБѢЛЬ всѣхъ слёзы повсегда
Не объявляли предовольно,
ТОБОЮ еслибъ было вольно,
былабъ въ насъ ГЛАВНОЮ тогда?

* * *

Поставлены ужъ сѣти были;
Ямъ оказалась глубина;
бѣды и скорби насъ губили;
И ненависть вооружена:
блевала злость змїинымъ ядомъ,
Со дна всѣмъ подымалась Адомъ.
Россіи горькій токмо стонъ:
Всѣ безъ защиты отъ навѣта!
Но ТЫ зря, О! ЕЛІСАВЕТА,
Какъ будто сихъ не зрила сионъ.

* * *

Особлжъ ли ТВОЯ дражайша
Тогда пребыть могла безъ бѣдъ ?
О! Дщерь, Отца Дщерь не нижайша,
Толикій никому былъ вредъ:
Вездѣ обида, всюду страхи;
Ужé и сáмыи всѣ прахи
Любезну гнали Небесамъ.
Хотяжъ сïе и досаждало;
Однакъ ТЕБЯ не возбуждало
Итти, куда ТВОЙ Родъ велъ самъ.

* * *

НАродъ, все войско, благородство,
Сïнклïтъ, и весь духовный чинъ,
Науки, судъ, и мореходство,
Всякъ вѣрнѣйшïй Россïйскïй сынъ;
Все, въ видѣ отъ ПЕТРА что новомъ,
Молило такъ молчащимъ словомъ:
О! буди, время, наша МАТЬ;
ТВОЙ всѣ, и ТВОИХЪ неложно;
Потщись, а дѣло есть возможно,
Престань всѣхъ Радость, толь рыдать.

* * *

СИмъ Духъ, толь непоколебимый,
Хоть не терзаемъ быть не могъ;
Но такъ былъ видъ ТВОЙ всѣми зримый,
Что будто не крушилъ налогъ.
Великодушïя предѣлы,
Моглибъ всѣ и тогда быть цѣлы:

бѣдамъ

бѣдамъ ли ты ждала конца?
У всѣхъ ужé шли къ смерти нóги,
Спастись, не видѣли дорóги,
Что быть коснѣла безъ ВѢНЦА.

* * *

Чтожъ то! въ ревнительнѣйшемъ жарѣ
Поющій Стіхъ куда стремлю?
безумно въ дерскомъ зрюсь быть сварѣ,
Впреки Терпѣнію гремлю.
О! МАТИ Россиихъ чадъ высóка,
Не отврати во гнѣвѣ óка:
Вся радость чистая моя
Хотя сіе такъ произноситъ;
Но зритъ, и вѣритъ проситъ,
Колика мудрость въ семъ ТВОЯ.

* * *

Судебъ я бездну вышня БОГА
Чту токмо, ужасомъ разясь;
Испытовать ту дерзость многа,
бѣгу потóпа не стыдясь:
ПРЕМУДРЫЙ вѣдалъ точно время,
Въ которое, ПЕТРОВО Племя
Десницею благословить,
Полезнѣе для насъ всѣхъ было.
Но средство Міръ весь удивило,
Далъ коимъ Скипетръ возвратить.

* * *

Уже зришь, коль народъ подданный
Веселій выше здѣсь своихъ;
Ликуетъ, что есть непопранный
Отъ звѣрства гордаго чужихъ.
Но радости сея причина,
Ты, О! МОНАРХІНЯ, едина:
Возставилъ Скипетръ ТВОЙ его;
ТВОИМЪ есть утвержденъ Престоломъ;
Нѣтъ мѣста въ немъ Фортунѣ съ коломъ;
ВѢНЕЦЪ ТВОЙ щитъ намъ отъ всего.

* * *

Тобою всѣ мы благощасны;
Всякъ состоянїе блажитъ;
Всѣмъ нынѣ дни сїяютъ красны;
Ничто ужъ больше не страшитъ.
Міръ заключаешь ли съ Другами?
Несутся съ Неба дары сами,
Обилїе, богатство вновь,
Вселяется внутрь духъ спокойный,
Порядокъ зрится всюду стройный,
Усердность, искренность, любовь.

* * *

Врагиль ТЕБЯ гдѣ нудятъ къ брани?
Остряе Росскій тотчасъ мечъ;
Несутся вскорѣ должны дани;
Ярится храбрость тѣхъ посѣчь.
Гдѣ воинъ йдетъ, тамъ успѣхи;
Моря, и рѣки безъ помѣхи;

Поля

Поля́, и го́ры для побѣдъ;
быстряе птицы Слава мчится;
И токмо торжество красится:
Противныхъ погибаетъ слѣдъ.

* * *

Въ вѣкъ долгій здравствуй, ВѢНЦЕНОСНА!
Красуйся въ благодати сей!
Къ единымъ казнемъ любимымъ косна,
Въ Щедротѣ процвѣтай ТВОЕЙ!
Дарами свыше превосходна,
И Добродѣтелямъ всѣмъ сродна,
Въ блаженствахъ весело играй!
Вкушай намѣреній плодъ чистыхъ
ВЪ ПЕТРѢ съ ПЕТРОВЫХЪ вѣтвей истыхъ.
Но въ даръ ТЕБѢ? сердца взимай.

* * *

НЕ презри моея гласъ Музы
Молчавшія премноги дни;
Расторгла нѣмоты днесь узы,
Ея похвалъ не отжени:
Хотя и недостойна слуха;
Но чиста се́рдца Пѣснь и духа:
На искренность ея возри,
На вѣрну должность и подданства;
Симъ щасливу, и безъ убранства,
ТОБОЮ красну сотвори.

ОДА VI.

БЛАГОДАРСТВЕННАЯ

Монархіня велика !
Зерцало Героінь !
Не оныхъ общихъ лика :
Ты всѣхъ верьхъ благостынь.
ТЕБѢ , съ Тімпаны стройно ,
Гласятъ Трубы достойно.
О! Муза. въсладость гласъ, по мѣрѣ силъ, настрой,
ЕЛІСАВЕТѢ пѣснь благодареній вспой.

* * *

Лiешь всѣмъ благодати
Изъ нѣдръ златыхъ ТВОИХЪ :
Верьховна россовъ МАТИ ,
ТЫ правосудна въ нихъ ;
И Милость просіяла ,
Но толь , что всѣхъ обьяла.
О ! Муза , позный родъ о семъ ты увѣряй ,
ЕЛІСАВЕТУ всякъ день нынѣ прославляй.

* * *

Приво-

Приводишь въ честь Науки,
Созиждешь имъ и домъ;
Ихъ предваришь докуки,
Насытишся плодомъ:
Тѣ возвеличатъ Славу,
И ублажатъ Державу.
О! Муза, проповѣждь толику благодать,
ЕЛІСАВЕТѢ что симъ судила преподать.

* * *

Но, о! ІМПЕРАТРІЦА,
Сокровище даровъ!
Пресвѣтлая Денница!
Прибѣжище! Покровъ!
Мы о ТВОЕЙ Порфірѣ
Прославлены ужъ въ мірѣ.
О! Муза, ублажи причину славы всѣмъ,
ВЪ ЕЛІСАВЕТѢ коль красуемся мы тѣмъ.

* * *

Служить САМОДЕРЖАВНОЙ
блаженство есть не тще;
Усердствовать же ГЛАВНОЙ,
блаженнѣйше еще:
ТВОЯ Власть, всѣми чтима;
ОСОБА, всѣмъ любима.
О! Муза, воструби, что дивнѣ ЕЯ Вѣнецъ;
Но что ЕЛІСАВЕТѢ любленіе сердецъ.

* * *

ТВОЯ

Твоя жизнь, наша радость;
ТОБОЮ все цвѣтетъ;
Ты здрава, намъ то сладость:
Все о ТЕБѢ живетъ.
Храни, мы благодушны;
Вели, се мы послушны.
О! Муза, возгласи, что наша общая честь,
Прехвальная во всемъ ЕЛІСАВЕТА есть.

* * *

Подобно вышню БОГУ,
Не втуне гдѣ мольба,
Творитъ награду многу
ТВОЯ рабамъ судьба:
Тамъ вѣра насъ спасаетъ;
Здѣсь вѣрность украшаетъ.
О! Муза, подтверди, что наша красота,
Къ ЕЛІСАВЕТѢ внутрь сердечна правота.

* * *

Кого мы зримъ уныла
При ЩЕДРОЛЮБНОЙ толь?
Ни тѣхъ ТЫ не забыла,
Въ комъ мало службы доль:
ТЕБѢ усердство сильно,
Да милуешь обильно.
О! Муза, проявляй чрезъ рабол ѣпный знакъ,
Въ насъ искренность кипитъ къ ЕЛІСАВЕТѢ какъ!

* * *

Щедротъ

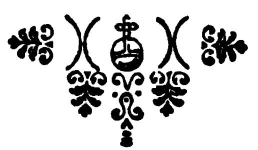
Щедротъ ТВОИХЪ зрю тайну
Последнему и мнѣ :
Внутрь вѣрность чрезвычайну,
Усердіе въ огнѣ ,
Зришь , и кладешь содруги
За самые заслуги.
О! Муза, въ краткій слогъ, что въ сердцѣ, собери,
ЕЛІСАВЕТУ въ немъ со мной благодари.

* * *

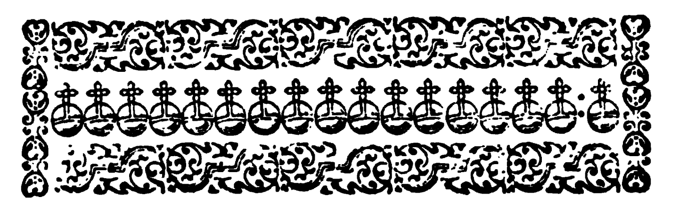
Тебѣ не однократно
Угодно награждать ;
Да будетъ и обратно
Сердца отъ насъ взимать :
Въ нихъ пламенѣетъ чисто
Подданство само исто.
О! Муза, въ краткій слогъ, что въ сердцѣ, собери,
ЕЛІСАВЕТУ въ немъ со мной благодари.

* * *

Пребудетъ Имя въ вѣки
ТВОЕ отъ рода въ родъ ,
Доколѣ человѣки
Свой размножаютъ плодъ :
ВѢНЦЕМЪ здѣсь славну чеснымъ ,
Прославитъ БОГЪ небеснымъ.
О ! Муза , въ краткій слогъ, что въ сердцѣ собрала,
И благодарность тѣмъ ДЕРЖАВНОЙ принесла.



ОДЫ БОЖЕСТВЕННЫЕ



ОДА VII.

ПАРАФРАЗИСЪ ПСАЛМА I.

блаженъ Мужъ.

Мужъ поистиннѣ блаженъ,
Кой, къ совѣту нечестивыхъ
Не былъ всяко приближенъ
Шествіемъ, для мнѣній льстивыхъ.

* * *

Кой ниже́ когда позналъ
беззаконныхъ путь лукавый;
И на томъ отнюдъ не сталъ,
Зная, коль есть онъ неправый.

* * *

Кой не сѣлъ и на престолъ
Пагубниковъ гордо злобныхъ,
Ни на немъ судя проболъ
Какъ чужихъ,, такъ и утробныхъ.

* * *

Но

Но закону отдаетъ
Послушаніе Господню;
И его всегда поетъ,
Всю кленя власть преисподню.

* * *

Сей, какъ древо при водахъ,
Процвѣтаетъ насажденный;
Веселится, что въ плодахъ
Правоты есть угобженный.

* * *

Какъ на томже древѣ листъ
Чрезъ же время зеленѣетъ;
Такъ весь вѣкъ въ дѣлахъ онъ чистъ;
Что ни начнетъ, преуспѣетъ.

* * *

Все не такъ съ Грѣшащимъ, кой
Ни стыда, ни ВЫШНЯ знаетъ:
Онъ такія мзды въ день свой
Никогда не получаетъ.

* * *

Онъ презрѣнъ такъ равно есть,
Какъ валяяйся прахъ въ долѣ,
Что метя вихрь бурный несть
Можетъ отъ земли по волѣ.

* * *

Тѣмъ

Тѣмъ то всякъ изъ таковыхъ
Въ милостивый судъ не встанетъ;
И ниже́ въ числѣ Святыхъ
Въ вѣчной радости предстанетъ.

* * *

Праведныхъ стези вѣсть БОГЪ,
И всегда ихъ САМЪ защититъ;
Путь же злыхъ хотя и многъ,
Грозна гибель весь похититъ.

ОДА VIII.

ПАРАФРАЗІСЪ ПСАЛМА 6.

Господи да не яростію твоею.

О! не ярости во время,
Господи, мя обличи;
Золъ же всѣхъ за тяшко бремя,
И за многое тѣхъ плéмя,
Не во гнѣвѣ къ кáзни повлачи.

* * *

Но помилуй, попремногу
Изнемогшаго меня:
Кости страждутъ мýку срогу,
Покажи къ цѣльбѣ дорóгу,
Боже! вопію стеня́.

* * *

Духъ

Духъ въ смятеніи моій зѣльномъ ;
Сокрушаюсь поргсгда :
Тыжъ , о мнѣ толь неисцѣльномъ ,
Въ милосерди беспредѣльномъ ,
Воспомянешь ли когда ?

* * *

Господи мой ! обратися ;
И , по благости твоей ,
Самъ отъять отъ тьмы потщися
Душу бѣдну , и явися
Преклонёнъ къ мольбѣ моей.

* * *

Нѣтъ по смерти таковаго ,
О Тебѣбъ кто вспомнить могъ ;
Возблагодарить за благо ,
И за все , что въ жизни драго ,
Кой во гробѣ есть предлогъ ?

* * *

Обессилѣлъ воздыхаяй !
Есмь еще на всяку нощь
Ложе плачемъ умываяй ,
И слезами напояяй ,
Отчужденъ всего и тощь.

* * *

Очи съ плача помутились ;
Отъ враговъ весь сокрушенъ :
Пагубно въ себѣ озлились ,
Къ ненависти уклонились ;
Я надежды ужъ лишенъ.

 Отступите

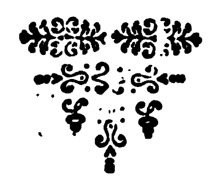
ОТступите отъ меня лукавцы:
богомъ вопль услышанъ мой.
Отступите всѣ тщеславцы,
И вы лжи за правду давцы,
Злобѣ преданны самой.

* * *

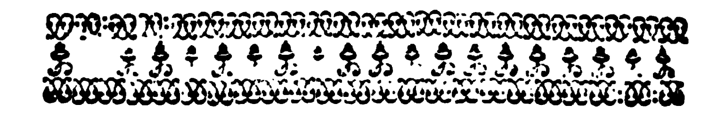
Богъ ужъ отъ меня молитву
Милостивымъ слухомъ внялъ;
Презираю вашу битву,
Лесныхъ и сѣтей ловитву:
богъ моленіе пріялъ.

* * *

Стыдъ, смятеніе въ презорѣ
Всѣмъ да придетъ здѣсь врагамъ!
Стыдъ, съ бесчестіемъ тѣмъ въ горѣ,
Какъ не обратятся вскорѣ!
Ихъ сломленіе рогамъ!



ОДА



ОДА IX.

ПАРАФРАЗІСЪ ПСАЛМА 18.

Небеса повѣдаютъ славу божію.

Глупа Мудрость ! о ! и ты
Въ смыслѣ разумъ ослѣпленный !
Вашъ доколѣ погубленный
Внѣ рассудокъ правоты ?
Какъ ! отъ Тварей , говорите ,
Вы ТВОРЦА вещей не зрите ?

* * *

Всякъ на Небеса воззри :
Ктобъ возмогъ , кто , развѣ БОГА ,
Синій тотъ Сводъ безъ прилога
Распестрить толь ? Ей ! безъ при ,
божія всемощна сила ,
И премудрость украсила.

* * *

День всегда плыветъ за днемъ ;
Нощь же нощи премѣняетъ ;
Волю благу чинъ являетъ ,
И строеніе о всемъ ;
Нѣтъ сомнѣнія ни мало :
То отъ Тверди твердо стало.

* * *

Съ нашимъ въ ней несходенъ гласъ ;
Слышать звоны невозможно :
Строемъ всѣхъ свѣтилъ неложно
Дольныхъ увѣряетъ насъ :
Вся земля внушаетъ слово ,
Міра всѣмъ концамъ не ново.

* * *

Рекъ Господь , и подаетъ
Солнце Свѣтлость всю златое ;
Такъ женихъ лице младое
Кажетъ , какъ оно встаетъ ,
Всѣмъ лучи лія собою ,
Согрѣвая теплотою.

* * *

Красный бѣгъ его толь скоръ ,
Что не можно Исполину ,
Какъ течетъ въ верьхъ и въ долину ,
Быть сравненну съ онымъ въ споръ ,
Коль къ Предѣлу ни стремится ,
Да за трудъ Вѣнцемъ почтится.

* * *

Вспока

Встока шествуя съ границъ
Въ вечеръ въ западѣ съ зарями,
Преконожнымъ за морями,
Да подастъ своихъ звѣницъ
Тотъ же лучъ благотворящій,
Непрестанно въ службѣ бдящій.

* * *

Но его свѣтъ, красота,
Толь къ себѣ не привращаютъ,
И ни столько просвѣщаютъ
Взоръ людскій, коль высота
Божія Закона точно,
Чтобъ пожить всѣмъ непорочно.

* * *

Завѣщаніе того
Безъ погрѣшностей, и вѣрно;
Мудрый умъ нелицемѣрно
Малымъ дѣтямъ отъ него:
То Свѣтъ моего есть ока!
Радость сердцу то глубока!

* * *

Господи! Страхъ Твой есть святъ,
Пребываетъ онъ всевѣчно;
Кривдами нигдѣ конечно
Судъ твой, БОЖЕ, не запятъ:
Онъ неумолимъ дарами;
Лжи не потемненъ играми.

* * *

 Злато,

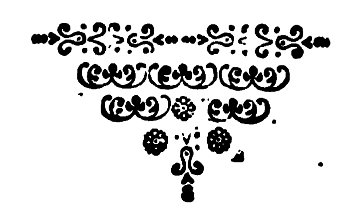
Злато, ни камыкъ толь драгъ!
Медъ, и сотъ не толь есть сладокъ!
Не отъиметъ мзды припадокъ,
Какъ тебѣ не буду врагъ,
Заповѣдей тѣхъ презоромъ,
И премногихъ скверныхъ зазоромъ.

* * *

Кто грѣхамъ число могъ знать?
Я отъ тайныхъ преступлений,
И чужихъ отъ озлоблений,
Очищенъ, молю, предстать:
Да не буду гордыхъ лика;
Убѣгу грѣха велика.

* * *

Боже! о! да все сїе
Исповѣмъ Тебѣ во славу;
И да научатся праву
Мысль, и сердце все мое!
Есмь Твоя тварь, есмь проситель:
Ты мнѣ Помощь и Спаситель.



ОДА X.

ПАРАФРАЗІСЪ ПСАЛМА 42.

Суди ми боже, и рассуди прю мою.

Боже! пря моя безвинна:
Ту судить благоволи;
Правды дѣло убѣли:
Отъ народажъ пребесчинна,
И отъ злобныхъ человѣкъ,
Немощь, что во мнѣ простинна,
Восхощи исторгнуть въ вѣкъ.

* * *

Ты единъ мой щитъ, и сила;
Ты и крѣпость мнѣ единъ:
Чтожъ, высотъ твоихъ съ срединъ,
Милость мя не заградила?
Всель въ печалибъ я стеналъ?
Та всегдаль менябъ томила,
Мнѣбъ коль врагъ ни досаждалъ?

* * *

Но да пóслется Тобою
Истинны и мира свѣтъ;
Симъ я свобождусь отъ бѣдъ:
Какъ пребудетъ онъ со мною;
То въ селеніе Твое
Приведетъ меня собою,
Сердце веселя мое.

* * *

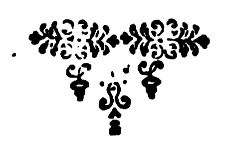
Вниду къ Твоему Престолу,
И въ Олтарь священный Твой,
Проявлень въ горѣ святой;
Въ немъ паду предъ тѣмъ ницъ долу;
Ты желаніямъ конецъ,
Исполненіе изволу,
И любви моей вѣнецъ.

* * *

Въ гусляхъ проповѣмъ играя,
Что Ты богъ непобѣдимъ,
Что Ты правымъ всѣмъ любимъ,
И что радость всеблагая:
боже! боже мой, и силъ!
Отжени далеко злая,
И Тебѣ да буду милъ.

* * *

О! Душа, почто въ печали
Сокрушаешся еще?
Въ страхѣ и отъ врагъ вотще?
Горести чтобъ всѣ престали:
Вся тебѣ надежда богъ;
Коль врагибъ ни восставали,
СПАСЪ мой истребитъ налогъ.



ОДА XI.

ПАРАФРАЗИСЪ ПСАЛМА 51.

Что хвалишися во злобѣ, сильне.

Что во злобѣ, Сильный, похваляешся всегда?
  Въ беззаконіи вседневно?
Твой языкъ и помыслъ безъ лукавства никогда:
  Льщеніе, втай небезгнѣвно,
  Ты какъ бритву изострилъ;
  Злобу паче возлюбилъ,
  Нежель мирну благостыню,
  И неправду нежъ святыню;
  Всѣ слова твои, бѣда;
  Отъ злорѣчій же плачевно.

* * *

Богъ, по сей причинѣ, разрушитъ тебя въ конецъ;
  Онъ и яро толь восторгнетъ
Отъ утѣхъ сладчайшихъ, и ласкающихъ сердецъ,
  Что ни глазъ такъ скоро моргнетъ:

Тѣмъ

Тѣмъ себя не удовлитъ;
Но тотчасъ же пресѣлитъ
Отъ жилищъ твоихъ природныхъ:
Такъ, едина изъ негодныхъ,
Корень отъ земли твой, льстецъ,
Весь исчезнетъ, духъ не взоргнетъ.

* * *

Праведны то узрятъ, придутъ всѣ и сами въ страхъ;
Но потомъ тѣ засмѣются,
И между собою скажутъ человѣкъ сей, прахъ,
Казни коему даются,
Бога въ помощь не хотѣлъ,
Тѣмъ что многое имѣлъ
Съ великолѣпіемъ богатство,
И превозмогалъ за братство:
Онъ былъ добрымъ главный врагъ;
Се тщеты съ нимъ расстаются!

* * *

Я твой рабъ, о! БОЖЕ, Маслинина какъ съ плодомъ,
При Твоемъ священномъ Храмѣ
Не отступно буду, уповаяй не съ стыдомъ
На щедроты, и не въ срамѣ:
Исповѣмъ Тебя во вѣкъ
Тварь Твоя и человѣкъ;
Что Твое я Имя знаю,
Избавленія тѣмъ чаю:
Благо то, по Авраамѣ,
Любящимъ Святымъ Твой Домъ.

ОДА

ОДА XII.

ПАРАФРАЗИСЪ ПСАЛМА 78.

Боже, пріидоша языцы въ достояніе.

Се Языки ворвались,
Боже, во Твое наслѣдство;
И, святому Храму въ бѣдство,
Съ оскверненіемъ внеслись:
Градъ, и все его пространство,
Обратили безъ слѣдовъ
Во хранилище плодовъ,
Все расхитивши убранство.

* * *

Трупы на-повалъ лежатъ,
Всюду Слугъ Твоихъ толь вѣрныхъ,
Преданы отъ тѣхъ прескверныхъ
Птицамъ, крикомъ что глушатъ:
И тѣла Мужей удобныхъ
Въ снѣдь повержены звѣрямъ,
Вбющимъ въ страхъ по зорямъ;
Плоти всѣхъ и Преподобныхъ.

* * *

Кровь

Кровь ихъ льется по пути
Не рѣкою, но потопомъ,
И весьма ужаснымъ сопомъ,
Такъ что нѣгдѣ и пройти:
Но толико милосердна,
Въ землю бъ ихъ кому погребсть,
Чтобъ отъ алчности унесть,
Нѣтъ и толь ужé усердна.

* * *

Злоключеніе сіе
Намъ, Сосѣдъ презлобный видя,
И къ тому еще обидя,
Тѣшитъ сердце тѣмъ свое:
Стали мы и всѣмъ окольнымъ
Въ поруганіе и смѣхъ;
Нашъ сей горесный успѣхъ
Сладостію своевольнымъ.

* * *

Но доколѣ Ты на насъ
Будешь, Господи, во гнѣвѣ,
И не прйзришь бѣдныхъ въ ревѣ,
Нашъ услышавши сей гласъ?
О! доколѣ толь палится
Рвеніе Твое огнемъ,
Нощію, и всякимъ днемъ,
И нижé не утолится?

* * *

На

НА Языки гнѣвъ пролей
Кои Тя весьма не знаютъ,
Отъ Тебя прочъ отбѣгаютъ
Въ непотребности своей;
И на тѣ пространны царства,
Коими не призванъ ТЫ,
И ни Имя съ слѣпоты,
Равно и съ неблагодарства.

* * *

НА такихъ употреби
Всю Твою жестокость;
Самъ безумную высокость
До конца въ нихъ потреби:
Сердце ихъ всегда готово
Грады наши пустошить,
И вконецъ всѣ разрушить
Безъ пощады, и сурово.

* * *

ПЕрвыхъ беззаконій днесь
Помняй, Господи, не буди;
Нынѣ токмо не забуди,
Что ужъ гибнетъ родъ нашъ весь:
Скоро да Твои щедроты
Поедварятъ все наше зло;
Обнищали мы зѣло,
Чужди Твоея доброты.

* * *

боже

Боже! пóмощь сотвори,
Ради Твоея Державы;
Величайшiяжь для Славы
Наши всѣ грѣхи сотри,
Чтобъ Языки не сказали:
Гдѣ богъ сильный оныхъ есть?
И да зримъ за ту кровь месть,
Какъ Твоихъ Слугъ здѣсь пронзали.

* * *

Да отъ Узниковъ къ Тебѣ
Воздыханiе прiидетъ;
Мышца къ намъ Твоя да снидетъ
Отъ величiя въ себѣ,
Всѣхъ спасти чадъ изможденыхъ:
Вопiющихъ въявь, и тай:
боже! боже не предай,
Люто нá-смерть осуждéныхъ.

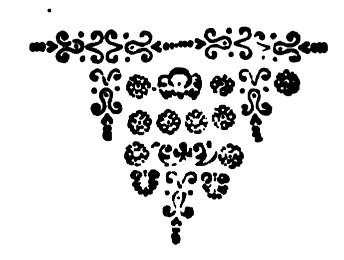
* * *

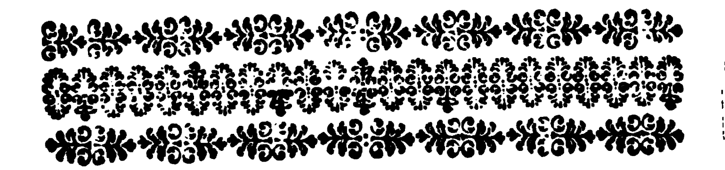
Въ седмерицу заплати
Онымъ гордымъ всѣмъ сосѣдамъ,
Въ коихъ къ намъ, и къ нашимъ дѣдамъ
Нé-было толико льсти,
Коль Тебѣ злыхъ поношенiй:
Славно низложи ихъ въ долъ;
Нѣдро ихъ исполни золъ,
И повсюдныхъ къ нимъ гнушенiй.

* * *

Насъ

НАсъ избавь; Мы всѣ Твоя,
Твоея и паствы овцы:
Мы всегдашно доброcловцы
Въ дальни возвѣстимъ край,
И впредь будущіи вѣки,
Сквозь языческую мглу,
Должную Тебѣ Хвалу,
Какъ всевѣрны человѣки.





ОДА XIII.

ПАРАФРАЗІСЪ ПСАЛМА III.

блаженъ мужъ, боящся Господа.

Щасливъ! бога кто боится:
Заповѣдей всяко не преступитъ онъ того;
Родъ его благословится;
Сильно будетъ сѣмя на землѣ, и сверьхъ всего;
Славенъ и богатъ весь домъ;
Правда вѣчна въ немъ самомъ.

* * *

Онъ какъ свѣтъ сіяетъ правымъ;
Милость и щедрота справедлива въ немъ вездѣ;
Строитъ сердцемъ нелукавымъ,
Но и откровенным рѣчи и дѣла въ судѣ:
Онъ есть непоколебимъ;
Прямо Добрыми любимъ.

* * *

Памятъ

ПАмять будетъ безконечна,
И велико Имя во вселенной процвѣтетъ;
Добродѣтель въ немъ сердечна
Въ свѣтлость и блаженство безпорочнаго введетъ:
Страха нѣтъ отъ слуха зла;
Не язвитъ его хула.

* * *

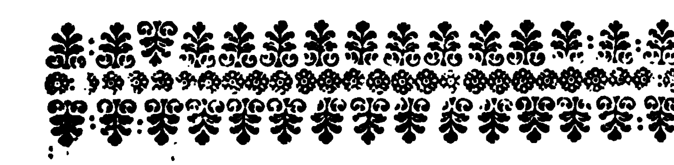
Уповаетъ онъ на бога;
Любитъ чистымъ сердцемъ, и взывать его готовъ;
Крѣпость въ немъ о Вышнемъ многа,
И не устрашится хитростей и лестныхъ словъ,
Презритъ онъ враговъ своихъ,
Токмо что воззритъ на нихъ.

* * *

Онъ даетъ, и расточаетъ;
На него убогимъ твердая надежда есть:
Ихъ отнюдъ не забываетъ.
Тѣмъ и вознесется въ силу, и въ высоку честь:
Ни хвалимъ есть толь никто,
Ни хвалить достойнѣй что.

* * *

ГРѣшникъ такъ его узрѣвши,
Приметъ то въ досаду, и впадетъ въ великій гнѣвъ;
Поскрежещетъ поблѣднѣвши,
И остервѣнится въ звѣльной ярости, какъ Левъ:
Грѣшнику коль ни желать;
Но ему въ вѣкъ погибать.



ОДА XIV.

ПАРАФРАЗІСЪ ПСАЛМА 136.

На рѣкахъ Вавілонскихъ.

Сѣдши купно на брегáхъ рѣкъ мы Вавілонскихъ,
Всѣ точили слезный токъ;
И воспоминали тамъ о градахъ Сіонскихъ,
Зря нашъ нестерпимый рокъ.

* * *

Тамъ обѣсили среди вéрбныхъ древъ органы,
Плѣнщіижъ просили насъ,
Коль ни сокрушались мы въ горести, раздрáны,
Пѣснь вознесть Господню въ гласъ.

* * *

Какъ бы мы въ землѣ чужой оную воспѣли?
Какъ въ Поганскихъ бы краяхъ,
Коль предивенъ Богъ нашъ есть, прославлять имѣли?
Какъ и плача во струяхъ?

* * *

Если

ЕСли, Іерусалимъ, я тебя забуду;
Да забвенъ я отъ рукй
Благъ спасительныхъ твоихъ самъ во вѣки буду,
Все да йдетъ мнѣ впреки.

* * *

ДА прилпнетъже и языкъ весь къ моей гортани,
Какъ Тебя не вспомяну;
Иль не будешь въ мысли все, да приму казнь въ бранй:
Внѣ веселій да гонзну.

* * *

НО Едомскій днесь народъ вспомни, о! мой Боже;
Какъ на Іерусалимъ
Грознымъ воплечъ онъ рыкалъ всякаго Льва строже;
былъ ни чемъ не умолймъ.

* * *

Въ ярости онъ повторялъ: НУ-НУ, обваляйте
Съ основаній самыхъ градъ;
А живущихъ всѣхъ мечемъ люто истребляйте,
Должны пасть округу въ смрадъ.

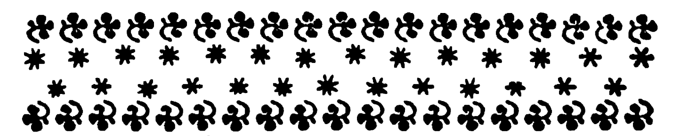
* * *

Тыжъ, о! Вавилонска Дщерь, жди зла въ окаянствѣ:
Щасливъ! кто тебѣ отмстить
За погибель смертну намъ отъ тебя въ наянствѣ,
И ниже тебя простить.

* * *

Щáсливъ ! въ мѣсто кто твое мéтнетъ зѣльный пламен
И твою кровь пролїетъ ;
Иль младенцовъ , ухвативъ , о жестокїй камен
Головою разбїетъ.

ОДА



ОДА XV.

ПАРАФРАЗІСЪ ПСАЛМА 139.

Изми мя Господи отъ человѣка лукава.

Господи! изми меня
Отъ лукава человѣка;
И да будеши броня́
Защищающа до вѣка,
По всегда готовый самъ
Къ избавленію отъ мужа,
Въ коемъ есть мутна какъ лужа,
Вся неправда по словамъ,
Дѣломъ море, вѣчна стýжа.

* * *

Въ сердцѣ ихъ всегдашня лесть,
Токмо ту и помышляютъ;
Не извѣсно, что за въ месть,
брани всякъ день ополчаютъ:
Весь языкъ ихъ изощренъ
На злорѣчіе какъ бритва;
Въ ихъ рукахъ сѣть и ловитва;
Слѣдъ къ дну злобы приведенъ;
Ядъ изъ устъ течетъ и битва.

* * *

 Сохрани,

Сохрани, о! боже мой,
Самъ меня отъ рукъ грѣшаща,
И людей отъ рода, кой
Не таитъ себя дышаща
Кривдою и крайнимъ зломъ:
Сихъ мысль непрестанна,
Да меня въ пути семъ странна
Запнутъ обѣишедъ кругомъ,
И да падша зрятъ попранна.

* * *

Въ гордости мнѣ скрыли сѣть;
И съ силомъ ужъ вервь простерли,
Ногибъ имъ мой задѣть,
Иль чтобъ выю мнѣ тѣмъ стерли;
Всюду ими при стезяхъ
Расположены соблазны,
И вездѣ обманы разны;
На землѣ и на моряхъ,
Мнѣ бѣды лежатъ непразны.

* * *

Боже! я къ Тебѣ вѣщалъ:
Ты мой богъ, Ты мнѣ Зиждитель;
Ты всегда не запрещалъ,
Яжъ и есмь всегда молитель:
Господи! о! боже силъ,
Ты отъ крѣпости въ твердынѣ,
И въ превелiей святынѣ,
Самъ главу въ брань осѣнилъ,
По Твоей мнѣ благостынѣ.

5 * *

Такъ

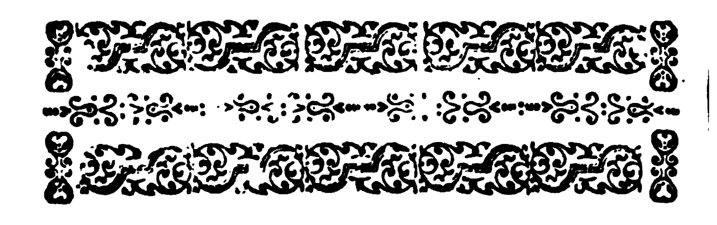
Такъ и нынѣ не предай
Въ грѣшничи меня здѣсь руки;
Но желаніе познай,
И спаси отъ оныхъ муки:
Тѣ взвели; и се бѣда!
Не остави бѣдна суща,
Непрестанно вопіюща
Отъ великаго труда;
Не взнеслась бы часть ковъ шьюща.

* * *

Въ нихъ скружившись глава́
Да повергнетъ ихъ на зе́млю;
Да покроются слова́
Тѣмъ стыдо́мъ, кой я пріемлю:
Угли огненны падутъ
Во Твоемъ на нихъ изволѣ;
Больше не пребудутъ въ холѣ,
Какъ напасти нападутъ:
Низложи, и будутъ въ долѣ.

* * *

Мужъ злорѣчивъ на землѣ
Не возможетъ быть исправенъ;
Мужъ живяй неправды въ злѣ,
Пагубному тлѣну равенъ:
Знаю, боже, сотворишь
Судъ и месть Ты за бессильныхъ,
Правыхъ же, для хвалъ умильныхъ,
Предъ лице Твое вселишь,
Въ радости блаженствъ обильныхъ.



ОДА XVI.

ПАРАФРАЗІСЪ ПСАЛМА 143.

Благословенъ Господь богъ мой.

NB.

Сія Ода есть изъ трехъ оныхъ Парафрастіческихъ одна, которые совокупно изданы въ 1744 годѣ, и при которыхъ положено слѣдующее спреди рассужденіе моего сочиненія.

Будучи мы по случаю трое совокупно, имѣли довольный между собою разговоръ о Россійскихъ Стіхахъ вобще, которыи нынѣ, послѣ какъ начали исправлять ихъ охотники, ужé въ совершеннѣйшемъ видѣ, и съ пріятнѣйшимъ слуху Стопъ паденіемъ, нежели какъ старыи бесстопныи были, производятся отъ писателей искусныхъ въ Стіхотвореніи. Разговоръ нашъ былъ нѣкоторый родъ спóра, въ рассужденіи, такъ называемыхъ двусложныхъ Стопъ, ХОРЕЯ, и ІАМБА, которыми нынѣ составляются Россійскіи Стіхи.

Нѣко

Нѣкоторый (*) изъ насъ такое имѣлъ мнѣніе, что Стопа, называемая ІАМБЪ, высокое сама собою имѣетъ благородство, для того что она возносится съ низу въ верьхъ, отъчего всякому чувствительно слышна высокость ея и великолѣпіе, и что, слѣдовательно, всякій Героическій Стіхъ, которымъ обыкновенно благородная и высокая воспѣвается матерія, долженствуетъ состоять сею Стопою, а ХОРЕЙ, съ природы нѣжность и пріятную сладость имѣющій самъ же собою, по его мнѣнію, долженъ токмо составлять Элегіаческій родъ Стіхотворенія, и другіи подобныи, которыи нѣжныхъ и мяхкихъ требуютъ описаній, потому что онъ съ верьху въ низъ упадаетъ, чемъ больше показываетъ нѣжную умильность, нежели высоту и устремительное теченіе.

Я сему прекословилъ, и предлагалъ, что никоторая изъ сихъ Стопъ сама собою не имѣетъ какъ благородства, такъ и нѣжности; но что все сіе зависитъ отъ изображеній, которыя Стіхотворецъ употребляетъ въ свое Сочиненіе: такъ что ІАМБОМЪ состоящій Стіхъ равно изобразитъ сладкую нѣжность, когда нѣжныя слова приберутся, и ХОРЕЕМЪ высокое благородство, ежели Стіхотворецъ употребитъ высокіе и благородные рѣчи. Сіе я утверждалъ, что

ХОРЕЙ

(*) Сего Ода есть Третія Парафрастіческая.

ХОРЕи и ІАМбЪ коль себѣ ни противны діаметрально, для того что первый состоитъ изъ долгаго да краткаго слоговъ, а вторый изъ краткаго да долгаго; однако сіе ихъ сопротивленіе не толь есть непріятельское явно, чтобъ не имѣли они между собою согласія и дружбы тайно: ибо чистымъ ІАМбОМЪ состоящій Стіхъ, ежели токмо одинъ самый первый слогъ сего Стіха тише обыкновеннаго голосомъ произнесется, имѣетъ состоять въ тожъ самое время чистымъ ХОРЕЕМЪ; также, буде Стіхъ составленъ чистымъ ХОРЕЕМЪ, то тишайшимъ произношеніемъ перваго его одного токмо слога, составится онъ совокупно чистымъ ІАМбОМЪ. Отъ сего я наводилъ, что союзъ между сими обѣими Стопами долженствуетъ быть не заключенный, но природный и братскій; и слѣдовательно, когда ІАМбЪ природы имѣетъ высокость, то совокупно имѣетъ оную и ХОРЕЙ; когдажъ въ ХОРЕѢ также природная есть нѣжность, то все участіе въ ней по праву должно есть и ІАМбУ, и для того какъ ХОРЕЙ нѣженъ и высокъ, такъ ІАМбЪ высокъ и нѣженъ.

Въ рассужденіижъ того, что первый приписывалъ чувствительное благородство ІАМбУ для того, что онъ съ низу въ верхъ восходитъ, а ХОРЕЮ умильность для сего, что онъ противно ему падаетъ, я тогда говорилъ, что ежелибъ ІАМбЪ былъ высокъ и благороденъ, тобъ ХОРЕЮ, какъ

по прямой

по прямой лінѣѣ по его противному, надлежало быть нѣсколько, или довольно ниску и подлу, а не умильну и нѣжну; и что ежелибъ восхожденіе съ низу въ верьхъ въ Стопѣ было точнымъ знакомъ благородства, а паденіе съ верьху въ низъ умильности, тобъ Гомеровой (*) Іліадѣ, и Віргіліевой Энеідѣ, двумъ самымъ высокимъ Героіческимъ Поэмамъ, должно было состоять АНАПЕСТАМИ, которыи также восходятъ съ низу въ верьхъ, а не ДАКТІЛЯМИ, кои падаютъ съ верьху въ низъ, не смотря на то что

(*) Нѣкто изъ знающихъ людей, какъ то я объявилъ въ первомъ Томѣ въ Предисловіи, чувствуя, что сіе мое доказательство есть непреодолѣемое, попытался привесть его въ слабость тѣмъ, что у нихъ количество слоговъ есть не ТОНІЧЕСКОЕ; чего ради, по его, ихъ Стіхи съ верьху на низъ не падаютъ. Но сія попытка есть безуспѣшная: ибо всеконечно и необходимо ихъ Стіхи падаютъ съ верьху на низъ, для того что самый первый слогъ въ ихъ Стіхахъ какъ всегда и непремѣнно есть долгій, такъ и всегда ударяемый, развѣ превесьма рѣтко когда неударяемый, а сіе не мѣшаетъ, чтобъ ему и въ семъ случаѣ не быть на верьхней степени, какъ всегда долгому. Слѣдовательно, не возможно ихъ Стопамъ не падать съ верьху на низъ. Сіе докажется лучше образцомъ музыкальными нотами изображеннымъ.

что ихъ количество слоговъ есть не ТОНІЧЕСКОЕ, но мѣряющееся ВРЕМЕНЕМЪ, тоесть состоящее въ медлѣнномъ и скоромъ произношеніи гóлоса: ибо сія ихъ долгота и краткость, распротягающаяся временемъ, всячески не можетъ быть безъ возвышенія и пониженія гóлоса при распротяженіи, инако, во всякомъ бы ихъ Стіхѣ была токмо МОНОТОНІЯ [одногласіе], которой и въ Прозѣ быть не пристойно, а они Стіхи свои произношеніемъ пѣли, для того что былъ у нихъ тамъ нѣкоторый родъ Мусікіи, но въ Мусікіи Монотоніи, или одному звону гóлоса, нѣтъ мѣста, и быть ей тамъ безъ различія гóлоса, по крайней мѣрѣ двустепеннаго, странно, да и невозможно. А понеже не АНАПЕСТЫ, но ДАКТІЛИ употреблены отъ тѣхъ великихъ Піитовъ. Того ради, или каждая Стопа ни благородна ни нѣжна сама въ себѣ, или всякая и нѣжна и благородна совокупно. Ктомужъ, какъ восхожденіе, или вознесеніе въ ІАМБѢ не непрерывное, но токмо

Въ немъ ТАКТЪ означаетъ слогъ долгій, а ПОЛТАКТОМЪ означается краткій. Притомъ всѣ ударяемыи слоги стоятъ на верьхней степени, а неударяемыи на нижней.

Torva leae na lupum sequitur lupus ipse capellam.

покмо вскокъ смѣшенный съ скокомъ, такъ въ ХОРЕѢ нисхожденіе, или ниспаденіе не завсе продолжающееся, но также скокъ по премѣнамъ съ вскокомъ. И такъ, обѣ сіи Стóпы по всему себѣ рáвны; такъ что одна предъ другою никакова преимущества имѣть не можетъ, когда онѣ сами въ себѣ и къ словамъ неприложенные, рассматриваются.

На сіе третій (*) изъ насъ предлагалъ, что и онъ въ ІАМБѢ находитъ высокость, благородство, и живность, а въ ХОРЕѢ, кромѣ нѣжности, ничего не видитъ; и что ему въ Іамбіческихъ Стіхахъ рѣчь важнѣйшею кажется: ибо ІАМБЪ, говорилъ онъ, возвышая свой голосъ нѣсколько гордости являетъ, но ХОРЕЙ упадая, точно изображаетъ любовническое воздыханіе. Итакъ, ІАМБЪ ужé имѣетъ двухъ защитниковъ, и слѣдовательно два гóлоса; а ХОРЕЙ защищается однимъ только.

Но

(*) Сего естъ сáмая первая мѣстомъ Парафрастіческая Ода. Удивительно, что онъ токмо первое мнѣніе иными повторяетъ словами, а отраженія моего ни словечкомъ не возражаетъ. Могъ бы онъ многое привесть изъ Горація въ подтвержденіе первому мнѣнію, а именно, что Архілохова ярость Іамбомъ была ВОРУЖЕНА, что Іамбъ способенъ къ преодолѣнію народнаго ШУМА, и что онъ какъ рожденъ на представляемые ВЕЩИ, и подобное.

Но чтобъ не показалось, что двое одного хотятъ преодолѣть, и что притомъ дѣло сіе не можетъ рѣшено быть большинствомъ, чтобъ позволено было такъ сказать, голосовъ: тогоради онъ рассуждаетъ, сочинить всѣмъ тремъ нѣкоторый высокій родъ Стіхотворенія, именножъ, Оду; а для сего выбрать одинъ Псаломъ изъ Псалтіря. Находящему, тоесть мнѣ, въ Хореѣ съ нѣжностію и благородство, сочинить бы Оду Хореїческую; а имъ двумъ, стоящимъ за Іамбіческую токмо высокость, составить одіческіи свои Стіхи Іамбомъ. Чрезъ сіе тотчасъ объявится, имѣетъ ли Хорей при нѣжности высокость, а Іамбъ при высокости нѣжность.

Я хотѣлъ-было пространнѣе доказывать, что мнѣніе мое не въ томъ состоитъ, чтобъ я приписывалъ точно обѣимъ симъ Стопамъ нѣкоторое природное свойство высоты или умильности, но токмо по положенію, тоесть, буде ІАМБЪ собою высокъ, то онъ совокупно собоюжъ и нѣженъ; а если и Хорей собою нѣженъ, то онъ также притомъ и высокъ: ибо не признаваю я ничего сего въ Стопахъ, но причитаю все разности словъ. Но оба прочіи не хотѣли отъ меня ничего больше слышать; только что вторый склонилъ меня къ тому, чтобъ мнѣ сочинить Оду Хореїческую; а всѣ трое выбрали мы себѣ на то Псаломъ сто сорокъ третій. Сей есть случай и причина оныхъ двухъ Одъ Іамбіческихъ, названныхъ Парафрастіческими

ми, а третiея, лежащiя тамъ въ самой срединѣ, Хореiческiя, которая слѣдуетъ.

Крѣпкiй, чудный, бесконечный,
Полнъ хвалы, преславный весь,
БОЖЕ! Ты единъ превѣчный,
Сый Господь вчера и днесь:
Непостижный, всеблаженный;
Совершенствъ пресовершенный,
Неприступна сокровенъ
Самъ величества лучами,
И огньпальныхъ слугъ чинами,
О! будь въ вѣкъ благословенъ.

* * *

Кто инъ толь бы храбро руки
безъ Тебя мнѣ ополчилъ?
Ктобъ и пращу, а не луки
Въ брань направить научилъ?
Всуе мечъ извлекъ бы въ дѣло,
Ни копьемъ сразилъ бы смѣло,
будебъ Ты мнѣ не помогъ,
Перстовъ трепетъ ободряя,
Слабость мышцы укрѣпляя
Силъ Господь, и правды БОГЪ.

* * *

Ныне кругъ земный да знаетъ
Милость всю ко мне ЕГО;
Духъ мой твердо уповаетъ
На заступника Сего:
Онъ защитникъ, покровитель,
Онъ прибежище, хранитель.
Повинуя родъ людей,
Далъ Онъ крайно мне владети,
Далъ правительство имети,
Чтобъ народъ прославить сей.

* * *

На мою какъ зрю я подлость,
И на то, что беднъ и малъ,
А на прочихъ верьхъ и годность,
Чтожъ ихъ жребiй не избра́лъ;
ВЫШНЯГО судьбе дивлюся,
Такъ гласъ, въ себе стыжуся:
БОЖЕ! кто я нища тварь?
Отъ когожъ и порожденный?
Пастухо́мъ быть учрежденный!
Какъ? о! какъ могу быть Царь?

* * *

Толь ничтожному познался!
Червя точно Ты призрелъ!
Благъ и щедръ мне показался!
И по сердцу изобрелъ!
Лучшель добрыхъ и великихъ?
Лучшель я Мужей толикихъ?

Ахъ

Ахъ ! и всякъ изъ смертныхъ насъ,
Гниль и прахъ есть предъ ТОБОЮ;
Жизнь его тѣнь съ суетою,
Дни и сто лѣтъ, токмо часъ.

* * *

Ты противныхъ истребляешь:
Преклонижъ Твой звѣздный сводъ;
И какъ громы устремляешь,
Осмотри, снисшедъ, злый плодъ.
Лишь коснись горамъ, вздымятся;
Лишь пролей гнѣвъ, убоятся;
Грозну молнію блесни,
Тотчасъ сонмъ ихъ разженеши,
Тучей бурныхъ стрѣлъ смятеши:
Возъярись, не укосни.

* * *

На защиту мнѣ смиренну,
Руку Самъ простри съ высотъ;
Отъ враговъ же толь презрѣнну,
По великости щедротъ,
Даруй способъ, и избавлюсь;
Вознеси рогъ, и прославлюсь:
Родъ чужихъ, какъ буйнъ водъ шумъ,
Быстро съ воплемъ набѣгаетъ,
Немощь онъ мою ругаетъ,
И пріемлетъ въ баснь и глумъ.

* * *

Такъ языкомъ и устами
Сей злословитъ въ суетѣ;
Онъ скрежещетъ и зубами,
Слѣпо зрясь на высотѣ;

Ж 2 Смѣло

Смѣло множествомъ гордится;
Стройно воруженъ красится:
А десница хищныхъ сихъ,
Есть десница неправдива;
Душъ ихъ скверность нечестива:
Тѣмъ спаси мя отъ такихъ.

* * *

Боже! воспою пѣснь нову,
Вѣкъ Тебѣ благодаря:
Арфу се держу готову,
Звонъ внуши и гласъ Царя:
Десять струнъ на ней звенящихъ,
Краснымъ строемъ въ слухъ гласящихъ
Славу СПАСА всѣхъ Царей:
Спаса и рабу Давiду,
Смертну страждущу обиду
Лютыхъ отъ меча людей.

* * *

Преклонись еще мольбою,
Се къ Тебѣ ея лiю,
Сокрушенъ падъ ницъ главою,
Перси, зри, мои бiю:
О! чужихъ мя отъ полчища
Самъ избави скоро нища.
Рѣзвъ языкъ ихъ суета,
Въ праву руку къ нимъ вселилась,
И лукавно расширилась,
Хищна вся неправота.

* * *

Сія

Сіи славу посвящаютъ
Токмо множеству богатствъ;
Духъ свой гордо напыщаютъ
Отъ драгихъ вещей и братствъ:
Всѣ красуются сынами,
Больше какъ весна цвѣтами;
Дщерей всѣхъ прекрасныхъ зрятъ,
Въ златѣ, нѣжно намащенныхъ,
Толь нѣтъ Храмовъ испещренныхъ:
Тѣмъ о ВЫШНЕМЪ не радятъ.

* * *

Ихъ сокровище обильно,
Недостатка нѣтъ при немъ,
Льетъ доволство всюду сильно,
А избытокъ есть во всемъ:
Овцы въ полѣ многоплодны,
И воловъ стада породны;
Ихъ оградамъ нельзя пасть;
Татю вкрасться въ тѣ не можно;
Все тамъ тихо, осторожно;
Не страшитъ путей напасть.

* * *

Васъ толь щастіемъ цвѣтущихъ
Всякъ излишно здѣсь блажитъ;
Малъ чтитъ и великъ идущихъ,
Уступаяжъ путь, дрожитъ.
О! не вы, не вы блаженны,
Вы коль ни обогащенны:

 Токмо

Токмо тотъ народъ блаженъ,
богъ съ которымъ пребываетъ;
И ВСЕВѢЧНАГО кой знаетъ,
Сей есть всѣмъ преукрашенъ.

ОДА

ОДА XVII.

ПАРАФРАЗІСЪ ПЕРВЫЯ ПѢСНИ МОІСЕЕВЫ

Поемъ господеви, славно бо прославися.

Исхода глава 15.

Мы Господу днесь воспоемъ:
Онъ превознесся въ насъ преславно;
Коня и всадника въ глубь ра́вно
Повергъ въ отмщеніи своемъ.

* * *

Сталъ мнѣ Онъ по́моцъ и покровъ,
И былъ къ спасенію виною:
Мой богъ, и богъ отцу собою;
Его я восхвалить готовъ.

* * *

Господь нашъ сокрушаетъ брань;
Господь Ему и Имя точно;
Онъ Фараоновъ строй оброчно
Къ дну тмы низвергъ, и силы длань.

* * *

Избранныхъ всадниковъ Онъ тѣхъ,
И въ морѣ потопилъ Трістаты. (*)
Чтожъ быть могли намъ супостаты;
Тамъ погрузилъ какъ камень всѣхъ.

* * *

Десница, Господи, Твоя,
Есть въ крѣпости всегда велика:
Враговъ не пощадила лика;
Противныхъ стерла намъ сія.

* * *

Ты Самъ послалъ на нихъ Твой гнѣвъ;
Какъ стебла ихъ поѣлъ онъ купно:
Водъ расступился духомъ ревъ;
Была тамъ ярость неотступно.

* * *

Згустѣли воды какъ стѣна
Въ его тамъ моря по срединѣ,
Никто сего не зрѣлъ понынѣ;
Згустѣла также и волна.

* * *

Постигну

(*) Трістатами означается, что древніи дѣлали большіе военные колесницы, такъ что въ нихъ по-три человѣка сражающихся было. Или: Трістатами назывались, кои, сидя на одной лошади, имѣли двухъ заводныхъ. Или: чрезъ Трістатовъ разумѣются самыи сильныи люди, которыи противъ трехъ могли биться. Или: Трістатъ сидѣлъ на третіемъ мѣстѣ отъ Царя, каковъ былъ Давідъ у Саула.

Постигну ихъ, вѣщалъ такъ врагъ;
Корысти на раздѣлъ похищу;
Меча убійствомъ духъ насыщу,
И буду господиномъ въ страхъ.

* * *

Но силою Ты дхнулъ средѣ;
Нахлынуло на нихъ такъ море,
Что вскликнуть не могли: ахъ горе!
Погрузли оловомъ въ водѣ.

* * *

Подобенъ кто Тебѣ въ богахъ?
Кто, Господи, Тебѣ подобенъ?
Святымъ прославленъ и особенъ;
Вельми предивенъ въ чудесахъ.

* * *

Простерлъ десницу, пожрала
Земля въ свои противныхъ нѣдра;
И укрѣпила правда бедра,
И всѣхъ людей Тобой спасла.

* * *

Утѣшилъ крѣпостію насъ,
Въ обитель всѣхъ призвавъ святую:
Въ болѣзнь вотъ Филистимцы злую,
Языки впали въ гнѣвъ тотчасъ.

* * *

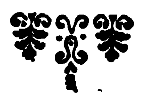
Тогда Едомскiи Вождiй,
Моавли Князи вдругъ потщались,
И слѣпо въ трепетѣ всѣ мчались;
Ты, Ханаанъ, растай, зла жди.
* * *

Страхъ, ужасъ нападетъ на нихъ
Отъ мышцы Твоея глубоко;
Величiемъ Твоимъ жестоко
Да жизнь окаменѣетъ сихъ.
* * *

Всѣ пройдутъ дондеже Твои
Владѣемы Тобою люди;
Къ наслѣдiю сему щедръ буди,
Да внидетъ и въ мѣста свои.
* * *

Готовое жилище дай,
Избавивши уже отъ муки;
Горы въ святыню провождай:
Твои ту учредили руки.
* * *

Господь во вѣкъ вѣковъ Царитъ:
Вшелъ Фараонъ со всѣмъ ужъ въ воды;
Iзраиль сухо тѣ безгоды
Прешелъ, и се благодаритъ.



ОДА

ОДА XVIII.

ПАРАФРАЗІСЪ ВТОРЫЯ ПѢСНИ МОІСЕЕВЫ.

Вонми небо, и возглаголю.

Второзаконія Глава 32.

Вонми, о! Небо, и реку;
Земля да слышитъ устъ глаголы:
Какъ дождь я словомъ потеку;
И снидутъ, какъ роса къ цвѣтку,
Мои вѣщанія на долы.

* * *

Какъ туча падаетъ на злакъ;
Или какъ иней гдѣ на сѣно:
Господне Имя есть мнѣ въ знакъ,
То мыслей призвано не въ мракъ;
Славь БОГА всяко въ насъ колѣно.

* * *

БОГЪ

Богъ . истинны Его дѣла́ ;
И всѣ пути Его, судъ правый :
богъ вѣренъ ; а неправда зла ,
Не зрится ни тоя въ Немъ игла ,
Святый весь, онъ душамъ свѣтъ здравый.

* * *

Согрѣшшїи вельми предъ Нимъ ,
Не чада стали ужъ порокомъ !
О ! родъ строптивъ , развратенъ сюй ,
Сїель ты Господу твоимъ
Воздать заблаго могъ оброкомъ ?

* * *

Сихъ оный есть народъ дѣлецъ ,
Кой весь не мудръ , и пребезуменъ :
Тебяжъ не Самъ ли сей Отецъ
Прїялъ , и былъ тебѣ Творецъ ?
Доколѣ въ помыслахъ ты шуменъ !

* * *

Воспомяни тѣ дни вѣковъ ,
И купно разумѣй всѣ лѣта
Отъ рода древняго родо́въ :
Спроси у рождшаго слѣдо́въ ,
Познаешь Старшихъ все отъ свѣта.

* * *

Какъ

Какъ богъ Языки раздѣлялъ,
Сыновъ Адамлихъ разсѣвая,
Предѣловъ столько поставлялъ,
Коль вѣрныхъ слугъ себѣ счислялъ,
Отъ Ангельска числа́ то зная.

* * *

И стала быть Господня часть:
Іаковъ родъ его избра́нный;
Наслѣдіемъ возмогъ подпасть
Израиль весь Ему во власть;
Всякъ прочїй людъ ужъ былъ какъ странный.

* * *

Въ пустынѣ всѣмъ его снабдилъ:
Онъ жажду, въ превеликомъ зноѣ,
Въ землѣ безводной утолилъ,
Обвелъ его и сохранилъ,
Какъ зѣницу очей, въ покоѣ.

* * *

Гнѣздо какъ кроетъ всякъ орелъ,
И надъ птенцами сей летаетъ:
Простеръ такъ крила Онъ, и сшелъ,
На рамена его возвелъ;
Подъемлетъ, взноситъ, соблюдаетъ.

* * *

Вождемъ

Вождемъ имъ былъ Господь единъ ;
Никто богъ чу́ждїй не́-былъ съ ними :
Взвелъ ихъ на верьхъ земныхъ плотинъ ;
Поставилъ свыше всѣхъ судбинъ ;
Насытилъ житами благими.

* * *

Изъ камени потекъ имъ медъ ;
Елей изъ тве́рдажъ камня ра́вно :
Млеко , тукъ , масло скотъ даетъ ;
И цвѣтъ пшеничный всѣмъ раститъ ;
Ихъ питїе вїно преславно.

* * *

Іаковъ въ сытости процвѣлъ ;
Отвергся вскорѣ толь любимый:
Утылъ , и толсто расширѣлъ ;
Отступствомъ бога онъ презрѣлъ ;
Забылъ , что Спасъ ему Онъ чтимый.

* * *

Во нравахъ всѣ Творца чужихъ ;
И въ мерзостяхъ преогорчили :
бѣса́мъ пожерли въ сквернахъ сихъ ,
богамъ , отцамъ что странны ихъ ,
Отъ Напитавшажъ отступили.

* * *

Узрѣвъ

Узрѣвъ Господь, возревновалъ,
И раздражился Онъ презѣльно;
Въ сынáхъ и дщеряхъ злость познaлъ,
Которыхъ Самъ Онъ снабдѣвалъ,
Се взбѣсновавшихся бездѣльно.

* * *

Господь рекъ: Самъ Я отвращу
Лице Мое отъ всѣхъ ихъ нынѣ;
И напослѣдокъ имъ отмщу:
Родъ развращенный, вѣру тщу,
Не буду видѣть въ благостынѣ.

* * *

Въ гнѣвъ привели тѣмъ, что не богъ;
И раздражили суетою:
Народомъ ихъ сломлю Я рогъ,
Кой не народъ, хотя и многъ,
Отъ глупыхъ и людей бѣдою.

* * *

Отъ ярости ужъ Моея,
Разжегся огнь палящъ до ада;
Съѣстъ землю, и плоды ея;
Всѣ попалитъ страны всея
Горъ основанія для глада.

* * *

Упо-

Употреблю премного золъ;
Пущу на нихъ мои всѣ стрѣлы:
Въ снѣдь птицамъ ляжетъ плоть на долъ;
Пожретъ живыхъ звѣрь въ произволъ;
Не будутъ и отъ змѣевъ цѣлы.

* * *

Внутрь истребитъ ихъ страхъ;
Извнѣ мечъ острый обесчадитъ:
Юнъ съ дѣвою погибнетъ въ прахъ;
Съ сѣдымъ младенца при сосцахъ
Смерть люта въ вѣкъ изгладитъ.

* * *

Изрекъ бы: ихъ рассѣю всѣхъ,
И память въ людяхъ уничтожу;
Когдабъ не для противныхъ тѣхъ,
Которымъ бы не збить въ поспѣхъ,
Я въ гнѣвѣ коихъ Самъ убожу.

* * *

Еще чтобъ не сказали такъ:
Рукою мы свершили сею,
А не Господь то все никакъ:
Сей родъ, въ чіемъ совѣтѣ мракъ,
Весьма глупъ мыслію своею.

* * *

О! ежелибъ все разумѣть,
И возмоглии понять то ясно,
Чтобъ нынѣ налящій посмѣть,
И все въ рукахъ ужé имѣть,
Что впредь велитъ Онъ самовласно.

* * *

Какъ тысящи единъ гонить,
Какъ двигнуть двабъ могли тмы цѣлы!
Когдабъ не предалъ богъ Самъ бить,
И нé-далъ бы Господь сломить,
Творя ихъ воины толь смѣлы.

* * *

Но боги ихъ не таковы,
Каковъ есть богъ нашъ, велїй, сильный!
Врагижъ всѣ наши хоть какъ Львы,
Хотящи нашея главы;
Однакъ въ нихъ разумъ необильный.

* * *

Ихъ изъ Содома вїноградъ,
И отъ Гомóрры всѣ ихъ рóзги;
Ихъ гроздъ, есть токмó желчь и смрадъ;
Ихъ ягода горькá сто кратъ,
Сокъ отравляетъ шумны мозги.

* * *

Змїина ярость ихъ вїно,
И Аспїдовъ злость неисцѣльна.
Не богомъ ли отведено,
Въ сокровищахъ заключено,
Печать на всемъ томъ злѣ презѣльна!

* * *

Въ день мести то воздастъ Онъ Самъ,
Когда тѣ преткнутся ногами.
О! гибели день близокъ вамъ;
И быть чему, стоитъ ужъ тамъ:
Тѣмъ движенiе Его вы сами.

* * *

Своимъ богъ правду сотворитъ,
И умоленъ объ нихъ Онъ будетъ:
Разслабленныхъ, бессильныхъ зритъ,
Истаявшихъ не уморитъ,
Въ конецъ рабовъ Самъ не забудетъ.

* * *

Такъ рекъ Господь: Ихъ боги гдѣ,
На коихъ всѣ вы уповали?
Тукъ ѣли оныхъ жертвъ вездѣ,
И пили требъ вiно въ чредѣ;
А о Сотворшемъ не внимали.

* * *

Да встанутъ, и да васъ спасутъ;
Да въ помощь вашу тѣ потщатся;
На васъ покровъ пусть нанесутъ;
Враговъ за васъ да потрясутъ,
И да исполнить то помчатся.

* * *

Но зрите, зрите, что ЕСМЬ Я;
И нѣтъ нигдѣ другаго БОГА:
Мертвитъ, живитъ рука Моя,
Цѣльба и язва отъ нея;
Нѣтъ, ктобъ исторгъ, когда Та строга.

На

НА небо Ону возведу,
Кленясь Десницею Моею,
Вѣщая словомъ на среду,
Да будетъ слышимо преду:
Живу во вѣки Самъ Я съ нею.

* * *

Когда я изощрю Мой мечъ,
И на престолъ судебный сяду;
То тѣмъ враговъ хощу посѣчь,
И въ месть нелюбящихъ повлечь,
И ненавидящихъ поряду.

* * *

Я кровью стрѣлы напою,
Наѣстся мечъ Мой мясъ отъ тѣла,
Отъ тѣла язвенныхъ въ бою,
Отъ главъ Князей, что убію,
Ихъ поплѣнившихъ грады, села.

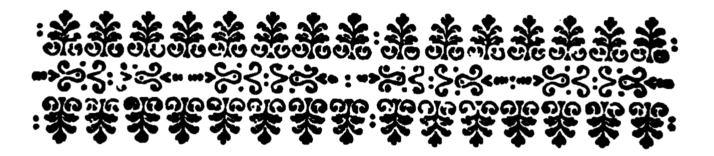
* * *

ВОзвеселитесь, Небеса,
Вы съ Богомъ нашимъ купно;
Да прославляетъ чудеса,
Отъ древняго ужé часа,
Весь Ангельскій чинъ неотступно.

* * *

Языки! вы, съ его людьми,
Въ веселіи сердецъ ликуйте;
Сыновъ родъ., крѣпость восприми:
И радостію возгреми;
Всѣ нынѣ славно торжествуйте.

Отмщаетъ богъ за васъ въ день сей,
И ненавидящимъ суробо
Онъ въ правдѣ воздаетъ Своей:
Землѣжъ Его чадъ и людей,
Есть очищенïе готово.



ОДА XIX.

ПАРАФРАЗІСЪ ПѢСНИ АННЫ МАТЕРИ САМУИЛА ПРОРОКА

Утвердися сердце мое во господѣ

Царствъ кн. 1. гл. 2.

Мое все сердце утвержденно
О Господѣ, Онъ есть Мой богъ;
О Немъ се вознесенъ мой рогъ;
О Немъ ужé зло побѣжденно:
Разверзлись на враговъ устнѣ;
Спасенїе настало мнѣ.

* * *

Весь духъ мой нынѣ веселится;
Что спасъ меня Господь Мой Самъ:
ЕГО святяй нѣтъ по дѣламъ;
Онъ всюду правосуденъ зрится;
Его ни милостивѣй нѣтъ;
Единъ спасаетъ Онъ отъ бѣдъ.

* * *

О! Не хвалитесь вы тщеславны,
Ни говорите гордыхъ словъ;
Языкъ чтобъ не̓ былъ вашъ суро́въ;
Устабъ безъ велеречій плавны:
Господь верьхъ разумовъ есть всѣхъ;
Въ Немъ начинаніямъ успѣхъ.

* * *

Лукъ изнемогъ вконецъ ужъ сильныхъ,
А въ силу слабыи пришли;
Се многохлѣбнымъ гладъ въ земли́,
Алкавшихъ зримъ въ ней изобильныхъ:
Неплодна родила́ седмь кратъ;
Родивша немощна, безъ чадъ.

* * *

Господь мертвитъ и оживляетъ,
Низводитъ, и возводитъ въ гробъ;
Убожитъ, богати́тъ Особъ,
Кроти́тъ, и выситъ; восставляетъ
Ниспадшихъ нищетою въ долъ,
Да ихъ поса́дитъ на престолъ.

* * *

Молящимся даетъ обѣты;
Вѣкъ Праведныхъ благословилъ:
Не отъ своихъ Мужъ крѣпокъ силъ:
Господь святъ раззоритъ навѣты,
Отъ супостата равно вредъ,
Егожъ отъ силы въ не́мощь сведъ.

* * *

За-

Затѣмъ премудръ чтобъ не хвалился
Отнюдъ въ премудрости своей;
Ни сильный также въ силѣ всей;
богатъ въ богатствѣбъ не гордился:
Но всѣмъ бы бога знать и чтить,
И въ правдѣ судъ Земнымъ творить.

* * *

Господь восшелъ на Небо въ славѣ,
И се Онъ страшно возгремѣлъ;
Судить всю землю восхотѣлъ,
Какъ справедливъ, и дивенъ въ правѣ:
Царямъ онъ крѣпость въ насъ пасетъ;
Рогъ своего Христа взнесетъ.

ОДА XX.

ПАРАФРАЗІСЪ ПѢСНИ ПРОРОКА АВВАКУМА.

Господи, услышахъ слухъ твой
Аввкаумъ Глава 2.

Услышавъ, Господи, слухъ Твой,
боязнїю содрогся крайно;
Я дѣло выразумѣлъ тайно,
И сталъ быть въ ужасѣ духъ мой:
Смотренїемъ грядешь отрада;
Душа трепещетъ предъ Тобой,
Спасенная во вѣкъ отъ ада.

* * *

Двояхъ животныхъ посредѣ
Ты будешь истинно познанный;
Предстанешь явно въ насъ желанный,
Какъ лѣта придутъ тѣ въ чредѣ:
Явишся, какъ настанетъ время;
И милостїю всѣхъ въ бѣдѣ
Помянешь, облехчивъ золъ бремя.

* * *

Отъ

Отъ Юга придетъ Богъ Святый,
И отъ горы дубравъ сѣнистыхъ:
Величія добротъ отъ чистыхъ
Покровъ есть небесамъ златый;
Полна́ земля Его вся славы;
Онъ Свѣтъ, въ рукахъ лучъ непростый;
И то печать Его державы.

* * *

Предъ нимъ предъидетъ въ словѣ смерть,
Изъидетъ на поля́ юносно;
Падетъ подъ но́ги ла некосно,
Какъ предпріиметъ ону стерть:
Онъ сталъ, и вся земля трясется;
Подвиглась и высо́ка твердь;
Языки таютъ, вѣсть несется.

* * *

Верьхи за нужду стерлись горъ;
Растаяли и холмы вѣчно;
Въ трудѣ ихъ древній путь конечно:
Боится Евіо́плянъ зборъ,
Селенія ихъ пасть готовы;
Весь въ страхѣ Мадіа́мскій взоръ,
И въ трепетѣ ихъ ра́вно кро́вы,

* * *

На рѣкиль, Господи, твой гнѣвъ?
Водамъ отъ яростилъ есть горе?
Или стремительство на мо́ре?
На коней бурныхъ тако всѣвъ,
Ты борзо шествуешь повсюду:
Но шествіе твое узрѣвъ,
Я и спасеніе зрю люду.

Твой Лукъ уже́ есть иалячёнъ,
По слбѣу Твоему, на Скиптры;
Ты далъ рѣкамъ въ долъ ходы хитры;
Верьхъ горъ Тобою удрученъ;
Текутъ въ спремлении всѣ вóды;
Гласъ бездны самыя промченъ;
И высота всклицаетъ въ роды.

* * *

Въ чинъ стали Солнце и Луна,
Они шли стрѣлъ Твоихъ по свѣту,
Оружiй и по блеску въ мѣту:
Земля уже́ уменьшена́
Прещенiемъ Твоимъ жестокимъ;
И ярость всѣмъ обѣявлена
Языкамъ гордымъ и высокимъ.

* * *

Иссшелъ спасти людей Твоихъ,
Твоихъ помазанныхъ всѣхъ рáвно;
И положилъ Ты Самъ исправно
Смерть беззаконнымъ сверхъ главъ ихъ:
Оковы съ ногъ на нихъ давыи,
Да мерзостей ктому своихъ
Творить не могутъ вольны злыи.

* * *

Ты палицею сокрушилъ
Во всѣхъ градахъ враговъ тѣхъ сильныхъ;
Какъ шли въ толпахъ они обильныхъ;
Чтобъ каждый насъ опустошилъ;
Пожрать и вѣявь и втай бѣгали:
Но Ты къ намъ коньми поспѣшилъ,
И мы избавлены тѣмъ стали

Хотя и спрятался съ труда́;
И всѣмъ я сердцемъ убоялся,
Утробою поколебался
Отъ гласа устъ Твоихъ: тогда
Вшелъ трепетъ преужасный въ кости,
Настала крѣпости бѣда,
Всего объяли смертны злости.

* * *

Возлягу почивая днесь,
До дня скорбей неизреченныхъ;
Ты Самъ Твоихъ рукъ ополченныхъ
До тѣхъ не хощешь двигнуть здѣсь:
Какъ въ люди вниду я пришелецъ,
Воздвигнется и брань и смѣсь;
Всякъ возрыдаетъ земледѣлецъ.

* * *

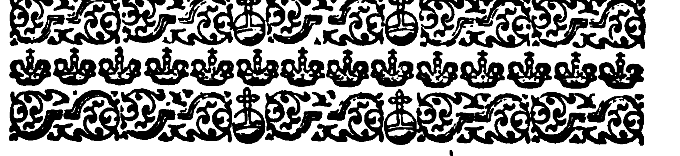
Плодовъ ужъ Смоквь не принесетъ;
Не будетъ рода Віограду;
Печаль всему настанетъ граду,
И стару, юну, и кой ссетъ:
Солжéтъ въ успѣхѣ и Олíва;
Гладъ изможди́тъ всѣхъ и стрясетъ,
Что хлѣба не подастъ имъ нива.

* * *

Умалится число овецъ;
Воловъ при ясляхъ ужъ не будетъ;
Всего и всѣхъ зло не забудетъ,
Всему и всѣмъ есть лютъ конецъ.
Но мнѣ о Господѣ есть радость:
Онъ Мой единъ богъ и Творецъ,
Мнѣ въ Немъ Спасителѣ вся сладость.

Го-

Господь богъ сила есть моя;
Кладетъ стези мнѣ безопасны,
Творитъ мои Онъ ноги красны;
Верьхъ взноситъ милость подая;
Да побѣдивъ враговъ ликую,
И да хвалу Ему поя,
Въ той пѣсни свѣтло торжествую.



ОДА XXI.

ПАРАФРАЗІСЪ ІСАІИНА ПРОРЕЧЕНІЯ.

Отъ нощи утреннюетъ духъ мой.
Ісаіи глава 26.

Къ Тебѣ отъ нощи востаетъ,
О! боже, въ утро духъ мой вольно:
Твое велѣніе престольно,
Спасительный землѣ есть свѣтъ.
Весь родъ живущихъ земнородныхъ,
Ты научиться правдѣ тщись:
О! злый, блаженнымъ быть не мнись,
Дѣлъ за нечестіе неплодныхъ.

* * *

Да потребится отъ среды
Всякъ безъ пощады нечестивый,
И духъ его толико льстивый:
Да не имѣетъ онъ чреды
Господню славу видѣть съ нами.
Твоя что, Господи, рука,
Вельми и мышца высока,
Не знаютъ; но въ стыдъ придутъ сами.

* * *

Не

НЕ наученныхъ всѣхъ людей
Объиметъ скрежетъ, зависть злая;
Огнь супостаты пожигая,
Конечно истребитъ въ день сей.
Но насъ любезнымъ, боже, миромъ,
Подавъ тотъ намъ, благослови;
Сїю намъ милость ввѣкъ яви,
Толь всякимъ насладивъ насъ пиромъ.

* * *

О! Господи, и боже нашъ:
Мы много отъ чужихъ терпѣли;
Едва въ господъ не возъимѣли.
Но молимъ, Ты намъ буди стражъ;
Твоя надъ нами власть и воля:
Кромѣ Тебя мы никого,
Не знаемъ ра́вно ничего;
Въ Твоемъ намъ Имени есть доля.

* * *

Къ тому уже́ тѣ живота
Не могутъ видѣть всѣ отнынѣ;
Зримъ гробы токмо мы въ пустынѣ,
Гдѣ вся была ихъ высота:
Ихъ воскресить врачи не сильны,
Ты Самъ ихъ ввѣки погубилъ,
И память съ шумомъ потребилъ,
Коль Мужи были ни обильны.

* * *

САмъ, Господи, зла приложи
Тѣмъ, кои на землѣ толь славны,
Что мнятся быть съ Тобою р. ны;
Но насъ всѣхъ вмалѣ накажи:

Теб

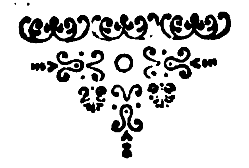
Тебя мы въ скорби поминаемъ ;
Хоть совокупно хоть и въ разнь ,
Мы получаемъ должну казнь ;
Однакъ къ Тебѣ мы прибѣгаемъ.

* * *

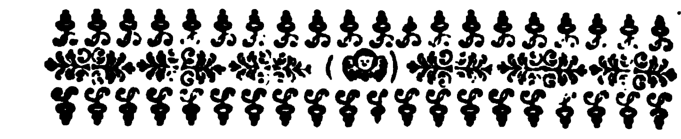
Какъ мучащаяся родить ,
Въ болѣзни вопіетъ великой ;
Такъ всѣмъ намъ повелѣлъ въ толикой
Ты скорби предъ Тобой ходить :
Зачавъ , во чрево мы вселили ;
А бремя такъ свое нося ,
И повсегда къ Тебѣ гласа ,
Спасенія мы духъ родили.

* * *

Не мы ; но славныи падутъ ,
И овладѣвшіи землею :
Восстанутъ мертвыи душею ,
Воскреснутъ въ жизнь , гласъ издадутъ
И о Тебѣ возвеселятся :
Роса Твоя имъ есть цѣльба.
Есть нечестивымъ та судьба ,
Да падши въ дольняя вселятся.



ОДА



ОДА XXII.

ПАРАФРАЗІСЪ МОЛИТВЫ ІОНИНЫ.

Возопихъ въ скорби моей.

Іоны глава 2.

Я въ скорби къ Господу моей
Отъ сѐрдца возопилъ стеная;
Богъ мой меня въ печали сей
Услышалъ милость поминая.
Услышалъ Ты, о! боже, гласъ,
И вопль мой изъ звѣрина чрѐва:
Хоть въ глубину низвергъ отъ гнѣва,
Хоть рѣки залили тамъ въ разъ;
Однакъ не презрилъ гòрька рева.

* * *

Вся высота по мнѣ прешла;
Вся глубина меня пріяла;
Вся и широкость обошла;
Отверста мраковъ бездна стала;

Всего

Всего покрыли горы водъ :
Шумъ токовъ оглушилъ ужасный ;
Всему явился видъ золъ власный ,
И влажный пропастей исподъ.
О ! коль тогда я былъ злощасный.

* * *

Изрекъ я въ горести сіе :
Отринутъ обрѣтаюсь нынѣ ,
И все стенаніе мое ,
Здѣсь отъ Твоихъ очей въ долинѣ ;
Ужéктому я не узрю
Живъ Храма Твоего святаго ,
Ни въ немъ сіянія драгаго :
Взлилась вода къ душй за прю ;
Се въ безднѣ смерть мнѣ , а не благо!

* * *

Глава моя въ разсѣли горъ
Ужъ всеконечно понырнула ;
Снисшелъ въ мѣста подземны взоръ ,
Земля заклепъ свой гдѣ замкнула ,
Въ вѣкъ положивши вереи.
О ! боже , да животъ спасется ,
И на верьхи да изнесется ;
Да внидутъ слезъ къ Тебѣ струи ;
Да духъ въ пучинѣ не стрясется.

* * *

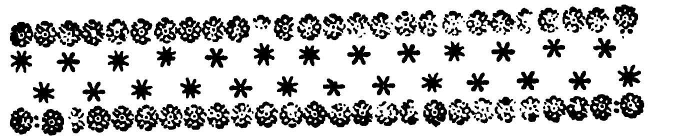
Когда вельми душа моя
Въ страданіяхъ тамо сихъ томилась ;
То милость , Господи , Твоя
Во время въ память мнѣ вселилась :

Молитву самъ мою Ты внялъ ;
Дошла въ Храмъ къ Твоему престолу ;
Судебъ Твоихъ по произволу ,
Ты ону въ благости пріялъ ;
Возведъ меня , не предалъ долу.

* * *

Хранящіи ложь , суету ,
Пренебрегаютъ благодарность ;
За то пріимутъ срамоту ,
И казнь за лестную коварность.
Но я со гласомъ похвалы ,
И въ исповѣданіи богу
Воздамъ спасенный жертву многу ,
Котора сердце , не волы ,
И весь обѣтъ мой безъ подлогу.

ОДА



ОДА XXIII.

ПАРАФРАЗІСЪ МОЛИТВЫ ТРЕХЪ ОТРОКОВЪ

благословенъ еси Господи боже отецъ нашихъ.
Данїила Глава 3

Благословенъ, о! боже сильный,
Господь и нашимъ всѣмъ отцамъ;
Ты славою Именъ обильный;
Въ вѣкъ хваленъ по земнымъ концамъ:
Ты праведенъ во всемъ предъ нами,
Твоими Истинны дѣлами;
Твой правосуденъ путь во всемъ
На насъ тобою наведенномъ,
И на святый Градъ въ напряжённомъ:
Ты за грѣхи казнишь насъ тѣмъ.

* * *

Мы предъ Тобою согрѣшили,
И беззаконно отъ Тебя
Въ бесстудствѣ нашемъ отступили,
Прельщая суетой себя:
О заповѣдяхъ не радѣли,
Ни ихъ соблюсть мы восхотѣли:

Мы дѣлали единый срамъ;
Все правое пренебрегали,
Что отъ Тебя воспрїимали,
Да благо будетъ въ жизни намъ.

* * *

СЕ въ руки предалъ беззаконныхъ
И власти насъ лукавой, злой,
И всѣхъ тѣхъ Iдолопоклонныхъ,
И ихъ неправдѣ головой:
Не можемъ устъ отверсть мы нынѣ,
Толико въ горесной пелынѣ;
Ужé мы въ стыдъ рабамъ Твоимъ,
И въ поношенїе всѣмъ чтущимъ,
Тебя единаго поющимъ;
Мы въ тягость и себѣ самимъ.

* * *

Но не предай насъ всеконечно
Для Имени днесь Твоего;
Мы молимся тебѣ сердечно,
Не раззори самъ ничего
Въ Твоемъ толь истинномъ завѣтѣ,
Не попусти намъ быть въ навѣтѣ,
Для Авраама, кой прїятъ
Въ люблeнїе къ Тебѣ и въ дружбу,
За Iсаакову всю службу,
И для Iзраиля, кой святъ.

* * *

ТЫ Самъ имъ, боже, обѣщался,
Умножить сѣмя оныхъ толь,
Какъ съ ними устно сообщался,
Блистаешъ звѣздъ на небѣ коль,

И

И сколько есть песку при мópѣ :
Теперь мы въ превеликомъ гópѣ ,
Умаленныи паче всѣхъ ;
Ужé мы на землѣ смиренны ,
И всюду и отъ всѣхъ презрѣнны
Къ Тебѣ за нашъ великій грѣхъ.

* * *

НАчальника въ сïе ужъ время ,
Нѣтъ ни пророка , ни вождá ;
Несемъ мы нестерпимо бремя ,
Насъ всюду обстоитъ бѣда :
Нѣтъ мѣста къ жертвѣ всесожженій ,
И всѣхъ кадильныхъ приношеній ,
Гдѣбъ мы могли пожреть Тебѣ ;
А отложившимъ всю унылость ,
Твоюбъ намъ пребогату милость
Возможно прïобрѣсть себѣ.

* * *

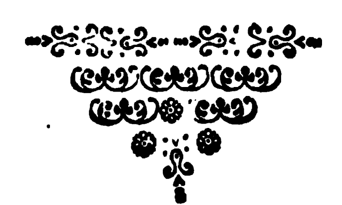
ОДнакъ , да въ серцѣ мы сотренномъ
Прïяты будемъ вопія ,
И въ духѣ повсему смиренномъ
Мольбу сïю къ Тебѣ лïя :
Какъ въ тельчихъ жженïяхъ всештучныхъ,
Какъ въ овнихъ, въ тмахъ и агнцовъ тучныхъ
Такъ жертва наша предъ Тобою ,
О ! Господи , днесь да явится ,
И да въ угодность совершится :
Мы въ вѣрности къ Тебѣ прямой.

* * *

Се мы отъ глубины утробной
Восслѣдуемъ Тебѣ боясь;
Къ Тебѣ въ сей прибѣгаемъ гробной
Печали нашей не стыдясь.
Не посрами; но кротокъ буди,
И въ милости насъ не забуди:
Сія премнога по всему.
Изми насъ по Твоей державѣ,
И по великолѣпной славѣ
Ввѣкъ Имени здѣсь Твоему.

* * *

Являющіи люто злая,
О! Господи, Твоимъ рабамъ,
Да постыдятся всѣ, гонзая
Въ погибель сами по судьбамъ:
Да всякаябъ своя ихъ сила,
И крѣпость сломленна срамила:
Да знаютъ, что единъ Ты богъ,
Что по вселенной всей Ты славенъ,
И Токмо Ты единъ державенъ;
Съ Тобой не смѣненъ всякъ прилогъ.



ОДА

ОДА XXIV.

ПАРАФРАЗІСЪ ХВАЛЫ БОГУ ОТЪ ТРЕХЪ ЮНОШЪ

Благословенъ еси Господи боже отецъ нашихъ
Данiила Глава 3.

Благословенъ Господь, Богъ нашихъ всѣхъ отецъ
Прехвальный и превозносимый;
Благословенъ въ своей и Славѣ нашъ Творецъ,
По долгу всѣми толь гласимый;
благословенъ всѣ бездны зряй,
На Херувiмахъ Самъ сѣдяй:
Его воспойте человѣки,
И славно величайте въ вѣки.

* * *

Благословенъ престолъ, и царствiе Его
Прехвально и превозносимо,
благословенно все величiе Того
По долгу всѣми толь гласимо;
благословенъ на небесахъ,
Всего и Мiра въ колесахъ:
Его воспойте человѣки,
И славно величайте въ вѣки.

* * *

Благословите вы всѣ Господа дѣла;
Всѣ купно Ангели Господни;
Всѣ силы, всяка тварь, и также всѣ тѣла
Превыспренни и преисподни;
Всѣ воды самыхъ сверьхъ небесъ;
Всякъ образъ дивнѣйшихъ чудесъ:
Его воспойте человѣки,
И славно величайте въ вѣки.

* * *

Благословите твердь, и солнце, и луна,
Толь многихъ Хоръ звѣздъ распещренный;
И всякій духъ, душа, дождь, вѣтръ и росъ вина;
Огня и вара родъ небренный;
И всяка стужа, всякъ и зной;
И иней, ледъ, и мразъ хвалой:
Его воспойте человѣки,
И славно величайте въ вѣки.

* * *

Благословите снѣгъ, слота, и день, и нощь,
Свѣтъ, молнія, тма, мраки;
Вы купно облака, и воздухъ силъ не тощь,
Земля, плоды растущи паки;
И горы, холмы, и древа:
И злаки всѣ, и вся трава:
Его воспойте человѣки,
И славно величайте въ вѣки.

* * *

Благословите мгла, источники, моря,
Езера, рѣки, рыбы, киты,
И все что есть въ водахъ; вы птицы выспрь паря,
И птиц мнитцъ, рои знамениты;

И звѣри, и число скотовъ,
И всякихъ множество гадовъ:
Его воспойте человѣки
И славно величайте въ вѣки.

* * *

Благословите днесь, о! людіе, и вы,
И ты Ізраиль предъизбранный;
Служащіи ему Священные главы:
Рабъ, властелинъ, природный, странный;
Духъ правыхъ, кроткія сердца,
блажите общаго Творца:
Его всѣ пойте человѣки,
И славно величайте въ вѣки.

* * *

Благословимъ того и мы превозносл,
Ананій и Азарій красно,
Місаилъ третій въ насъ; хваленіежъ глася,
Почтимъ Всевышняго согласно,
И воспрославимъ отъ сердецъ
Всея вселенны до конецъ:
А воспѣвая съ человѣки,
Достойно возвеличимъ въ вѣки.

* * *

Онъ самъ исторгнуть насъ отъ ада днесь судилъ;
Онъ спасъ отъ самыя насъ смерти;
Отъ пещнаго огня соблюсть благоволилъ,
И злымъ не попустилъ насъ стерти.
Онъ благъ, къ нему всѣ воззовемъ,
Да въ благостынѣ поживемъ:
Его поемъ мы человѣки,
И славно величаемъ въ вѣки.

ОДА

ОДА XXV.

ПАРАФРАЗІСЪ ПѢСНИ БОГОРОДИЧНЫ

Величитъ душа моя Господа.
отъ Луки Глава 1.

ВЕличитъ Господа поя
Все сердце, вся душа моя:
Имъ Богомъ спасшимъ духъ пришелъ мой въ крайню радость,
И чувствуетъ небесну сладость.

* * *

НА нискость онъ мою призрѣлъ,
Рабу смиренну изобрѣлъ:
Всѣ роды ублажатъ меня ужé отнынѣ,
Въ толикой вѣчно благостынѣ.

* * *

ВЕлико сотворилъ со мной,
Всесильный, и Святый собой!
Отъ рода въ родъ Его всѣмъ милости творятся,
Которы Онаго боятся.

* * *

Дер-

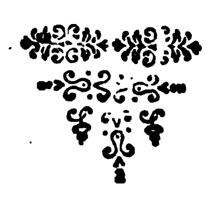
Державу мышцею явилъ
Своею, Самъ и утвердилъ:
Гордящихся всю мысль развѣялъ напыщенну,
Въ ничто въ сердцахъ ихъ обращенну.

* * *

Низвергъ въ глубокій сильныхъ долъ;
Вознесъ смиренныхъ на престолъ:
Наполнилъ алчныхъ всѣхъ премногими благими,
богатыхъ отпустилъ нагими.

* * *

Израиля прiялъ всего;
Раба онъ вспомнилъ своего:
Такъ Авраамy самъ далъ клятву издалека,
И сѣмени его до вѣка.



ОДА XXVI.

ПАРАФРАЗІСЪ ПРОРОЧЕСКІЯ МОЛИТВЫ ЗАХАРІИ ОТЦА ПРЕДОТЕЧЕВА.

благословенъ Господь богъ Ізраилевъ. отъ Луки глава 1.

Благословенъ Господь и богъ,
Ізраилю себя явивый,
Избаву людямъ сотворивый,
И всѣмъ воздвигнувый намъ рогъ
Въ селеніи раба и отрока Давіда;
Да не ктому язвитъ насъ лютая обида.

* * *

Такъ Самъ Онъ провѣщалъ
Святыхъ пророковъ всѣхъ устами,
Дать верьхъ намъ славный надъ врагами;
Изъ ихъ отъять рукъ обѣщалъ,
Съ отцами сотворить свою богату милость,
Завѣтъ свой помянуть, отгнать отъ насъ унылость.

* * *

Онъ

Онъ клялся Аврааму тѣмъ,
Что будемъ мы Ему, безъ страха,
Отъ вражія спасены праха,
Служить и правдою и всѣмъ
Говѣніемъ предъ Нимъ святымъ и преподобнымъ,
И всякъ день въ животѣ хваленіемъ особнымъ.

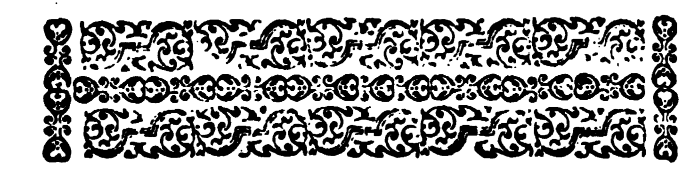
* * *

Но о! младенецъ, ты Пророкъ
ВСЕВЫШНЯГО пронаречешся:
Ты въ силу свыше облечешся,
Предшествовать предъ Нимъ въ свой срокъ;
Да уготовишь всѣ пути Его нелесны,
И всѣ стези Его здѣсь на землѣ небесны.

* * *

Да людямъ умъ подашь Его,
Въ чемъ есть спасительна отрада
Отъ всякаго грѣховна смрада,
За милость бога Самого:
Востокъ насъ присѣтилъ отъ тѣней тмы избавить,
А ноги наши въ вѣкъ на миренъ путь направить.

ОДА



ОДА XXVII.

ПАРАФРАЗІСЪ ПѢСНИ ДЕВВОРИНЫ

Внегда начати вождомъ во Ізраили.
Судей глава 5.

Когда въ Ізраилѣ вожди
Мстить начали прехрабро съ богомъ:
Когда въ числѣ и люди многомъ
Текли такъ вольно какъ дожди:
То Господу хвалу явите,
И ВЫШНЯГО благословите.

* * *

Услышите, о! Царй землй;
И каждый изъ Князей внушая,
А вопли сонмовъ утишая,
Съ благоговѣнїемъ внемлй:
Я воспою Пѣснь велегласно,
Я Господу пою днесь красно.

* * *

Какъ

Какъ скоро, боже, ты исшелъ
Воздвигшись грозно отъ Сіира,
И въ молніяхъ Твоя Порфіра
блеснула отъ Едомскихъ селъ;
Вся потряслась земля съ водами,
Смутилось Небо съ Облаками.

* * *

Подвиглись Горы отъ Лица
Тогда всѣ Господа превѣчна,
Подвиглись тѣ отъ бесконечна
Царя, и бога, и Творца:
И самъ Сінай такъ колебался,
Что на твердынѣ волновался.

* * *

Въ дни, въ кои пребывалъ Самгаръ
Анаѳовъ сынъ, въ дни Іаили,
Ужѐ по стогнамъ не ходили;
Не зрился путникъ младъ, ни старъ
Всякъ отъ пути былъ воспященный,
Иль шелъ въ кривый и развращенный.

* * *

Ізраильтески всѣ мѣста,
И всѣ жилища опустѣли;
Домовъ ужъ грады не имѣли,
была и кажда грань пуста:
Пока Девво́ра не восстала,
И Матерїю быть не стала.

* * *

Едва

Едва Ізраиль изберетъ
боговъ какъ новый хлѣбъ ячменный;
То вдругъ подъ грады людъ военный:
А сорокъ тысящъ общій вредъ
Моглиль прочь отгонять пустою,
безъ копій и щитовъ, рукою?

* * *

Но во Ізраилѣ всѣхъ главъ,
И отъ народа добровольныхъ,
Собравшихся отъ мѣстъ окольныхъ,
Какъ любитъ сердце, такъ мой нравъ:
О! сильныи людей, гласите,
И Го́спода превозноси́те.

* * *

Вы ѣздящіи вполы дня
Въявь на своихъ Ослятахъ бѣлыхъ,
И вы сидящіи на цѣлыхъ
Суди́щахъ, кривду прочь гоня,
И въ сонмъ ходящіи, собщайте
Дѣла́ другъ дру́гу, и вѣщайте.

* * *

Шумъ ополченныхъ ужъ престалъ;
Да будетъ плещущихъ гласъ тамо,
О Правдѣ слово токмо са́мо,
Гдѣ водъ Источникъ богъ намъ далъ:
Онъ утвердитъ въ насъ Правды дѣло;
Народъ пошелъ во грады смѣло.

* * *

Ты

Ты встань, ты встань, Деввора, днесь,
И въ Пѣсни сей рцы вѣрно слово:
Варакъ! востань и ты готово,
Востань Авінеемль сынъ здѣсь;
Веди тобою побѣжденныхъ,
Яви, колико есть плѣненныхъ.

* * *

Уже ты въ силахъ превозмогъ;
Народъ Господень торжествуетъ,
Обрадованный ликовствуетъ:
Мнѣ сильнѣйшихъ уже Самъ Богъ
Подвергъ Десницею Своею,
Далъ быть подъ властію моею.

* * *

Отъ мѣстъ Ефремлихъ корень ихъ,
И даже онъ до Амалика:
Но былъ Веніаминъ отъ лика,
Какъ братъ тебѣ, тогда твоихъ;
Махірь моя былъ оборона,
И Писменникъ отъ Завулона.

* * *

НАчальникъ Іссахарскій съ странъ
Девворинымъ сталъ по срединѣ;
Былъ съ пѣшими Варакъ въ долинѣ,
Рувимъ раздѣломъ гдѣ раздранъ:
Противъ противныхъ тамъ стояли,
И въ сердце бодрость восприяли.

* * *

ЧТожъ тотъ Хлѣвбвъ въ забрала сѣлъ ?
Мѣста́ оградъ сихъ толь не чисты :
Иль скотски слышать тамо свисты ,
И шествующихъ шумъ хотѣлъ
Въ Рувимовы тогда раздѣлы ?
Всѣ мыслей суетны предѣлы !

* * *

Збѣгъ Галаа́дъ за Іорда́нъ ;
Аси́ръ , что на брегáхъ бываетъ ?
Отъ пристаней не отбѣгаетъ ?
Почто и совокупно Данъ
Изъ кораблей есть не исходенъ ?
Или онъ ни къ чему не годенъ ?

* * *

НО Завулóнъ есть сей Народъ ,
Который самъ подвергся смерти ,
Или чтобъ супостатовъ стерти ;
И Нефѳалі́мъ , подобный родъ ,
безъ дѣйствъ не пребылъ празно въ долѣ :
Исшелъ , и сталъ на чистомъ пóлѣ.

* * *

ЦАрі́ къ нему пришли ужъ вблизь ,
Тѣ ополченныи восстали ;
Тамъ въ Ѳанаáхѣ воевали ,
У Магеддóнскихъ водъ сошлись :
Однакъ , коль крóви ни точили ,
Сребра себѣ не получили.

* * *

Се

СЕ что ! Чинъ воружился звѣздъ !
Онъ сталъ противъ того Сісары !
Вонзаетъ смертныи удары
Лучами отъ своихъ Самъ гнѣздъ :
Се Небеса всѣ ополчились ,
И на негожъ ожесточились !

* * *

ПОтокъ Кїсбновъ ихъ зглотилъ !
Токъ наводненія подобно
Въ нихъ пролилъ Кадимінъ способно :
Потокъ Кїсбновъ затопилъ !
Душа моя ! Тѣмъ всюду рана ,
И сила ихъ тобой попрáна.

* * *

Съ ристанія , отъ конскихъ ногъ
Скочилъ , на пóлы рассѣкаясь ,
Или на чáсти сокрушаясь ,
Копыта оный твердый рогъ :
Толь былъ тогда тамъ тóпотъ сильный ,
И скачъ во всѣ страны обильный !

* * *

Кленитте , Ангелъ такъ велитъ ,
Кленитте клятвою 'Мазбра ;
Да истребится онъ отъ взора ;
Всякъ житель въ немъ да заболитъ :
Въ Господию пóмощь не потщились ,
И въ пóмощь сильну не собщились.

* * *

Да будетъ Іаиль, Жена
Хаверъ - Кинеева почтенна,
Во всѣхъ женахъ благословенна!
Да препрославится Она
Всѣхъ вележѣпнѣе женъ сущихъ,
Въ шатрахъ и на-полѣ живущихъ!

* * *

Просилъ онъ у нея воды;
Млека та подала возвратно,
И масла кравія богатно:
То изнесла все до среды,
И съ тѣмъ, ему отягощенну,
Подноситъ чашу позлащенну.

* * *

Простерла лѣвую свою
Къ гвоздю потомъ древянну въ плату,
А правую къ работныхъ млату;
Сісару тѣми, безъ бою,
Въ високъ до смерти поразила,
Въ кой млатомъ гвоздь ему вонзила.

* * *

Согнувся палъ къ Ея ногамъ,
Падъ на землѣ весь растянулся;
И нѣсколько еще онъ гнулся,
Валяясь при издохѣ тамъ:
Но вскорѣ, гнусно безобразенъ,
Издохъ, и сталъ во вѣки мразенъ.

* * *

Въ

Въ окно смотрѣла часто мать
Сïсарина, и сквозь решетку;
Сама всклицала, какъ въ трещетку:
Доколѣ такъ его мнѣ ждать?
Его что медлитъ Колесница?
А съ нимъ и прочïя всѣ Лица?

* * *

НА то мудрѣйши изъ Вельможъ
Гадательствуя отвѣщали,
И купно ону улещали
Такъ знаменитые Госпожъ:
Да и сама себя та льстила,
Что въ сердцѣ съ ними сходно мнила.

* * *

КОрысть велику знатъ онъ взялъ;
Ту раздѣляетъ заслужившимъ,
И всѣмъ въ войнѣ себѣ дружившимъ:
Драгïе утвари отъялъ;
Облекъ на рамена цвѣтную,
На выю возложилъ златую.

* * *

ТАкъ, Господи, Твои враги
Всегда вездѣ да погибаютъ;
А равно Солнцу да блистаютъ,
Возлюблшïи Тебя слуги!
Да впредь не мучитъ зло ни кое!
Страна да будетъ вся въ покоѣ!

ОДА XXVIII.

О НЕПОСТОЯНСТВѢ МІРА.

Гдѣ бодрость ! гдѣ веселый духъ !
Какіе мысли въ умъ вселились ?
Что за нещастія случились ?
Почто твой видъ толико сухъ ?
Погибло ль что, и не восстанетъ

* * *

Какъ ! малая премѣна толь ,
Къ болѣзни сердцу давъ начало ,
Какъ острое какое жало ,
Хотя тебя ни мучитъ коль ;
Однако , ты будь терпѣливый.

* * *

Что въ Мірѣ постоянно есть ?
Не все ль въ немъ завсегда превратно ?
Не всѣмъ ли искони то знатно ?
Не утрѣль нѣтъ , что днешня честь
Который красный цвѣтъ не вянетъ

* * *

Сперва́ весна , тамъ лѣто здѣсь ;
Потóмъ ужъ есень прибѣгаетъ ,
Зимажъ наставши отнимаетъ
И плодъ съ деревъ , и листъ ихъ весь ,
И вóздухъ дышетъ особливый.

* * *

Вѣтрѣ

Вѣтръ возмущаетъ тишину ;
Темнѣетъ свѣтлость отъ ненастья ;
Премного въ щастіи нещастья ;
Сей долу , тотъ на вышину ,
Какъ бутто не спадетъ, стремится.

* * *

У чернаго есть съ бѣлымъ бой ;
Есть у сухаго также съ влажнымъ ;
У лехкаго подобножъ съ важнымъ ;
Ни ветхость , новость межъ собой ,
Не мирны и ни старость, младость.

* * *

Какъ день , такъ ночь есть не всегда ;
Кто мощенъ , утрѣ вотъ бессиленъ ;
Теперь суровъ , потóмъ умиленъ ;
Живъ въ полдень , въ вечеръ иногда
Трупъ бездыханенъ всѣми зрится.

* * *

Иное ходитъ , то стоитъ ;
Другое косно , третье скоро ;
То тратится , иное споро ;
Иное чувствіямъ вредитъ ;
Иное тѣмже чувствамъ радость.

* * *

Нѣтъ , краткимъ словомъ , ничего ,
Кромѣ сотворшаго все БОГА :
[Чья къ земнороднымъ милость многа
И благость и любовь Его ,]
Что былобъ во Вселенной вѣчно.

* * *

Онъ пресвятый, онъ есть единъ,
Онъ всемогущїй, Онъ правдивый,
Всевѣдущъ Онъ и прозорливый,
Надъ всѣмъ верховный Господинъ,
По волѣ все располагаетъ.

* * *

Его вездѣ во всемъ есть власть;
Мы должни всѣ повиноваться,
А малодушно не терзаться,
Что мнится наша злая часть:
Прїимемъ токмо ту сердечно.

* * *

О! Весь желанїе мое,
Въ Тебѣ и все мое благое,
И все сокровище драгое,
Твори со мной во всемъ Твое;
Языкъ и сердце то вѣщаетъ.

СЛОВО

О ТЕРПѢНІИ И НЕТЕРПѢЛИВОСТИ.

ФОНТЕНЕЛЕВО

получившее награжденіе за краснорѣчіе.

Человѣкъ коль ни мало употребляетъ въ дѣйствіе свой внутренній свѣтъ, къ познанїю самого себя; однако усматриваетъ слабости и пороки, которыми онъ наполненъ. Сія есть причина, что немедлѣнно человѣческій разумъ ищетъ способа, какъ бы оныи исправить, имѣя съ природы къ совершенству желанїе, оставшееся въ немъ отъ древнія величности, коею онъ почтенъ былъ. Но нынѣ сколько силъ имѣетъ сей сáмый разумъ, будучи сомнителенъ, слѣпъ, исполненъ заблужденій, достоинъ и самъ почитаться за одну изъ

бѣдностей человѣческихъ ? Онъ токмо что умѣетъ сопротивляться порокамъ чрезъ пороки жъ , или исцѣлять страсти страстями ; а сїи тщетныя лѣкарства , изобрѣтаемыя имъ , нечто иное , какъ токмо толь бо́льшее и неисцѣльнѣйшее зло , коль болѣе нужно ему не признавать ихъ зломъ , и коль онъ вящше прельстился самъ , ихъ одобряя.

Тщетно чрезъ многїя вѣки древняя Грецїя , бывши толь изобильна тонкими , любопытными , и беспокойными умами , производила оныхъ мудрецовъ , которыи продерзосно старались научать послѣдователей своихъ наукѣ , какъ жить блаженно , и здѣлать самихъ себя совершеннѣйшими ; всуе бесчисленная разность ихъ мнѣнїй , которая вовѣки имѣетъ быть стыдомъ ослабѣвшему природному свѣту , истощавала все , что человѣческїй разумъ могъ изобрѣсть для пользы земнороднымъ : ибо дѣйствїе са́мыхъ сильныхъ Фїлософскихъ стремительствъ , токмо что премѣнило пороки , производимыи растлѣнною природою , въ ложные Добродѣтели , кои были , чтобъ такъ сказать , еще достовѣрнѣйшими знаками поврежденїя. Простый человѣкъ или не вѣдаетъ своихъ недостатковъ , или признаваетъ ихъ съ довольною искренностїю , дабы ихъ здѣлать , нѣкоторымъ способомъ , извиненїя достойными : но языческїй Фїлософъ , тщеславясь прїобрѣтенїемъ своихъ несовершенствъ чрезъ многое размышленїе

и ученїе

и ученіе, приписывалъ еще тѣмъ и какъ всякое, такъ и великое похваленіе.

Сіи непорятки, производимыи человѣческимъ разумомъ въ Греціи, гдѣ онъ владычествовалъ со всею возможною себѣ высокостію, вышедъ уже изъ своихъ предѣловъ, также и лесныя наставленія, рассылаемыя оттуду имъ ко всѣмъ свѣта сего Народамъ, воспріимавшимъ оныя съ преизбыточнымъ повиновеніемъ, были поистиннѣ немалымъ побужденіемъ, приведшимъ ВѢЧНЫЙ РАЗУМЪ къ сошествію на землю. Когда, съ одной стороны, у Іудеевъ славные Даніиловы седмицы, которые уже скончавались, и скипетръ Іудинъ, прешедшій въ чужіе руки, приводили въ поспѣшеніе ИЗБАВИТЕЛЯ, толь давно обѣщаннаго и вожделѣннаго; то, безъ сомнѣнія, съ другой Греки, попустившіися по то время въ надменныя заблужденія, и въ тщеславное неразуміе, а довольствующееся самимъ собою, равно требовали МЕССІИ для своихъ нуждъ, хотя и не имѣли права ожидать Его Пришествія. БОГЪ долженствовалъ ЕГО послать къ однимъ, дабы исполнить свое СЛОВО, толь многажды предвозвѣщенное устами ЕГО Пророковъ; а другимъ надлежало ЕМУ ТОГО подать, чтобъ удовлетворить СВОЕЙ благости, не могущей уже больше терпѣть имъ заблужденій въ ихъ мудрости. Надобенъ былъ однимъ МОНАРХЪ, который бы себѣ учредилъ по всему божественное владычество

надъ

надъ народами; надобенъ былъ ВЕЛИКІЙ СВЯЩЕННОНАЧАЛЬНИКЪ, который бы ихъ научилъ приносить истинную жертву: но надобенъ же былъ и другимъ МУДРЕЦЪ, отъ котораго бъ имъ получить твердое наставленіе; надобенъ имъ также былъ и УЧИТЕЛЬ, который бы имъ подалъ всѣ познанія, желаемыя ими толь отъ многихъ вѣковъ.

Тогоради, наконецъ, явился между человѣками оный МЕССІЯ, толь пламенѣющими чаянный желаніями отъ одного токмо народа а толь всѣмъ нужный. Тогда ИСТИННА и ДОБРО открыты намъ быть стали, безъ примѣшенія всякихъ тучъ, и всякаго мрака; тогда исчезли всѣ оныя привидѣнія Добродѣтели, родившіяся отъ Філософскаго мечтанія; тогда все и повсему божественное врачеваніе нáчало быть прилагаемо, съ полученіемъ успѣха, ко всѣмъ нашимъ недугамъ, кои намъ природны.

Да возведутся наши очи особенно на одно которое нибудь изъ дѣйствій, каково произвелъ новый уставъ возвѣщенный ІИСУСОМЪ ХРІСТОМЪ. НЕТЕРПѢЛИВОСТЬ ВЪ ПРИРОДНОМЪ ЗЛѢ, ЕСТЬ, МОЖЕТЪ БЫТЬ, ТАКОИ ПОРОКЪ ИЗЪ ПОРОКОВЪ, КЪ КОТОРОМУ НАСЪ НЕСЕТЪ САМАЖЪ ПРИРОДА, А НЕСЕТЪ И ВЕСЬМА ОБЩЕ, И ВЕЛЬМИ СИЛЬНО; И ТАКЖЕ, НѢТЪ ДОБРОДѢТЕЛИ, О КОТОРОЙ БЫ ФІЛОСОФІЯ БОЛЬШЕ СТАРАЛАСЬ, КОЛЬ О ТЕРПѢНІИ. Поистиннѣ для того, что нѣтъніединыя, котораябъ могла быть толь

нужна

нужна́ нещастливому человѣческому состоянїю, и былабъ толь способна къ прїобрѣтенїю славныя отмѣны, удостоившимся получить Терпѣнїе. СІЯ ПРИРОДНАЯ НЕТЕРПѢЛИВОСТЬ, И ЛОЖНОЕ ТЕРПѢНІЕ ФІЛОСОФІИ послужатъ намъ въ примѣры БЛАГОПОЛУЧНАГО ВОЗОБНОВЛЕНІЯ, учинившагося тогда во Вселенной. РАССМОТРИМЪ, КАКЪ ИСТИННОЕ ТЕРПѢНІЕ, НЕВѢДОМОЕ ПО ТО ВРЕМЯ НА ЗЕМЛѢ, ОТНЯЛО МѢСТО У ТОЯ И УДРУГАГО. Однако, не должно намъ имѣть стыдѣнїя въ рассмотрѣнїи всего онаго нѣсколько обстоятельнѣе, и въ познанїи нашея бѣдности. Сїе рассмотрѣнїе, сїе познанїе подастъ намъ средство къ признанїю того, что сколько мы получили СПАСИТЕЛЕВЫХЪ благодѣянїй.

ЧАСТЬ I.

Что то за устремительное движенїе нашея души, которая раздражается претерпѣваемымъ зломъ, и такъ на всѣ обращается стороны, какъ буттобъ она хотѣла свергнуть съ себя какое иго? Чего ради стараться, отринуть оное далско отъ насъ чрезъ наглыя стремленїя, въ которыхъ мы ощущаемъ въ тожъ са́мое время невозможность? Чего ради прїобщать тому въ причину или звѣзды, кои нимало невиновны нашимъ нещастїямъ, или Фортуну

туну и необходимую Судьбу, которые не имѣютъ бытности внѣ нашего мечтанія? Что значатъ сіи жалобы, приносимые многимъ безъ числа вещамъ, отъ которыхъ онѣ не могутъ быть слышимы? Что являетъ, оный родъ исступленія, въ коемъ мы находимся противъ насъ самихъ, еще меньше основательный, нежели всякое другое неистовство? Успокоеваемъ ли мы тѣмъ наше зло? или оное усугубляемъ? Нещастливы! ежели мы токмо имѣемъ средствія толь ложныя, и толь мало твердыя къ нашему облехченію. безумны! если мы наше зло умножаемъ. Но препятствуетъ ли что, дабы сему и не быть достовѣрнымъ? Весьма и весьма извѣсно, что мы сами наше зло увеличиваемъ. Наше прибавленіе силъ къ силамъ на извлеченіе стрѣлы, прободающія насъ, еще больше углубляетъ, и ея вонзаетъ; душа наша сама себя раздираетъ симъ новымъ смятеніемъ: а чрезвычайное усильствіе, въ кое она попускается, возбуждая ея чувствованіе, подаетъ надъ нею бо́льшую силу той болѣзни, которою она есть мучима.

Однако, ни стыдъ слѣдовать за непорядочными порѣваніями, ни страхъ умножать чувствительность нашего зла, не подавляютъ въ насъ НЕТЕРПѢЛИВОСТИ. Попускаемся въ нея толь способнѣе, что тайный гласъ совѣсти нашея почитай не укаряетъ насъ за нея, и что не бываетъ въ сихъ стремительствахъ толь явныя несправедливости, чтобъ она могла быть намъ видима,

дима, и приводилабъ насъ къ ужасному ею омерзѣнію. Вопреки, кажется, зло претерпѣваемое нами, не винными насъ дѣлаетъ; оно, кажется, увольняетъ насъ, на нѣсколько времени, отъ необходимости быть смысленными. Не употребляетсяль еще нѣкоторый родъ и хитрости, чтобъ способнѣе извиниться въ семъ недостаткѣ, и предатьсябъ ему безъ всякаго помѣшательства? Не укрываетсяль также многократно НЕТЕРПѢЛИВОСТЬ и лехчайшимъ именемъ ЖИВЫЯ СКОРОСТИ? Но сіе истинно, что она всегда объявляетъ побѣжденную душу своимъ зломъ, и уступать ему принужденную. Впрочемъ, находятся такія нещастія, въ которыя попадшагося похваляютъ люди, когда онъ къ нимъ чувствителенъ безъ мѣры; также и приключенія, во время которыхъ, какъ они думаютъ, можно съ благопристойностію лишиться силъ, и позабыть себя совершенно. Тогда точно позволено получать себѣ самую большую похвалу за НЕТЕРПѢЛИВОСТЬ, и, кто ея не отвергаетъ, быть превозносиму. Ктобъ повѣрилъ, чтобъ, вещь носящая наибольше всего знакъ на себѣ малодушія, могла когда быть основаніемъ къ тщеславію? ЗАКОНЪ токмо единъ исправить могъ толь вкорененную порочность въ природу, а иногда и позволенную ложными нашими мнѣніями. Оный насъ научаетъ, для погашенія въ насъ НЕТЕРПѢЛИВОСТИ всегда врсмительныя,

тельныя, и безумныя всегда, что мы всѣ Грѣшники, что мы должны удовлетвореніе учинить ПРАВОСУДІЮ БОЖІЮ, что всякое зло, какое претерпѣвать можемъ, мы заслужили. Что за странное утѣшеніе, рассуждая по первой мысли на умъ всходящей! Какъ! Мы не токмо будемъ неблагополучны, но еще должно намъ почитать себя и виноватыми? Мы имѣемъ погубить и право къ стенаніямъ, и воздыханія наши не могутъ быть больше неповинными? Повторяю, что за странное утѣшеніе!

Но толькожъ сіе самое есть то одно изъ многихъ, и есть еще твердое и дѣйствительное. Ибо коль ни горесны иногда кажутся Посѣщенія, приходящія къ намъ съ Неба; токмо они находятъ на насъ оттуду благополучія ради нашего и спокойствія. ХРІСТІАНИНЪ совершенно познавшій, что онъ достоинъ претерпѣваемаго зла, никогда ужé и нимало не прибавляетъ онаго вдвое порывами НЕТЕРПѢЛИВОСТИ. Праведно есть, дабы востанію нашея души, на болѣзни должныя грѣхамъ нашимъ, быть казниму пріумноженіемъ сихъ же самыхъ болѣзней: но тотъ умаляетъ ихъ для себя, кто подвергается безъ роптанія получаемой казни. Сіе не для того, что буттобъ Хрістіане меньше искали страданія: но ради сего, что обыкновенно дѣйствія и плоды Добродѣтели имѣютъ себѣ природныя воздаянія, которыя отъ нѣхъ не отлучаются. Не можно быть въ

свтомъ

святомъ расположенiи, да чтобъ не умалить жестокости въ томлении. Не можно попуститься на муки, не умиляя и не облехчая страданiя: а когда мы восстаемъ еще на себя самихъ съ стороны БОЖIЯГО ПРАВОСУДIЯ; то можно сказать, что мы нѣкоторымъ образомъ обессиливаемъ Могущество, которымъ бы Оно насъ преодолѣло.

Не должноль мнѣ еще также положить въ число побуждающихъ причинъ къ ТЕРПѢНIЮ, которому насъ ЗАКОНЪ научаетъ, и вѣчное оное ДОБРО, кое намъ повелѣваетъ онъ заслуживать добрымъ употребленiемъ нашего зла? Но есть ли то, и можетъ ли назваться истиннымъ зломъ, что бываетъ средствiемъ къ полученiю того Небеснаго БЛАГА, которое у насъ никогда похищено быть не можетъ? Ещель тотъ страждетъ, кто, чувствуя больше сердцемъ, что на сердце человѣку отнюдъ здѣсь никогда взойти не можетъ, оставляетъ въ своей душѣ нѣсколько мѣста болѣзнямъ и бессильнымъ, и временнымъ? Ахъ! Кажется, что такое предвкушенiе неизреченныхъ сладостей, весьма больше препятствуетъ намъ ихъ чувствовать, нежели помогаетъ оныя претерпѣвать.

Такое точно было Искусство БЛАГОСТИ БОЖIЕЯ, что въ самыхъ наказанiяхъ, которыя гнѣвъ Его на насъ насылаетъ, изобрѣла Она способъ снабдить насъ источникомъ бесконечнаго блаженства. Воспрiимевъ

имемъ токмо съ искреннимъ покоренїемъ толь праведныя наказанія; то и премѣнятся оныя тотчасъ въ причину къ воздаянїю. Мы не токмо загладимъ наши преступленїя, но еще и получимъ право къ крайнему и неизреченному блаженству. Природная слѣпота, и ты Небесный Свѣтъ ЗАКОНА, О! коль много вы между собою противны. Природа, непорядочными своими движенїями умножаетъ наши болѣзни; а откровенїе ЗАКОНА отдаетъ ихъ, чтобъ такъ сказать, въ лихву ТЕРПѢНІЕМЪ въ насъ влагаемымъ. Ежели мы ввѣряемся одной; то прибавляемъ къ необходимому доброволъное зло: но если бываемъ послушны наставленїю другаго; то находимъ въ необходимомъ злѣ величайшее всего ДОБРО.

Тогоради, Хрїстїанское ТЕРПѢНІЕ есть не простое ТЕРПѢНІЕ: оно есть истинная любовь къ страданїю. будебъ не возволить мысли къ оной блаженной ВѢЧНОСТИ, которыя наслажденїемъ обнадеживаетъ насъ оно; тобъ довольно было и того, чтобъ страдать безъ негодованїя, и почитать страданїе за казнь должную согрѣшенїямъ: но когда мысленно взираемъ на бесконечное мздовоздаянїе, коимъ страданїе награждается; то не можно больше не воспрїимать его съ радостїю какъ Милости, которыя мы недостойны. Отъ сего точно произрастали оныя предивныя случаи, коими Хрїстїанское наполнены Лѣтописи; оное спокойствїе, которымъ Святыи наслаждались,

слаждались, претерпѣвая самыя жестокія мученія; оное совершенное равнодушіе, и равность, какову они всегда усматривали между добромъ и зломъ: но почто говорю и РАВНОСТЬ? оное предпочтеніе, какое они всегда показывали природному злу предъ добромъ; оныя благополучныя излишества въ Терпѣніи такъ, что они дерзали призывать на себя такое зло, какова РУКА БОЖІЯ на нихъ и не насылала.

Чтожъ то былъ за видъ растлѣнному Міру, начатіе ХРІСТІАНСТВА! Видитъ онъ, что явились нечаянно, и разсѣялись по всей подсолнечной люди, кои несогласны со всѣми другими въ самыхъ общихъ разумѣніяхъ; люди, которыи отвергаютъ все, чего всѣ прочіи съ крайнею горячестію желали и искали, и которыи притомъ имѣютъ искреннюю любовь ко всему тому, отъ чего всѣ другіи бѣгаютъ. Жалобы стали быть языкъ не знаемый имъ, развѣ токмо въ благополучіи. Не довольно съ нихъ, что имѣютъ въ самомъ нещастіи непоколебимое Постоянство, имѣютъ они еще въ томъ и такую радость, которой часто не-было и мѣры. Ежели они не отдаются сами на муки и на смерть; то имъ было нестерпимо. Но лютость и звѣрство ихъ враговъ всегда обманывались: чемъ и какъ ихъ ни мучили; а они того токмо и такъ желали. Что то за чудеса, долженствовали говорить Язычники? Что за превращеніе? Добро и зло не премѣнились ли въ

 своей

своей природѣ? Или Человѣки свою премѣнили? Сїе удивленїе, безъ сомнѣнїя, толь бо́льшее было, что самыи Фїлософы, которыи казались, что по то время владѣли всѣми Добродѣтелями и Истиннами, были изобличены и въ рассужденїяхъ и въ дѣлахъ отъ новыхъ Фїлософовъ несравненно совершеннѣйшихъ. были то оныи преславныи Мудрецы. или лучше, былъ то УЧИТЕЛЬ ихъ НЕБЕСНЫЙ, который опровергъ ложныи виды ТЕРПѢНЇЯ, положенныи отъ лесныхъ Мудролюбцевъ, и еще порочнѣйшїи можетъ быть, нежели самая НЕТЕРПѢЛИВОСТЬ природная Человѣкамъ, не имѣющимъ другаго руководства, кромѣ своихъ пристрастий.

ЧАСТЬ II.

НИкогда человѣческїй разумъ не показалъ толико надменїя, и не попустилъ нигдѣ видѣть толико бессилїя, колико въ Соборищѣ Стоїковъ. Сїи Фїлософы предпрїяли тогда научить твердо всѣхъ людей, что собственное ихъ тѣло было для нихъ нѣчто не ихъ, но чужое, котораго пользу долженствовали они почитать за ненужную имъ вещь: а болѣзней оскорбляющихъ сїе тѣло не надобно было ни знать, ни чувствовать Мудрецу, который всеконечно и со всѣмъ прятался въ душевную часть самого себя. Итакъ, Стоїкъ смотрѣлъ на зло съ презрѣнїемъ, какъ на непрїятеля немогущаго

гущаго ему досадить; да и защищался онъ величавнымъ ТЕРПѢНІЕМЪ, основаннымъ на БЕССТРАСТІИ, коимъ его Толкъ, особенный стороннѣ онаго, льстилъ. Страдать постоянно, былобъ для него нѣчто весьма человѣческое; онъ нимало не страдалъ, равно какъ самъ его Юпитеръ, которому завидовать не имѣлъ онъ причины ни въ совершенствахъ, ни въ блаженствѣ.

Куда далеко уже заблуждаете вы, о! слабыи человѣческіи разумы, когда оставлены бываете при своемъ токмо свѣтѣ! Какъ! надобно успокоить раны ежедневно получаемые, а мы ихъ и получаемъ, и отъ нихъ мы стенемъ; но нѣтъ другаго лѣкарства, какъ токмо стоять въ томъ, что мы неуязвляемы? Весьмабъ были мы щастливы, ежелибъ, ослѣпившись такимъ образомъ, могли ослѣпленіе наше употребить въ нашужъ пользу! Но хотя сіи тщетные мысли возвышаютъ на нѣсколько времени, и напыщаютъ прельщенное мечтаніе; однако тотчасъ отвлекаемся къ чувствію болѣзни крѣпчайшею и сильнѣйшею природою: а хотя упрямство сея Стороны и ещебъ содержало въ разумѣ гордое такое умствованіе; но сердце, которое страждетъ, всегдабъ отвращалось отъ него и осуждало оное. Когда оный Стоікъ, будучи нудимъ болѣзнію нѣкоторыя лютыя (*) скорби, восклицалъ

(*) Посідоній Апамейскій, СіряниHъ. Онъ пребывалъ въ Родосѣ, гдѣ великій Помпей былъ

склицалъ къ ней: ОДНАКО Я НЕ ИМѢЮ ПРИЗНАТЬ, ЧТОБЪ ТЫ БЫЛА ЗЛО; то сіе самое его принужденіе себя, сіе самое непризнаніе, не-былоль признаніемъ совершенно твердымъ, и совершенно искреннимъ, какому быть надлежало?

Прочь отъ Христіанства заблужденіе толь противное природнымъ чувствіямъ, и также гордость толь недостойная просвѣщеннаго разума. Христіанское ТЕРПѢНІЕ не стоитъ на такомъ основаніи, чтобъ Христіанамъ помышлять, что они выше болѣзней. Они страждутъ, они и признаваются, что страждутъ; но покореніе, которое они имѣютъ тому, кто на нихъ праведно насылаетъ страданіе, но награжденіе, кое имъ обѣщанно за ихъ страданіе, производитъ оное въ нихъ постоянство, оное спокойствіе, оную радость, которыя толь многажды приводили Гонителей ихъ въ удивленіе, и къ нимъ къ почтенію. Они не удерживаютъ своихъ жалобъ и стенаній для того, дабы не обесчестить стороны, при которой находятся: но божественный законъ, коему они послѣдуютъ, предваряетъ въ нихъ ропотъ и

его слушателемъ, да и Цицеронъ съ нимъ имѣлъ дружбу, и часто его посѣщалъ. Слово оное сказалъ сей Философъ будучи въ жестокой Подагрѣ.

Фабриц. Библіот. Греч. кн. 3. гл. 14

и стенаніе святыми Мыслями, наполняя ихъ тѣми. Они таковы внутрь самихъ себя, какими Стоіки имѣли великую трудность казаться снаружи, то есть, тихи, спокойны, и побѣдители претерпѣваемыя болѣзни. Они также чувствительны, чему сама вся Філософія довольно надивиться не может, какъ и всѣ прочіи люди, ко всѣмъ человѣческимъ бѣдностямъ, весьма довольнѣе сердцемъ въ самыхъ великихъ претерпѣніяхъ, нежелибъ они были самыми благополучными изъ всѣхъ человѣковъ.

Нигдѣ не сіяетъ съ бóльшимъ преимуществомъ ТЕРПѢНІЕ, какъ въ обидахъ. Стóикъ озлобленный для того токмо показывался извнѣ тихимъ, что онъ тóтчасъ возносился выше озлобившаго, а иногда еще, гордымъ рассужденіемъ, дерзалъ лишать его свóйства человѣческаго. Сіе есть такое досажденіе, которое дѣлается безъ вреда своему непріятелю; сіе хотя и бессильное отмщеніе, однако не оставляетъ надменія безъ утѣшенія. Но Христіанинъ полагаетъ себя въ своемъ сердцѣ ниже всѣхъ человѣковъ, а однако онъ имѣетъ, хотябъ крайнимъ образомъ былъ обесчещенъ, Героіческое спокойствіе, которое его поставляетъ выше всѣхъ непріятелей. Неповинная и благополучная Хитрость, которой насъ БЛАГОДАТЬ научаетъ! Ибо не пріемля на себя безумныя величавности, и не показывая ложнаго бесчувствія, надобно только намъ смириться подъ СОЗДАТЕЛЕ-

ВУ руку, чтобЪ выше всѢхЪ быть созданій; надлежитЪ намЪ только почитать Ея вЪ орудіяхЪ отЪ Нея употребляемыхЪ, дабы намЪ быть непоколебимымЪ отЪ самыхЪ жестокихЪ ударенії, каковы претерпѢть мы можемЪ отЪ человѢковЪ. НѢтЪ такихЪ, коибЪ не имѢли довольно силы, чтобЪ намЪ отЪ нихЪ страдать; но нѢтЪ и такихЪ, которыибЪ имѢли ея довольно, дабы могли привесть вЪ смятеніе наше спокойствіе. Когда ихЪ руки обращаются на насЪ; тогда рука сильнѢйшая, приводящая ихЪ кЪ дѢйствію, показывается очамЪ нашея вѢры, удерживаетЪ болѢзнь нашу вЪ рабол Ѣзненности, и успокоеваетЪ всякое смятеніе, вЪ которое она моглабЪ привесть нашу Душу. Несправедливости, претерпѢваемые нами, не представляютЪ себя намЪ больше случаями происходящими отЪ человѢческія злости, и долженствующими возбудить вЪ насЪ ненависть и негодованіе: мы восходимЪ выше, и просвѢщеннѢйшимЪ зрѢніемЪ усматриваемЪ, что сіи самыя случаи приходятЪ кЪ намЪ сЪ неба, и какЪ праведныя наказанія, коимЪ должно есть покореніе, и какЪ причины кЪ заслугѢ, которые требуютЪ возблагодаренія.

Не такЪ многіи изЪ ФилософовЪ рассуждали, увѢряясь, что всѢ вещи управляемы были слѢпою, непремѢнною, и необходимою Судьбою, отЪ которыя совокупно происходило добро, и зло. Правда, и они повиновались Ей вЪ своихЪ нещастіяхЪ, а иногда и сЪ

довол-

довольною непоколебимостію. Но какой сей родъ былъ ТЕРПѢНІЯ? Терпѣніе невольниковъ скованныхъ узами, и подверженныхъ всякому самонравію немилосердаго ихъ Господина: Терпѣніе, которое, будучи основано на бесполезности или на тщетности къ сопротивленію, жестоко удерживаетъ душевныя движенія, и, вмѣсто чтобъ душу утѣшить, оставляетъ въ ней темную и дикую печаль; словомъ, отчаяніе, смѣшанное съ рассужденіемъ больше, нежели истинное ТЕРПѢНІЕ. Да будетъ благодареніе божественному нашему Закону: мы знаемъ, что мы не зависимъ отъ слѣпыя Судьбы, восхищающія и привлекающія насъ непобѣдимымъ и насильнымъ способомъ. Наши нещастія не происходятъ отъ случайнаго расположенія всего того, что насъ окружаетъ. ПРЕВѢЧНЫЙ РАЗУМЪ, не меньше сильный, коль и Философамъ казалась мечтательная ихъ Судьба, но весьма и крайно премудрѣйшій, все управляетъ. Сія рука, коея ударенія мы почитаемъ, есть рука, подающая и самое зло смотря по нашимъ нуждамъ и силамъ, но говоря свойственнѣе, не насылающая на насъ, какъ токмо добро: сія рука есть отцовская, а мы страждемъ какъ дѣти, надѣясь совершенно на БЛАГОСТЬ того, который посылаетъ къ намъ страданіе; но не такъ какъ Неволники, подверженныи всей самовольнѣйшей и жесточайшей свирѣпости. Не тщета и бесполезность къ сопротивленію,

К 5 кото-

которые насъ удерживаютъ, но несправедливость онаго; а ТЕРПѢНІЕ наше, есть ИСТИННОЕ ПОКОРЕНІЕ ДУХА, разливающаго повсюду въ сердцѣ утѣшеніе почитай столькожъ сладкое, ежели смѣю такъ сказать, коль и самое наслажденіе Добромъ.

Таковы точно плоды, которыи производитъ у Христіанъ божественный образъ Терпѣнія, предложенный имъ тогда, когда ПРАВЕДНЫЙ, и толико единъ токмо ПРАВЕДНЫЙ САМЪ СОБОЮ, что не бывало и не будетъ таковаго во вѣки, былъ при самомъ томъ часѣ, въ который ему надлежало очистить грѣхи человѣческаго рода. будучи оставленъ отъ всего и отъ всѣхъ, кромѣ токмо нѣсколькихъ учениковъ, имѣвшихъ только самое малое время побыть ему вѣрными, пораженъ самымъ лютымъ видомъ казни какъ поносныя такъ и жестокія, которая Ему опредѣлена, вопіетъ ОНЪ къ небесному СВОЕМУ ОТЦУ, молитъ ЕГО, чтобъ, ежели возможно, мученія, кои представляетъ себѣ въ помыслѣ, обошли ЕГО. А сіе желаніе, которое великость ЕГО муки, ужé предстоящія предъ ЕГО очами, дѣлала толь законнымъ; желаніе сіе еще законнѣйшее было, для непорочности МОЛЯЩАГОСЯ, желаніе, гдѣ Смиреніе преизобилуетъ совершенно и въ самыхъ словахъ, которыми оно составлено, однако въ тотъ же часъ оставлено чрезъ совершенное покореніе, и безъ всякаго изъятія БОЖІЕМУ намѣренію.

БУДИ ВОЛЯ ТВОЯ, говорилъ ІИСУСЪ ХРІСТОСЪ Своему ОТЦУ. Да какая воля! Зналъ онъ колико она была жестокая и не умолимая для НЕГО! Видѣлъ ОНЪ себя преданнаго раздраженному ПРАВОСУДІЮ; видѣлъ и БЛАГОСТЬ совершенно удержанную: однако, чтобъ исполнить должности Сыновскаго Послушанія, отдался САМЪ добровольно на собственное СЕБѢ мученіе, имѣя одно токмо утѣшеніе въ самой острой болѣзни страданія, обращать ОЧИ СВОИ на ту Десницу, отъ которыя Онъ то пріемлетъ.

Восстеналъ ОНЪ еще на Крестѣ, жаловался, что оставленъ отъ СВОЕГО ОТЦА; однако не роптал на сію крайнюю жестокость: объявлялъ намъ токмо, что сколько ОНЪ былъ къ тому чувствителенъ. Философы хотѣли имѣть бесстрастіе, которое, въ семъ нашемъ состояніи, не можетъ согласиться съ человѣческимъ естествомъ: а ІИСУСЪ ХРІСТОСЪ не восхотѣлъ пользоваться и онымъ, которое Онъ могъ бы получить отъ Своего БОЖЕСТВА. Претерпѣлъ ОНЪ самое жестокое мученіе, да оставитъ приличный образъ человѣкамъ необходимо подверженнымъ страданію. Воспріялъ ОНЪ все наше чувствіе, да насъ сильняе приведетъ подражать ТЕРПѢНІЮ.

Вдохни въ насъ, о! ВОПЛОЩЕННОЕ СЛОВО, сію превосходную добродѣтель, толь удаленную отъ поврежденія, которое намъ стало быть природно, и также отъ лож-

ложнаго совершенства, до коего Философія тщалась достигнуть. Удостой насъ научить Наукѣ ТЕРПѢНІЯ, Наукѣ весьма Небесной, и которая принадлежитъ токмо ТВОИМЪ Ученикамъ. Все теченіе жизни ТВОЕЯ, подаетъ намъ къ пріобрѣтенію тоя предивныя Наставленія: но какъ ихъ произвесть въ дѣло безъ помощи БЛАГОДАТИ ТВОЕЯ? ТЫ токмо единъ, отъ котораго мы можемъ воспріять истинное познаніе Добродѣтелей; и ТЫ токмо единъ, могущій намъ подать силу слѣдовать онымъ. ТЫ САМЪ, будучи РАЗУМЪ и ПРЕМУДРОСТЬ покланяемаго ТВОЕГО ОТЦА, будь также и нашъ въ исправленіи непорядковъ, которымъ отдается естество наше во время тягостей. Не попусти, о! ГОСПОДИ, Правосудію ТВОЕМУ, дабы оными насъ обременить, прежде нежели ТЫ надлежащимъ образомъ пріуготовишь душу нашу, чтобъ намъ возмощи употребить оныя въ пользу нашу, и не насылай на насъ всякаго зла и страданія, коихъ мы достойны, какъ токмо даруя намъ, въ тожъ самое время, бодрость и крѣпость истинно ХРІСТІАНСКУЮ.

КОНЕЦЪ.

НѢСКОЛЬКО ШТУКЪ

СОЧИНЕННЫХЪ СТРОФАМИ

О

РАЗНЫХЪ МАТЕРІЯХЪ.

СТРОФЫ

Похвальные Россіи

сочиненные въ Парижѣ 1728 года.

НАчни, начни, моя Свирѣль,
Согласіе Стіховъ похвальныхъ;
Веди твою къ Россіи трель,
Сквозь множество отъ ней странъ дальныхъ:
Доброты нынѣ всѣ ея
Взять въ мысль, охота есть моя.

* * *

РОссія Мать! любезный Свѣтъ!
Позволь такъ твоему пѣть чаду;
Ни коея во мнѣ премѣны нѣтъ,
Чужихъ паствъ не прибѣгну къ стаду.
О! коль прекрасна Ты лицемъ;
Величественна коль вѣнцемъ.

* * *

Отъ

Отъ Скиптра красота инымъ,
Тѣмъ въ честь Порфѵра драгоцѣнна:
Но Ты, какъ мужествомъ твоимъ
Ни съ кѣмъ не можешь быть ужъ смѣнна;
Такъ Трону слава Твоему
САМА СОБОЮ по всему.

* * *

Не вѣдаетъ ужъ нынѣ кто
По всюду въ Мїрѣ толь пространномъ,
Твое есть благородство что?
По Римѣ, отъ Языкъ попранномъ,
[А въ Вїзантїи змїй царитъ]
Въ Твоихъ градахъ Орелъ паритъ.

* * *

Благочестивая въ Тебѣ
Сїяетъ, какъ свѣтило, Вѣра;
Нечестїе не зритъ себѣ
Нигдѣ ни мѣста, ни примѣра;
И не двоякїй Твой Догматъ:
Расколъ стремится токмо въ Адъ.

* * *

Весь православенъ есть твой Ликъ,
Достойны Матери всѣ чада:
Защита, всякъ малъ и великъ,
Что Ты едина всѣмъ ограда:
За храбрость есть въ Тебѣ и мзда;
На злость прекрѣпкая узда.

* * *

Не

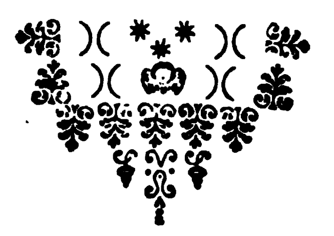
НЕ изобильна чемъ бы Ты?
Сокровище всего посюду:
Какой въ Тебѣ нѣтъ красоты?
богата внутрь, славна внѣ уду,
Оружїй силою грозна,
Коварнымъ, и врагамъ страшна́.

* * *

ЗВѣздъ раствореніе Твоихъ
Всѣмъ здравіе вливаетъ,
Невреденъ никому взоръ ихъ.
Се всякъ Тебѣ взываетъ:
Россїя въ вѣки да живетъ!
Россїю ВЫШНІЙ да блюдетъ!

* * *

СКончи, скончи, моя Свирѣль,
Согласїе Стїховъ похвальныхъ;
Да замолчитъ дрожжаща трель:
Отъ странъ зрю на Россїю дальныхъ.
Мнѣ мало сто гласовъ имѣть,
Ни тысящїю не воспѣть.



ПѢСНЬ

ПѢСНЬ

на Коронованіе блаженныя памяти Государыни Імператріцы

АННЫ ІОАННОВНЫ

САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКІЯ

сочиненная въ Гамбургѣ 1730 года.

Да здравствуетъ во вѣкъ ІМПЕРАТРІЦА АННА,
Воседши на Престолъ, ужé и увѣнчанна,
Краснѣйше всѣхъ Свѣтилъ
Сіяющая нынѣ!
Въ своей Ту благостынѣ
богъ свыше осѣнилъ.

* * *

Се намъ всѣмъ благодать отъ горнихъ мѣстъ лїется!
МОНАРХІНѢ по семъ Вѣнецъ и тамъ вяжется!
Златый вѣкъ облисталъ!
Обилїе велико!
И щастїя колико!
богатый Миръ насталъ!

* * *

Превыспреннїй весь Ликъ, и Небо все играетъ,
Изряднѣйшимъ лучемъ насъ солнце просвѣщаетъ:
Несетъ земля свой плодъ;
Намъ воздухъ дышетъ здравый;
Цвѣтетъ духъ всюду правый;
Вшелъ благостей къ намъ родъ.

* * *

Веселїемъ у насъ всѣ плещутъ рѣкъ потоки;
Погибли въ безднѣ тмы премерскїи пороки:
Ужъ обстоятъ кругомъ
Честь, Правда, БОГУ Вѣра,
Усердность безъ примѣра,
И Милость предъ судомъ.

* * *

Враждебные всѣ прочь отсюду нынѣ ссоры:
МОНАРШЕСКИ ужѣ здѣсь воссїяли взоры;
Къ себѣ сердца всѣхъ насъ
Склонила БОГОМЪ данна
ІМПЕРАТРІЦА АННА:
Ея чтимъ всякїй часъ.

* * *

О!

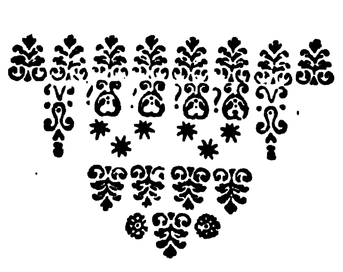
О! весь Россійскій родъ, да нынѣ торжествуетъ,
Особенно и явь да свѣтло ликовствуетъ;
Всякъ возрастъ, полъ, и чинъ,
Да плещетъ днесь руками,
Да пляшетъ и ногами,
Кто вѣрный гражданинъ.

* * *

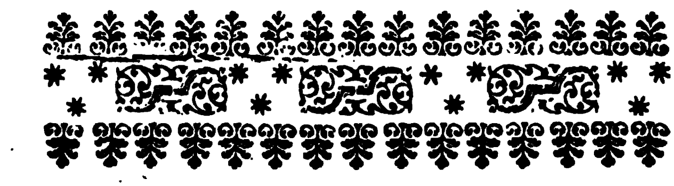
Намъ ВЫШНІИ даровалъ всѣмъ радость несравненну,
Во всѣ концы земли достойно разнесенну:
Въ Россіи АННА всей
Имѣетъ ужъ державу;
И въ бесконечну славу
Повелѣваетъ Ей.

* * *

Да здравствуетъ во вѣкъ ІМПЕРАТРІЦА АННА,
Восшедша на престолъ, ужé и увѣнчанна,
Краснѣйше всѣхъ Свѣтилъ
Сіяющая нынѣ!
Въ своей Ту благостынѣ
БОГЪ свыше осѣнилъ.



 ПѢСНЬ



ПѢСНЬ

на Новый 1732 годъ.

НАчинаемъ НОВЫЙ годъ !
Россїйй радуйся Народъ :
благодать намъ изобильна
Отъ ВСЕВѢЧНА и ВСЕСИЛЬНА.

* * *

Въ первыхъ здравїе безъ бѣдъ
Стѣпеть всѣмъ на много лѣтъ ;
Мы того желая люди
Возгласимъ : о ! Тако буди.

* * *

ПОйдетъ долгоденственъ вѣкъ ;
бодръ пребудетъ человѣкъ :
Поживемъ всѣ въ благостынѣ ,
Веселясь всегда отнынѣ.

* * *

МѢ-

Мѣренъ хладъ внесетъ зима ;
Сѣвъ Весна взраститъ сама ;
Лѣто въ влагѣ тотъ согрѣетъ ;
Въ Есень многій плодъ созрѣетъ.

* * *

Воздухъ дхнетъ чистъ, растворе́нъ ,
Влитіемъ въ насъ удобренъ ;
Вѣять здраво вѣтры станутъ ,
Наносить вредъ лютъ престанутъ.

* * *

Сокрушится всяка злость ,
Какъ колеблемая трость :
Доброе всѣмъ будетъ любо ,
А худое станетъ грубо.

* * *

Возъимѣемъ всѣ любовь ;
Въ вѣкъ погибнетъ гордa бровь :
Дружелюбность удостоимъ ;
Искренность въ сердцахъ устроимъ.

* * *

Станетъ Правду всякъ лобзать ,
Лжи никто всегда не знать :
Зримъ Престола одесную ,
Въ о́бразъ Истинну Святую.

* * *

Нечестива прочъ война :
Здѣсь пріятна тишина ;
Знай , что всю Россійску силу ,
Вознесетъ ГОСПОДЬ толь милу.

Смѣлостію ободритъ
Мужество, и покоритъ
Всѣхъ враговъ предерзновенныхъ,
Всѣхъ враговъ преухищренныхъ.

* * *

Благочестія Догматъ
Устоитъ отъ Адскихъ вратъ:
Церьковь на твердынѣ Вѣры
Станетъ чрезъ Святыхъ примѣры.

* * *

И Сінкліта твердъ Совѣтъ,
Дивенъ чрезъ великій свѣтъ,
Утвердитъ въ градахъ изрядство,
Предусмотритъ непріятство.

* * *

Процвѣтутъ Науки здѣсь,
И Художества отнесь:
Мудрость вящша, нежъ въ Аѳинахъ,
Дѣло чище, нежель въ Хінахъ.

* * *

Куплѣ дастъ успѣхи богъ,
И прибытокъ купно многъ,
Все Японско съ нами племя
Содружая въ скоро время.

* * *

Щастій нашихъ всѣхъ Вѣнецъ.
Есть и будетъ САМЪ ОТЕЦЪ,
СЫНЪ, СВЯТЫЙ ДУХЪ очевисно,
Нынѣ, и во вѣкъ, и присно.

строго-

СТРОФЫ

похвальные поселянскому житїю.

Щастливъ! въ Мїрѣ безъ суе́тъ живущїй,
Какъ въ златый вѣкъ да и безъ враговъ;
Плугомъ отчески поля орющїй,
А ктомужъ безъ всякихъ и долговъ.

* * *

Не торопится сей въ строй по барабану;
Флотъ и море не страшатъ его;
Ябедъ онъ не знаетъ, ни обману;
Свой Палатъ Домъ лучше для него

* * *

Въ немъ всегда или онъ вїноградны
Вяжетъ лозы къ тычкамъ и шестамъ;
Въ дни гуляетъ, тѣ когда изрядны,
По долинамъ, либо по стадамъ.

* * *

Онъ въ иной серпомъ день очищаетъ
Вѣтьви всѣ негодные съ деревъ,
Добрый къ онымъ черенъ прививаетъ;
Смотритъ, въ хлѣбѣ нѣтъ ли вредныхъ плевъ.

* * *

Либо медъ и сотъ кладетъ самъ въ кади;
Въ ночь или бываетъ рыбъ Ловецъ;
Самъ же иногда, волны въ домъ ради,
Всѣхъ обросшихъ онъ стрижетъ Овецъ.

* * *

Осень какъ плодомъ обогатится,
Много яблокъ, грушъ, и много сливъ;
О! какъ полнымъ сердцемъ веселится,
Ихъ величину, ихъ зря наливъ.

* * *

Что тогда изъ всѣхъ плодовъ зрѣляе,
Отбираетъ разно по частямъ:
То шлетъ въ Храмъ къ Молитвѣ, что чесняе;
Приходящимъ часть хранитъ гостямъ.

* * *

Часть въ подарокъ Сродникамъ, часть брату;
Благодѣтель тубъ взялъ, говоритъ;
Ту несите Куму; ту часть Свату;
Пусть за ту мнѣ Другъ благодаритъ.

* * *

Иногда

Иногда лежитъ подъ старымъ Дубомъ,
Иногда на мягкой тамъ травѣ;
Нѣтъ въ немъ скверныхъ мыслей злѣ о грубомъ:
Что есть дѣльно, то все въ головѣ.

* * *

Быстрые текутъ между тѣмъ рѣчки;
Сладко Птички по лѣсамъ поютъ;
Трубятъ звонко Пастухи въ рожечки;
Съ горъ ключи струю гремящу льютъ.

* * *

Толь при разномъ, дикомъ, Сельскомъ шумѣ,
Не надолго спитъ вздремавши онъ;
Что ни было добраго на думѣ,
Забываетъ все въ глубокій сонъ.

* * *

Но зимою нападутъ какъ снѣги,
И отъ стужи избы станутъ грѣть;
Много и тогда ему тамъ нѣги:
Начнетъ родъ другой забавъ имѣть.

* * *

Въ поле ѣздитъ онъ или съ Собаки,
боязливыхъ Зайцовъ въ сѣть ловя;
То съ Волками смотритъ Псовы драки,
То Медвѣдя оными травя.

* * *

ТѢшитъ онъ себя и Лошадями;
И кладетъ отраву на Лисицъ;
Давитъ многихъ иногда силками,
Иногда стрѣляетъ разныхъ Птицъ.

* * *

ЧАсто днями ходитъ при Овинѣ,
При Скирдахъ, то индѣ, то при Льнѣ;
То пролазовъ, смотритъ, нѣтъ ли въ тынѣ;
И что дѣлается на гумнѣ.

* * *

КТожъ бы толь въ пріятной сей забавѣ
Всѣхъ своихъ печалей не забылъ?
Хоть въ какихъ бы кто честяхъ и славѣ,
Какъ себѣ онъ жизни не взлюбилъ?

* * *

БУдежъ правитъ весь толь постоянна
Домъ жена благословенный съ нимъ,
Сарра коль была, или Суса́нна;
То спокойства нѣтъ сравненна съ симъ.

* * *

ВЕсь некупленый обѣдъ готовитъ,
Смотритъ, пища чтобъ вкусна была,
Изъ живыхъ Птицъ на жаркое ловитъ,
И другое стро́итъ для стола.

* * *

А по-

А потóмъ Свѣтлицу убираетъ
Къ Мужнему приходу съ дѣлъ его;
Накормивши Дѣтокъ, наряжаетъ,
Встрѣтить съ нимибъ Мужа своего.

* * *

Отъ пришедъ въ домъ кушать, и садится
За накрытый, набраный свой столъ:
Чтожъ порядочно у ней все зрится,
То причины нѣтъ, чтобъ былъ онъ золъ.

* * *

Аплуны прочъ, птицы Афрїкански,
Что и изобрѣлъ раскошный смакъ;
Прочъ бургонски вина и Шампански,
Далѣ прочъ и Ты густой Понтакъ.

* * *

Ытны токмо Щи, ломть мяхкїй Хлѣба,
Молодой барашекъ иногда;
Всежъ въ дому, въ чемъ вся его потреба,
Въ празникъ Пиво пьетъ; а Квасъ всегда.

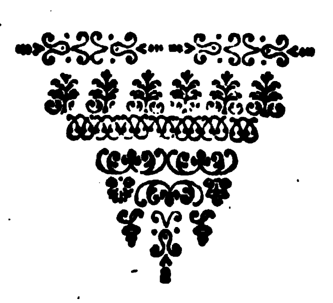
* * *

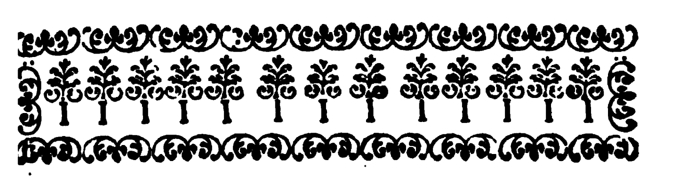
Насыщаясь кушаньемъ природнымъ,
Всѣ здорово провождаетъ дни;
Дѣлъ отъ добрыхъ токмо благороднымъ,
Не отъ Платья, и не отъ Гульни.

* * *

Ща

Щáсливъ, о! весьма излишно,
Жить кому такъ нынѣ удалось.
Дай БОГЪ! чтобъ изчезло все что пышно,
Всѣмъ бы въ простотѣ Святой жилось.





РАССУЖДЕНІЕ
О
КОМЕДІИ ВОБЩЕ

Былиль у древнихъ всего Свѣта Народовъ какіе Комедіи; о томъ намъ неизвѣсно, какъ не умѣющимъ по самой большой части ихъ Языковъ, а другихъ изъ нихъ и самихъ отнюдь не знающимъ. Но Комедія древнихъ Грековъ и древнихъ Римлянъ, продолжается и понынѣ подражаніемъ у всѣхъ почитай Европейскихъ Народовъ, а особливо у Французовъ. Греки ея изобрѣли, и привели въ совершенство: Римляне изобрѣтенную Греческую Комедію употребили для себя на своемъ языкѣ; а прочимъ всѣмъ Европейцамъ образцомъ какъ сперва была, такъ и нынѣ есть, Латинская, хотя ужé, по возобновленіи

вленіи Наукъ, многіи изъ ученыхъ Народовъ почерпаютъ оную изъ самыхъ Греческихъ источниковъ, и видятъ съ удивленіемъ, что Списокъ Латінскій, едва уступаетъ Греческому Подлиннику: равно какъ мы нынѣ удивляемся Греческой Комедіи во Французской, взятой съ Латінскія. Слѣдовательно, нынѣшняя Европейская Комедія, на какомъ бы она языкѣ ни была сочинена, и представлена, есть не что иное, какъ токмо оная Греческая, въ совершенство уже также приведенная Комедія.

Что мы ни намѣрены предложить о Комедіи вобще; то все касаться имѣетъ токмо до Греческія, а потому распространится и до Латінскія, и до прочія Европейскія, какъ до нѣкотораго рода Списка съ Греческія, и какъ до благополучнаго подражанія оной же. Называю я нынѣшнюю Комедію Спискомъ и Подражаніемъ; но въ томъ и утверждаюсь: сіе есть достовѣрно и праведно, и сіе всякъ искусный вѣдаетъ. Какъ тогда, такъ и нынѣ осмѣхаются худыи нравы и поступки Комедіею; а осмѣхаемыи каждаго вѣка нравы, и худая сторона дѣйствій народныхъ, есть самое внутреннее и составляющее Комедію: разность хульныхъ поступокъ приводитъ къ разности шутки, которая въ Комедіяхъ есть не знаю что такое, чему надлежитъ быть чувствуему въ точной каждаго вѣка силѣ.

Пер-

Первоначаліе Комедіи есть столькожъ темно и неизвѢсно, сколько и Трагедіи. ВѢроятно впрочемъ, что онѢ обѢ зачались въ одной утробѢ; тоесть, въ забавахъ бывшихъ у Грековъ во время собиранія Винограда. Кажется, что онѢ были сперва, нѢкоторые токмо ПѢсни, изъ которыхъ первая, именножъ Трагическая, была въ честь богу бакху; а другая [когда віно и и радость возбудитъ сердца по боалобымъ словамъ въ НаукѢ о Поэзіи въ 3 ПѢсни] или въ собственную забаву собирающихъ Грозды, или въ увеселеніе тамъ присутствующихъ. За первую ПѢснь самому искусному ПѢвцу воздаяніемъ былъ КОЗЕЛЪ, который по Гречески называется Τράγος, отъ чего, мнится, и ТРАГОДІЯ, тоесть, КОЗЛОВА ПѢснь. Но за другую награжденія не видно: можетъ быть длятогó, что обѢ такие ПѢсни почитаемы были за нѢчто одно, и можетъ же быть, что собственная забава поющаго была довольною ему мздою и почестію. Такой зачинъ Трагедіи и Комедіи, я полагаю въ самомъ ихъ отдаленіи, а не въ томъ видѢ, въ какой онѢ пóслѢ приведены, и въ какомъ óбразѢ мы ихъ нынѢ видимъ.

Въ нынѢшнее совершенство не вдругъ онѢ пришли, но по степенямъ: человѢческаго разума такое есть состояніе, что одна его мысль къ другой подаетъ причину, всегдажъ съ нѢкоторымъ или наращеніемъ,

или

или исправленїемъ, или убавленїемъ первыя. Теспїсъ (*) къ Трагїческой оной Пѣсни многое прибавилъ. Вопервыхъ, началъ онъ возить своихъ Игроковъ на телѣгѣ, кои пѣли онуюпрежде не съ телѣги повсюду гдѣ ни находились. Второе, маралъ ихъ лица вїнными ДРОЖДЯМИ [и понеже Дрожди по Гречески называются τρύξ; то нѣкоторыи и называютъ Трагедїю не Трагодїею, но Трїгодїею, тоесть, Дрожжяною пѣснїю] которыи прежде того пѣли не имѣя ничего на лицѣ. Третїе, присовокупилъ къ поющимъ одно лице, которое, чтобъ дать отдохнуть пѣвцамъ онымъ, предлагало словами нѣкоторое приключенїе и похожденїе знатныя и знаменитыя нѣкоея Особы. Сїе точно повѣствованїе и подало потомъ причину къ прямой Трагедїи.

Слушатели приходили въ страхъ и жалость, слыша предлагаемыя бѣдствїя, беспокойствїя, нещастїя, словомъ, всѣ печальныя приключенїя какой нибудь славной Особѣ. Эсхїлъ (**) за сїе самое ухватился и на-

(*) Ignotum tragicæ genus inueniſſe Camoenae
Dicitur, et plauſtris vexiſſe poëmata Thespis,
Quæ canerent, agerentque peruncti faecibus ora.
Horat. art. poët.

(**) Poſt hunc perſonæ pallæque repertor honeſtæ
Aeſchilus, et modicis inſtrauit pulpita tignis,
Et docuit magnumque loqui, nitique cothurno.
Id. Ibid.

началъ думать, какимъ бы образомъ оный Страхъ, и оную Жалость возбуждать въ слушателяхъ дѣйствительнѣе. И какъ весьма много того находится въ Гомеровыхъ Поэмахъ ІЛІАДѢ и ОДІССЕѢ; что онъ и почерпнулъ, по мнѣнію Іезуита брюмоа въ Греческомъ Театрѣ, все то въ тѣхъ Поэмахъ, и здѣлалъ Трагедію такою, какую мы ея нынѣ имѣемъ, представляя ужé ея на Театрѣ, облекая дѣйствующія Лица въ долгую и съ воскриліями одежду, обувая въ Сапошки съ высокими скобами КОТУРНЪ называемыми, и употребляя въ ней слова́ и умствованія высокія, сходствующія съ характеромъ великихъ дѣлъ, и Особъ знаменитыхъ. Ролленъ въ Пятомъ То́мѣ Древнія своея Історіи предлагаетъ, что сей Піитъ называлъ обыкновенно свои Трагедіи Крóшками, оставшимися отъ великолѣпнаго Пира, учрежденнаго Гомеромъ въ ІЛІАДѢ и въ ОДІССЕѢ. Какъ то ни есть; токмо возбуждаются нынѣ, по Эсхілѣ, Софоклѣ, и Эвріпідѣ Греческихъ, въ Трагедіи какъ Історіческой, такъ и Мітологіческой, Страсти, а господствуетъ въ ней * УЖАСЪ и СОЖАЛѢНІЕ. Первая причина ко всему тому есть токмо увеселеніе: но вторая, которая и цѣль есть Трагедіи, ЛЮБОВЬ КЪ ДОБРОДѢТЕЛИ, И НЕНАВИСТЬ КЪ ПОРОКАМЪ. блаженъ народъ! который для сего послѣдняго смотритъ представляемые Трагедіи.

* Φόβος καὶ ἔλεος.

Я уже предложилъ, что первая мысль всегда приводитъ къ другой, но и премѣняетъ первую. Эсхилева точно Трагедія подала причину къ Комедіи, до которыя мнѣ здѣсь и дѣло. Человѣкъ коль способно приходитъ въ умиленіе и въ сожалѣніе видя злощастнаго Человѣкажъ; толь есть онъ и любопытенъ, знать похожденія, поступки, и пороки своихъ равныхъ, длятого что сіи подаютъ ему причину къ смѣху и къ забавѣ. Первая склонность въ человѣкѣ есть Матерію Трагедіи; а сіе Любопытство есть Источникомъ Комедіи, которая, говоря свойственно, есть ЗЕРКАЛО ОБЩІЯ ЖИЗНИ. Должность ея, показывать на Театрѣ пороки и недостатки не вмѣняемыи, но точныи, осмѣхая оныи: Намѣреніемъ, дабы исправить нравы. Впрочемъ, Комедія получила себѣ рожденіе, приращеніе, совершенство, и различіе подражаніемъ, или лучше, повтореніемъ первыхъ Трагическихъ мыслей, но повтореніемъ съ перемѣною оныхъ. Слѣдовательно, Комедія есть моложе Трагедіи, и есть меньшая сестра той Драмѣ.

Іезуитъ брюмоа въ греческомъ своемъ Театрѣ утверждаетъ, что какъ къ Трагедіи, тоесть, къ возбужденію Страстей для любви къ Добродѣтели, подали причину Эсхілю Гомеровы Поэмы Іліада и Одиссея: такъ и къ Комедіи, тоесть, къ осмѣянію пороковъ ради поправленія во нравахъ, Гомероважъ Сатірическая Поэма, называемая

*МАРГІ-

(*) МАРГІТИСЪ, была Предводительницею. Мнѣніе его мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ; а кто другое знаетъ лучшее, того приономъ оставляю, и буде должно быть имѣетъ, то и соглашусь съ нимъ: нынѣжъ сего держусь всеконечно.

Но кто почерпнулъ въ Греціи Первый прямую Ідею Комедіи, въ оной Сатірической Гомеровой Поэмѣ, составленной Героическими Гексаметрами, смѣшенными съ Іамбіческими; о томъ намъ никто ни изъ древнихъ, ни изъ новыхъ Писателей знать не далъ. Одинъ ли кто былъ, какъ Эсхіль Трагедіи, или многіи, неизвѣсно. Горацій въ 4 Сатірѣ, Книги 1, предлагаетъ намъ имена трехъ Греческихъ Комическихъ Пінтовъ, а именно, (**) Эуполя, Кратіна, и Арістофана, другихъ же безъ именъ. Но сіи не зачели Комедіи, да токмо ея привели въ славу, а особливо Арістофанъ, котораго токмо Сочиненія и дошли до насъ, и тѣ не всѣ: ибо мы имѣемъ только одиннатцать Комедій изъ множайшаго числа имъ составленныхъ.

 Коме-

(*) Μαργίτης, ἀπὸ τοῦ μη, καὶ ἔργος: тоесть, человѣкъ, кой никакова дѣла не имѣетъ; праздный; тунеядецъ; ни къ чему годный; неключимый.

(**) Eupolis, atque Cratinus, Aristophanesque Poëtæ, Atque alii, quorum Comoedia prisca virorum est.

Комедія получила себѣ въ Аѳинахъ въ разныя времена, разныи три вида; сїежъ какъ по способности Піитовъ, такъ и по уставамъ отъ Градоначальниковъ. Первая Комедія есть, которую Горацій, въ Наукѣ своей о Поэзїи, называетъ СТАРОЮ. (*) Она имѣла много въ себѣ персоначальныя грубости, хотя уже́ и была правильна въ своемъ составѣ. Представляла она, какъ говоритъ Горацій въ 4 Сатїрѣ, Книги (**) 1, истинныя дѣла; называла людей прямыми именами; одѣвала въ подобную одежду, какую носили осмѣхаемыи ею; словомъ, показывала точныя ихъ движенїя и поступку, и еще изображала лице нѣкоторымъ родомъ Личины. Въ области, гдѣ народъ былъ властелиномъ, и обличалъ все, что имѣло видъ Честолюбїя, Отмѣнности, и Плутовства, Комедія здѣлала себя Пророзвѣсницею, Исправительницею, и такою Совѣтницею, которая способно могла преклонять Народъ. Не́-было никому пощады въ городѣ толь вольномъ, или лучше своевольномъ, каковъ былъ Аѳины. Полководцы, Градоначальники, Правленїе, Самыи ихъ

(*) Successit vetus his Comoedia non sine multa Laude . . .

(**) Si quis erat dignus describi, quod malus aut fur, Quod m echus foret, aut sicarius. aut alioqui Famosus, multa cum libertate notabant.

ихъ боги, все было предано Сатірической желчи Піитовъ; да и все сіе было заблаго пріемлемо, толькобъ Комедія была забавна, и приправлена Аттіческою солію. Сія точно Комедія обручала Сократа, самаго добродѣтелнаго человѣка въ язычествѣ, и принесла его въ жертву ненависти. Все сіе о СТАРОЙ Комедіи взялъ я изъ Греческаго Театра Іезуита Брюмоа, и по немъ изъ пятаго Тома древнія Ролленовы Істоpіи.

Старая Комедія продолжалась до того времени, какъ Лізандръ, завладѣвъ Аѳинами, перемѣнилъ въ семъ городѣ правленіе, которое отдано было ТРИТЦАТИ человѣкамъ изъ главныхъ. Симъ тогда Сатірическая вольность на Театрѣ стала быть неугодна. Причина сея неугодности сама собою мечется въ глаза. Си тритцать человѣкъ были Тіранны; Демократія уничтожена; народъ не имѣлъ больше участія въ правленіи; не могъ уже онъ давать своихъ мнѣній о государственныхъ дѣлахъ, и не смѣлъ оглашать ни самъ собою, ни услугою Піитовъ дѣла своихъ Господъ. Итакъ, здѣлалось запрещеніе, чтобъ никого не называть на Театрѣ прямымъ именемъ. Но хитрость Піитіческая нашла способъ прехищрять силу устава. Она ловить начала то, что было смѣха достойное въ человѣкахъ, и изображать прямыя, вмѣсто прямыхъ именъ, характеры, и удобопознаваемыя; такъ что дѣлала она хитрѣйшее

удовольствованіе какъ тщеславію Піитовъ, такъ и збойству Смотрителей. Такимъ образомъ, по словамъ Іезуіта брюмоа, уставъ отсѣкъ грубость въ Комедіи, а ввелъ въ нея тонкость и хитрость. Сія Комедія названа потóмъ СРЕДНЕЮ. Находятся сего рода Комедіи и въ Арістофанѣ. Описаніе сіе Средней Греческой Комедіи есть точное Іезуіта брючоа, которое изъ него взялъ отъ слова дó-слова Ролленъ; а я изъ обоихъ, но, сколько возможно, сокращеннѣе.

Продолженіе средней Комедіи было отъ Лїзандра Лакедемонянина, до времсиъ Александра Великаго, который, утвердивъ за собою Греческую державу разбитіемъ Тебанцовъ, былъ причиною, что и сіе своеволіе Піитовъ обуздано, кое день отъ дня, и отчасу болѣе умножалось. Такое обузданіе и породило такъ называемую НОВУЮ Комедію. Она есть еще другое хитрое очищеніе грязи съ Комедіи. Ибо когда ужé Грамоначальники запретили прямыя имена, потóмъ и прямыя дѣлá; то Пиитыы принуждены были выводить на Театръ вымышленныхъ людей, вымышленныя имъ Имена, и дѣлá ихъ равнымъ же образомъ вымышленныя. Сіе самое, по рѣчамъ Іезуіта брюмоа, какъ очистило Театръ, такъ его и обогатило. Стала ужé сія Комедія, какъ говоритъ Ролленъ, подражаніе общей жизни, а какъ брюмоá еще, пріятное и непорочное зеркало. О сей точно Францускій

скїй Сатїрїкъ боало предлагаетъ въ 3 Пѣсни Науки своея о Поэзїи, слѣдующее:

(*) Изображенный всякъ въ новѣйшемъ томъ зерцалѣ,
Прїятно зрилъ себя, иль зрѣть не мнилъ ни малѣ.
Смѣяся прежде всѣхъ надъ образомъ Скупецъ,
Былъ коему Скупыхъ исправный образецъ:
И часто глупый Самъ, написанный нарочно,
Не узнавалъ, что взятъ съ него тотъ Сколокъ точно.

Сентъ-Эвремонтъ называетъ Комедїю вобще отдохновенїемъ великихъ Особъ, увеселенїемъ искусныхъ и учтивыхъ Людей, а упражненїемъ и забавою простаго Народа.

Сїя Комедїя есть самая совершенная, которой глава и слава Менандръ. Изъ 180, или лучше, по мнѣнїю Суїдову, изъ 80 Комедїй имъ сочиненныхъ, и о которыхъ утверждаютъ, что онѣ всѣ были переведены на Латїнскїй языкъ Теренцїемъ, осталось намъ только весьма небольшое число отрывковъ. Можно впрочемъ разсуждать о достоинствѣ Подлинника по превосходству Копїста его Теренцїя. Квинтїлїанъ, говоря о Менандрѣ въ книгѣ 10, въ главѣ 1, не усумнѣвается сказать, что

 (*) сїя

(*) Chacun peint avec art dans ce nouveau miroir,
S' y vit avec plaisir, ou crut ne s' y pas voir.
L' avare des premiers rit du Tableau fidèle
D' un avare souvent tracé sur son modèle:
Et millefois un fat finement exprimé,
Méconut le portrait sur Lui même formé.

(*) сіяніемъ своего Имени, и красотою Сочиненія помрачилъ онъ, или лучше загладилъ славу всѣхъ Писателей того рода. Тотже Квінтіліанъ въ книгѣ 3, въ главѣ 6, объявляетъ, что (**) не отдана ему въ его время надлежащая справедливость, какъ то сіе и многимъ другимъ случилось: однако награжденъ онъ преизбыточно благопріятнымъ мнѣніемъ о немъ, и достойною ему похвалою отъ Потомковъ. И поистиннѣ, предпочитаемъ ему былъ Філемонъ Комическій же Піитъ. Когда пріспрастіе было справедливо, и не-было слѣпо!

Греческая Комедія также, какъ и другіе словесные красные Науки, и Філософія, перешла къ Римлянамъ. Сіи особливо прилѣпились къ НОВОЙ Комедіи на своемъ языкѣ, не употребляя въ оной ни клеветъ, ни браней, ни поношеній въ лицо, ни также Хора. Впрочемъ, хотя Латінской Комедіи и была обрасцомъ греческая Новая; однако и она считаетъ разныи себѣ вѣки, различенныи грубостію, или учтивостію Сочинителей. Комедія Лівія Андроніка начинаетъ первый вѣкъ. Сей вѣкъ можетъ названъ быть, по подобію Грече-

(*) Atque ille quidem omnibus eiusdem operis Auctoribus, abſtulit Nomen, et fulgore quodam ſuæ claritatis tenebras obduxit.

(**) Quidam, ſicut Menander, iuſtiora poſterorum, quam ſuae ætatis, iudicia ſunt conſequuti.

Греческія Комедіи, СТАРЫЯ Латінскія Комедіи. Включается вЪ сей вѣкЪ и Невій, единовременный сЪ АндронікомЪ, и Энній, бывшій много лѣтЪ спустя послѣ нихЪ. Вторый вѣкЪ ограничивается ПакувіемЪ, АкціемЪ, ЦециліемЪ, и наконецЪ ПлавтомЪ, буде не основательнѣе сего послѣдняго соединять сЪ ТеренціемЪ, и опредѣлять ими двумя третій и красный вѣкЪ Комедіи Латінскія, которую всеконечно надлежитЪ назвать НОВОЮ, а особливо вЪ рассужденіи Теренція, исправнаго Менандрова Переводчика.

Но Римляне, не смотря на такое родословіе, различали обыкновенно Комедію одеждою ИгроковЪ. Ряса, называемая Претекста, сЪ широкими рукавами, и сЪ широкою по поламЪ и по подолу опушкою багрянаго цвѣта, была одѣяніемЪ дѣйствительныхЪ ГрадоначальниковЪ. Игроки, выходящіи вЪ ней на ТеатрЪ, подали причину кЪ названію такія Комедіи Претекстата. Сей родЪ Комедіи былЪ самый благородный. ОтЪ Претекстаты не надлежитЪ отлучать Трабеату, ради Трабеи Консульскаго одѣянія вЪ мирѣ, и ПолководцовЪ торжествующихЪ по войнѣ и по одержанной побѣдѣ. Вторая Комедія, именуемая по платьюжЪ, есть Тогата. Тога была Сенаторскою одеждою, не тѣхЪ СенаторовЪ, кои были дѣйствительно, но происшедшихЪ отЪ Патрікійскія породы. Ради общія всему народу одежды, назы-

ваемыя Туника, или лучше, ради не высокихъ зданій, именовавшихся Таберны, кои тогда видимы были на Театральныхъ ширмахъ, Комедія та была Табернарія. Я не говорю здѣсь ни о Комедіи называемой Ателлана (*), прозвавшейся отъ древняго Кампанійскаго въ Италіи города Ателлы, и которыя заводчикомъ былъ Мелиссъ Библіотекарь Меценатовъ, какъ то утверждаетъ Светоній въ Сочинении о славныхъ Грамматикахъ, для того что она разнилась отъ Табернаріи большимъ токмо своеволіемъ: не говорю также и о той, коей Имя было Палліата отъ Греческія епанчи, въ которой выходили Греки на Латинскій Театръ, потому что сіе платье означало токмо народъ, а не состояніе, или достоинство, какъ то первые, ужé описанные. По правдѣ сказать, сіи различія всѣ пустыя: полезнѣе и рассудительнѣе различается Комедія общимъ характеромъ, напримѣръ, Ску-

(*) Ливій Исторіи въ книгѣ 7, въ главѣ 2 повѣствуетъ, что съ самаго начала Ателланы не Игроками представляемы были, но молодыми людьми изъ гражданъ; и что онѣ не имѣли соединенія съ прямою Комедіею, да содержали токмо смѣхотворные шутки называемые ЭКЗОДІЯ. Слѣдовательно, онѣ были нѣкоторый родъ нашихъ такъ называемыхъ ИНТЕРМЕДІЙ. Но Мелиссъ имъ знатно далъ прямую форму Комедіи въ свое время.

скупаго Человѣка, Святыша, и прочими. Да и всего того весьма осталось намъ мало послѣ Римлянъ: лучше всѣхъ сихъ пустошей Плавтъ и Теренцій, доставшіися отъ нихъ намъ, показываютъ истинный характеръ Латінскія Комедіи.

Въ СТАРОЙ Греческой Комедіи славенъ Арістофанъ; а въ новой Менандръ: но въ Латінской знаменитъ Плавтъ; однако знаменитѣе его Теренцій. Тогоради, посмотримъ, какъ о всѣхъ сихъ Комікахъ искусныи люди рассуждаютъ. Не мало я объ нихъ читалъ на Латінскомъ языкѣ и на Францусскомъ; однако утвердился на рассужденіи Іезуита Рапéня, толь наипаче, что рассужденіе его о двухъ Греческихъ Комікахъ, почитай все взято изъ Плутархова сравненія сихъ двухъ Авторахъ; чегоради оно мнѣ и показалось основательнымъ: вѣдаютъ всѣ знающіи, кто и каковъ Плутархъ.

Арістофанъ, говоритъ Іезуитъ Рапéнь, неисправенъ въ распорядкѣ своихъ басенъ; вымыслы его невѣроятны; смѣется онъ надъ людьми грубо и явно. Сократъ, кого онъ толь язвительно осмѣхаетъ въ своихъ Комедіяхъ, имѣлъ насмѣшку нѣжнѣйшую; да и не-былъ онъ столь бесстыденъ. Правда; Арістофанъ писалъ еще во время непорядка и своеволія бывшаго въ Старой Комедіи, и по тогдашней угодности Аѳинейскаго Народа, который раздражаемъ былъ способно достоинствомъ чрезвычайныхъ Мужей, надъ коими тотъ смѣялся. Но преизлишнее его стараніе, чтобъ

уго-

угодить сему Народу осмѣянїемъ чесныхъ людей, здѣлало самого его недобрымъ человѣкомъ, и нѣсколько повредило способность бывшую въ немъ къ осмѣянїю, поступками его грубыми, и преизбыточно излишними. Напослѣдокъ, шутка его часто состояла токмо въ непотребствахъ и негодностяхъ. Рѣчь его была иногда темна́, негладка́; ниска́, и подла́; а частые его игрушки въ словахъ, прекословїя, смѣсь стиля Трагїческаго съ Комїческимъ, дѣльнаго и важнаго съ простымъ и дружескимъ, не имѣютъ никакїя сладости; да и шутки его, ежели ихъ рассмотрѣть пристальнѣе, найдутся по большой ча́сти ложны.

Чтожъ до Менандра; онъ смѣшонъ, но чеснымъ образомъ. Слогъ его чистъ, свѣтелъ, вознесенъ, и съ природою сходенъ. Онъ преклоняетъ какъ Ораторъ, а наставляетъ какъ Фїлософъ. Описываетъ онъ общее Гражданское сожитїе прїятно. Люди у него говорятъ по своймъ характерамъ. Изображенїе нравовъ вѣка точное и существенное, длятого что онъ держится естества, и входитъ въ чувствїе тѣхъ особъ, которымъ у него говорить, и говорятъ. Наконецъ, Плутархъ заключаетъ о сихъ Авторахъ, что Муза Арїстофанова подобна бесстыдной женщинѣ; а Менандрова чесной госпожѣ.

Но вотъ разность и между обоими Латинскими Комїками, по мнѣнїю тогожъ Iезуита Рапеня. Плавтъ есть замысловатъ въ своемъ составѣ, щастливъ въ вымыслахъ,

обиленъ

обиленъ въ изобрѣтенiи. Однако, много въ немъ скаредныхъ шутокъ по Горацiеву мнѣнiю (*): а острыя его слова, приводившiя въ смѣхъ народъ, иногда были жалки чеснымъ людямъ. Правда, онъ говоритъ много хорошихъ; но не мало, и еще часто, худыхъ. Плавтъ не столь исправенъ въ распорядкѣ своихъ Комедiй, и въ расположенiи Дѣйствiй, сколь Теренцiй: но онъ притомъ простяе въ своей матерiи, ибо Теренцiевы басни обыкновенно сложны, какъ то видно изъ Андрiи, содержащiя двѣ Любви. Симъ Теренцiя укаряли, что онъ одну Латiнскую Комедiю составлялъ изъ двухъ Греческихъ, для бóльшаго оживленiя своему Театру. Но притомъ развязанiя Теренцiевы природнѣе Плавтовыхъ, какъ то Плавтовы природнѣе Арiстофановыхъ. И хотя Цесарь называетъ Теренцiя (**) „ умалившимся и половиннымъ Менандромъ, „ длятого что, по его, въ немъ была толь„ ко сладость онаго и нѣжность, а силы
„ и

(*) At vestri Proaui Plautinos et numeros, et
Laudauere sales, nimium patienter vtrumque,
Ne dicam stulte . . .

(**) Tu quoque, tu in summis, o dimidiate Menander,
Poneris, et merito, puri sermonis amator,
Lenibus atque vtinam scriptis adiuncta foret vis
Comica, vt aequato virtus polleret honore
Cum Graecis, neque in hac despectus parte iaceres!
Vnum hoc maceror, et doleo tibi deesse, Terenti.

„ и крѣпости не находилось „ ; однако онъ сочиняетъ способомъ толь природны и рассудительнымъ, что изъ Копїста Менандрова, сталъ быть самъ обрасцовымъ Подлинникомъ. Никакой никогда Авторъ н имѣлъ столько чистаго знанїя силы Естествѣ !

Осталось теперь предложить общее Правило Комедїямъ , дабы имъ быть и называться хорошими, во всѣхъ вѣкахъ и у всѣх народовъ. Такое правило Комедїи я выпишу изъ тогожъ Iезуита Рапѣня. Оно у него положено въ 25 рассужденїи о Поэзїи, н страницѣ 154 Парижскаго Изданїя , 168 года, тоесть, когда Комедїя ужѐ у Французовъ стала восходить на верьхъ своего совершенства.

Комедїя , говоритъ онъ , есть изображенїе общаго жительства. Намѣренїе , с какимъ она дѣлается , состоитъ въ томъ чтобъ представить на Театрѣ пороки простыхъ людей , дабы тѣмъ исцѣлить всенародныя недостатки, и исправить бы весь народъ боязнїю осмѣянїя. Итакъ , СМѢШНОЕ есть са́мое существо Комедїи. Впрочемъ : есть СМѢШНОЕ въ словахъ ; и есть СМѢШНОЕ въ вещахъ. СМѢШНОЕ есть честное ; и СМѢШНОЕ есть Скоморошеское. Сїе дарованїе есть прямо Естественное, чтобъ находить СМѢШНОЕ во всякой вещи : ибо всѣ дѣйствїя въ жизни имѣютъ какъ хорошую , такъ и худую сторону, и ра́вно содержатъ въ себѣ шуточное и дѣльное. Но Арїстотель ,

тель, давъ наставленіе какъ плакать и Трагедіи: не дал онаго, какъ на Комадіи смѣяться. Сіе прямо происходитъ отъ природныя способности: Наука и руководство небольшое въ томъ имѣютъ участіе. Дѣло сіе есть совершенно Естественное токмо. Гишпанцы имѣютъ способность, видѣть СМѢШНОЕ вещей лучше насъ [Французовъ]. Италіанцы, будучи съ природы Комедіанты, изображаютъ оное лучше: Языкъ ихъ способнѣйшій нашего [Французскаго] къ тому. Нашъ [Французскій] можетъ здѣлаться способнымъ, когда онъ будетъ совершеннѣйшимъ. Наконецъ, оная пріятная окружность словъ, оная веселость, которая умѣетъ содержать нѣжность характера, не упадая въ холодность и въ скоморошество, оная тонкая насмѣшка, цвѣтъ остраго и краснаго разума, есть самый тотъ талантъ, котораго требуетъ Комедія. Однако, надлежитъ наблюдать, что СМѢШНОЕ искусства, кое желается на Театрѣ, долженствуетъ быть копіею съ онаго СМѢШНАГО, которое есть въ натурѣ. Комедія такова есть на Театрѣ, какова дружеская бесѣда въ гостяхъ, или съ Сродственниками. Она будетъ ни къ чему годная, ежели въ ней не можно узнаться, и не видно тѣхъ поступокъ, кои показываютъ люди живущіи совокупно. Симъ точно Менандръ получилъ успѣхъ между Греками; а Римляне мнили, что они были сами въ обществѣ, и такъ точно разгова

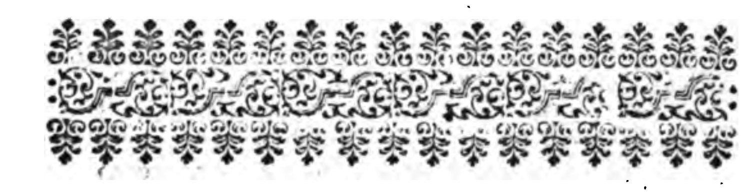
ривали,

ривали, когда присутствовали на Теренціевыхъ Комедіяхъ: ибо находили они въ нихъ все, что обыкновенно дѣлывалось у нихъ въ обхожденіи. большое самое Искусство Комедіи въ томъ, чтобъ держаться натуры, и не отходить отъ нея никогда; чтобъ имѣть умствованія и чувствованія общія, а изображенія такія, которыябъ всѣмъ были внятны и вразумительны: ибо сіе должно твердо имѣть въ памяти, что начертанія са́мыя грубыя Естества, нравятся всегда больше, нежели са́мыя нѣжныя, которыя не по Естеству. Однако, подлыя и площадныя слова не долженствуютъ быть позволены на Театрѣ, ежели они не будутъ подкрѣплены нѣкоторымъ родомъ разума. Пословій, и острыхъ народныхъ рѣчей также не должно тамъ терпѣть, буде онѣ не имѣютъ нѣкотораго Шуточнаго смысла, и если онѣ тутъ неприродны. Сіе есть основаніе са́мое общее Комедіи: съ симъ все, что она ни представляетъ, не можетъ не полюбиться; а безъ сего, ничто не имѣетъ быть угодно. Держась токмо твердо Натуры, получается ВѢРОЯТНОСТЬ, которая есть одна неложный Предводитель, за коимъ должно слѣдовать на Театрѣ. безъ Вѣроятности, все есть недостаточно; съ нею, все изрядно. Нѣтъ заблужденія слѣдующему за нею: а несовершенства са́мыя обыкновенныя въ Комедіи происходятъ отъ того, что благопристойность въ ней не наблюдается, и не

пріуго-

приуготовляются припадки. Надобно блюстись, чтобъ краски, употребляемые на приуготовленіе припадковъ, не имѣли ничего грубаго, и оставлялибъ Смотрителю пріятность, найти самому собою, что оные значатъ. Слабость самая обыкновенная нашихъ [Французскихъ] Комедій, есть РАЗВЯЗАНІЕ: почитай ни въ которой нѣтъ въ томъ удачи отъ трудности находящіяся въ развязаніи того, что завязано. Весьма способно завязать всякій въ Комедіи узолъ: сіе дѣло есть Вымысла. Но РАЗВЯЗАНІЕ, есть дѣло рассужденія: отъ чего и бываетъ успѣхъ труденъ. Осталось рассмотрѣть, можноль дѣлать въ Комедіи виды больше природныхъ, чтобъ сильняе поразить Смотрителевъ разумъ бо́льшими Начертаніями, и си́льнѣйшими впечатлѣніями; тоесть, можетъ ли Піитъ представлять СКУПАГО напримѣръ больше СКУПЫМЪ, и УГРЮМАГО больше негоднымъ и несноснымъ, нежели онъ есть обыкновенно. Плавтъ, желая угодить народу, дѣлалъ такъ; но Теренцій, угождая чеснымъ токмо людямъ, держался однихъ Предѣловъ Естества, и представлялъ Пороки не увеличивая ихъ, и не расширяя. Въ семъ точно состоятъ са́мыя общія и нужныя правила Комедіи.

КОНЕЦЪ.



СТIХИ ЭПIНIКIЧЕСКIИ

изЪ АргенIды

Часть III. глава 2. Число 8.

NB.

Сiи Стiхи изЪ Аргенiды, и слѣдующiи, для того здѣсь полагаются, что всѣ они сочинены двумя рóдами, а именно по Римски и по нашему; такЪ что который родЪ положенЪ вЪ Аргенидѣ, тотЪ здѣсь предшествуетЪ, а другой по немЪ слѣдуетЪ. Охотники могутЪ сiи роды между собою сличить, и заключить по своему рассужденiю, кои роды СтiховЪ, древнѣйшiихЪ Греческiи и Римскiи, или наши сЪ Рiѳмами новѣйшихЪ временЪ, благороднѣе, и осанистѣе.

АНАПЕСТО-IАМБIЧЕСКIИ БЕЗЪ РIѲМЪ.

Побѣдили мы! о! мольба услышана теплая БогомЪ!
Вожделѣннѣйшiй нынѣ покой, и нынѣ прiятное время!

Божествен-

Божественный каждый храмъ да почтится, и жертвенникъ
каждый!
Веселоежъ всѣхъ чело да красятъ вѣнки разноцвѣтны!
Усмотрѣлъ невѣрныхъ полковъ самъ Марсъ свирѣпство
жестоко,
Совокупно и какъ умы Стиѳійскiи вредно шалѣли.
Хотяжъ суровому мечъ любимъ, и проразисты стрѣлы,
Стремится хотя вездѣ тревога, и бѣшена ярость,
Премного ужé хотя ламается ратовищъ въ язвахъ;
Однакъ убiйство сiе и смерть безъ охоты онъ видѣлъ:
Тогда впервые войну ненавидѣть сталъ, какъ Гiгантовъ
Напустила злая Земля на Небо ярящихся люто,
А Боги вопѣли съ трудомъ бьючись на поляхъ Палленей-
скихъ.
Тогорáди, сердцемъ и всѣмъ лицемъ распалившись отъ гнѣва,
Изъ правыя страшно рукú ударяя скрежещущихъ коней
Всѣмъ дубомъ, а лѣвою ихъ управляя, скакать понуждаетъ.
Едважъ Ѳракiйски полá, и Фрiксейски заливы оставилъ,
Летѣлъ надъ нашимъ ужé кражемъ свирѣпъ при Пахúнѣ,
Въ то сáмое время, когда межъ собою полки сопротивны
Сражались, одни за Царя, за себя, за Боговъ; а другiи
Воцарить чтобъ въ нашихъ странахъ нечестивца прокля-
таго нагло.
Ужъ тамъ сторонѣ твоей, Мелеандръ, прiятствуя
жарко,
Летучимъ облакомъ Марсъ божество свое закрываетъ.
Тогда разбѣжавшись, вдругъ удивился, и мечъ преклонилъ
свой;
Но быстрыхъ коней едва удержалъ, и сама колесница
На небѣ покатистомъ тамъ едважъ могла удержаться.
Какъ скорожъ сталъ, тотчáсъ говорить сiе начинаетъ:
Какая то брань очамъ моимъ представляется нынѣ?
Позавиждуль я, или смотря возрадуюсь лучше?
Нѣтъ нужды, нѣтъ никакой имъ во мнѣ доброхотнѣйшемъ
Марсѣ:
Побѣдятъ, хотябъ не хотѣлъ чтобъ они безъ меня побѣдили:
Добродѣтель и мужество все сiе совершили собою.
Но что подъ шлемомъ тѣмъ видна за святая сѣдина?
Тыль храбро толь, въ своихъ престарѣлыхъ почтеннѣй-
шiй лѣтахъ,

Сражаешся самЪ, МелеандрЪ, а еще стоитЪ непрїятель?
ТаковЪ иногда СатурнЪ низвергаемый сЪ звѣзднаго Царства,
СебяжЪ защищая, когдабЪ умѣлЪ онЪ также сразиться,
И мышцею вЪ страхЪ привесть предпрїятое только что бѣдство;
ТобЪ вЪ Лацїи нѣдлячего ему бѣглецомЪ укрываться,
Златый бы вѣкЪ его неизмѣнно пребылЪ поныкѣ.
КтожЪ тѣ! [о! бодрость, о! намЪ подобное вЪ храбрости сердце,
Пораженїя буттобЪ отЪ нихЪ не вЪ людей посылаются сильно!]
КтожЪ тѣ? которы ужé посреди, враговЪ побѣждая,
РазбиваютЪ весь ихЪ строй? ШишакижЪ блестятЪ равномѣрно?
На мечЪ двоякїй бѣжитЪ кольсмерть вЪ слѣпотѣ устремляясь!
Пришельцы тотЪ и другой вЪ Сицїлїи, обажЪ готовятЪ
Торжество, МелеандрЪ, тебѣ. Того Сардїнская область
ГосударемЪ чтитЪ своимЪ; отЪ странЪ сей прибылЪ Лївїйскихъ.
Успѣвайте оба, БоговЪ порода! пребудете славны,
Пока сохраненный сей руками вашими островЪ
СверьхЪ пѣнистыхЪ водЪ безЪ вредá кругóмЪ возноситься имѣетЪ.
ЧтожЪ прочїи всѣ? что вы Полководцы! что неба достоинЪ
ВсякЪ воинЪ? О! спѣшно иди, Побѣда, не медля нимало,
И ЛавромЪ твоимЪ оботри потѣющїй трудЪ сей кроваво;
Иди охотно, самажЪ вЪ достолѣпной взносясь Колесницѣ,
Поспѣшай и себя, и Царей показать народу великихЪ.
ТакЪ МарсЪ сказалЪ. И ужé непрїятель вЪ бѣгЪ обратился;
Ужé веселющаго ихЪ вождя голова нечестива
На конецЪ копья поднятá ратоборцемЪ вЪ побѣдѣ ЛївїйскимЪ.
Тогда звѣздЪ выше шумЪ, человѣческа больше, вознесся,
КакЪ всѣхЪ отЪ плеска БоговЪ, такЪ враговЪ отЪ вопля стеняща.
Сїе говорилЪ мнѣ ФебЪ. А сáмый звукЪ превеликїй
ЗаглушилЪ вся прочее, ФебЪ что еще говорилЪ возвѣщая.

ТѢЖЪ

ТѢЖЪ И САМЫИ ІАМБІЧЕСКІИ

Побѣда наша! выспрь услышана молитва!
Пріятный днесь покой! не сверѣпится битва!
Да чтится всякъ олтарь, и Божескій всякъ храмъ!
Вѣнцы теперь чело да украшаютъ намъ!
Въ противныхъ усмотрѣлъ Марсъ лютое свирѣпство,
И Сцилійскій вредъ, и злое непотребство.
Хотяжъ всегда ему любимъ есть мечъ и брань,
Тревога, ярость, огнь, и вооруженна длань;
Однакъ зрилъ на сіе убійство безъ охоты,
Военны въ первый разъ не возлюбивъ заботы,
Гигантовъ навела на Небо какъ Земля,
На Палленейски сведъ и всѣхъ Боговъ поля.
Такъ сердце и лице въ гнѣвъ ярый предлагаетъ.
Бья коней дубомъ всѣмъ, скакать ихъ понуждаетъ.
Едважъ онъ пролетѣлъ Ѳракію, Фріксовъ валъ;
Тотчасъ уже у насъ вотъ надъ Пахіномъ сталъ,
Въ то время, какъ полки между собой сражались,
Одни себя, Царя, и всѣхъ Боговъ держались,
Нечестіежъ на вѣкъ другимъ бы ободрить,
И нечестивца имъ чтобъ нагло воцарить.
Тамъ, Мелеандръ, твоимъ усердствуя душею,
Божественностью Марсъ укрылся въ облакъ всею:
Бѣжажъ онъ и дивясь мечъ вдругъ свой преклонилъ;
Но коней тутъ своихъ едва остановилъ;
И на-Небѣ сама покатомъ Колесница
Едважъ стать возмогла, держала хоть десница.
Какъ скорожъ сталъ, тотчасъ самъ началъ говорить:
Что видится за брань! мнѣ что теперь творить!
Я позавиждуль имъ, возрадуюсь ли въ сходствѣ?
Ни малой нужды нѣтъ въ моемъ всѣмъ доброхотствѣ:
Тѣ сами побѣдятъ безъ помощи моей:
Ихъ въ мужествѣ успѣхъ получитъ Правда сей.
Но что подъ шлемомъ тѣмъ мнѣ зрится за сѣдина!
Твоя то храбрость есть, такъ выше лѣтъ едина!
Ты самъ бьешь, Мелеандръ, а врагъ еще стоитъ!
И не для плещей преодолѣть онъ мнитъ!
Подобенъ былъ Сатурнъ: сей нѣкогда съ престола

Зѣваемый дѣтьми до землеродныхъ дола,
Когдабъ такъ за свою умѣлъ сразиться честь,
И бѣдствіе сперва въ страхъ мышцею привесть;
Тобъ въ Лаціи бѣглецомъ не скрылся въ той причинѣ,
Златый бы пребылъ вѣкъ бессмѣнно и понынѣ.

Ктожъ тѣ! [о! доблесть намъ подобна жаромъ ихъ:
Они какъ сверьхъ людей въ сраженіяхъ своихъ!]
Ктожъ тѣ? которы се прошнивыхъ побѣждаютъ?
Обращами равны, весь строй ихъ разбиваютъ!
Отъ нихъ тулится всякъ, и всякъ въ себѣ дрожитъ?
На ихъ сугубый мечъ толпами смерть бѣжитъ?
Пришельцы оба тѣ мертвятъ враговъ и ловятъ,
Тебѣжъ, о! Меделандръ, здѣсь торжество готовятъ.
Сардинія того верьховную чтитъ власть;
Сегожъ тебѣ дала земель Ливійскихъ часть.

Вы оба, родъ боговъ! вы спѣйте толь исправно:
Пребудетъ ваше здѣсь все имя съ дѣломъ славно,
Пока спасенный сей чрезъ вашъ потъ и труды,
Весь островъ будетъ зримъ сверьхъ пѣнистой воды.

Чтожъ Полководцы всѣ? что каждый порознь воинъ?
Не купноль всѣ, и всякъ есть Неба въ нихъ достоинъ?
О! ты среди предстать, Побѣда, къ нимъ скори,
И токъ кровавый весь съ нихъ Лавромъ оботри:
А въ Колесницѣ вдругъ сама вознестись слично,
Кажи себя, Царей народамъ всѣмъ прилично.

Такъ Марсъ сказалъ. И се врагъ обратился въ бѣгъ;
Ужъ голова вождя, лютѣйшаго изъ всѣхъ,
Подъята на копье Ливійскимъ тѣмъ героемъ,
Который низложилъ его презѣльнымъ боемъ.

Тогда вознесся шумъ сверьхъ выспреннихъ круговъ,
Какъ всѣхъ Боговъ чрезъ плескъ, такъ стономъ отъ враговъ.

Сіе сказалъ имъ Фебъ. Гласъ звуки распущая,
Все [illegible] заглушилъ, что тотъ являлъ вѣщая.

ГЕРО-

ГЕРОЭЛЕГІАЧЕСКІИ

из Аргеніды часть III. глава 3. число 15.

АНАПЕСТО-ІАМБІЧЕСКІИ

Побѣдитель, о! щедрый отецъ Сицилійскій, грядеши преславно;
С тобою миръ возвращенный въ одеждѣ златой;
И съ неба крилами летишъ благосердность бѣлыми явно.
Воззри, какъ тебя осѣняетъ Богъ въ силѣ святой!
Воззри коль землю твою согласіе всю премѣняетъ!
Непорочный покой, съ пребогатымъ содружно трудомъ,
По всѣмъ пространнымъ полямъ въ веселіи нынѣ гуляетъ.
Полна тамъ цвѣтовъ, изобильна тамъ нива плодомъ.
Исчезни война, и злодѣйствъ всѣ грозы въ ненстовствѣ блѣдномъ
Совокупно молчи беззаконный оружія звонъ:
Ты сядешь единъ, отецъ, возносясь на престолѣ наслѣдномъ,
И токмо уже вооруженный съ тобою законъ.

ТѢЖЪ САМЫИ
ІАМБІЧЕСКІИ.

Съ побѣдою грядешь, отецъ Сицілскій славно;
Съ тобою паки къ намъ въ одеждѣ миръ златой;
И чистая летитъ съ небесъ усердность явно.

Зри, осѣняетъ какъ Богъ въ селѣ тя святой!
Согласїе твою какъ землю премѣняетъ!
Безгрѣшнѣйшїй покой, съ богатымъ самъ трудомъ,
Въ веселїи уже по всѣмъ поламъ гуляетъ:
Цвѣтачи Нива тамъ, обильна тутъ плодомъ.
Исчезни вся война, въ неистовствѣ зло блѣдномъ;
И беззаконный ты молчи оружїй звонъ:
На тронѣ самъ единъ отецъ сѣдитъ наслѣдномъ;
А воруженъ предъ нимъ есть токмо что законъ.

ПАНЕГИРІЧЕСКИИ

изъ Аргениды часть III. глава 9. число 54.

ХОРЕІЧЕСКІИ.

Всѣ вы щасливы седьмь кратъ, солнцемъ освѣщенны,
О! прекрасныя древа здѣсь произращенны:
Вы качаясь буйно въ Царскихъ древле сихъ мѣстахъ,
Кажете прїятно зелень на своихъ листахъ!
Самъ Хаонскїй къ вамъ и Лѣсъ, голубина слава,
И Мисейская еще дальная дубрава,
Непримѣнны всяко: ни жилище и Боговъ
Главнѣйшїя Іды, ни дремучїй Піндъ съ верьховъ.
Кто Стихами воспоетъ сей лѣсокъ достойно?
Кто блаженство все его? Кто всѣхъ Нимфъ пристойно?
Здѣсь береза, ольха, ясень, ель шумитъ и кленъ,
Здѣсь тополь, и липа; странныхъ родъ совокупленъ:
Всякъ невреденъ дубъ всегда, букъ толь престарѣлый;
Другъ и Нилотраду вязъ, кедръ младый, созрѣлый.
Каждаго прїятенъ собственный во всемъ уборъ;
Въ каждомъ листъ различенъ, веселятъ всѣ купно взоръ.

Много

Много Кіпарісовъ толь нѣжно вознесенныхъ,
А на знакъ, въ гульбищѣ семъ, ростомъ отмѣненныхъ;
Сосны обычайны, и Фрігійскіе притомъ,
Грозный ихъ минуетъ и перунъ, когда есть громъ.
Здѣсь какъ Аполлиновъ лавръ, даръ такъ вседражайшій,
Кой Мінерва подала мира въ знакъ блажайшій.
Но въ низу орѣшникъ, а густый кустарникъ тамъ,
При ручьяхъ, подобныхъ кристалю, сплелся и самъ:
Всякъ земля лице свое цвѣтомъ устилаетъ,
Роды сихъ производить Зефіръ токмо знаетъ;
Тѣ и Прозерпіну могутъ нынѣ утѣшать:
Ужъ ея Стігійску мужу здѣсь не похищать.
Смѣлыхъ сей волковъ лѣсокъ вовся не имѣетъ;
Ни войти въ него и вепрь всячески не смѣетъ:
Въ немъ не слышно всюду ни бленія овецъ,
Левъ когда заблуждшихъ пожираетъ ихъ вконецъ,
Съ голода или страшитъ хриплымъ вдаль рыкомъ,
Ближній весь округъ такимъ оглашая крикомъ.
Всякъ здѣсь козъ игривыхъ токмо видитъ повсегда;
Быстрыхъ и еленей доброродныя стадá:
Видитъ тѣхъ всякъ и другихъ, какъ иль отдыхаютъ,
Иль отъ страха по лѣску бѣгая мѣлькаютъ,
Тѣ когда заслышатъ восклицаніе и плескъ;
Вѣтры ль къ нимъ приносятъ мнимый въ бодры слухи трескъ.
Чтожъ до васъ, любезный родъ! сладосны пѣвички!
Не обманетъ ни одно въ рощѣ древо, птички;
При струяхъ журчащихъ не находитсяжъ силковъ,
Коимъ бы на ваши строитъ ношки лесть и ковъ:
Вольно вамъ летать вверьхъ, внизъ въ воздухѣ тончайшемъ;
Вольно на сучкахъ сидѣть, на кустикѣ нижайшемъ.
О! коль любо сердцу, въ ризѣ какъ златой зарѣ
Пташекъ собираетъ: въ сихъ множествомъ парѣ,
То садится всяка тамъ, крила оправляетъ,
То всходящу ужé дню пѣсньми поздравляетъ!
О! коль любо сердцу, слышать въ разни стройный гласъ!
О! коль любо, въ рощѣ находиться въ оный часъ!
Малое то говорю. Пребывать въ лѣсочкѣ
Многимъ и богинямъ здѣсь мило при поточкѣ:
Прочь, прочь нечестивы отъ лѣска сего глаза!
Въ святолѣпной рощѣ любопытнымъ, смерть гроза.

Но за что лѣску сему честь дана толика,
Божеска въ немъ и почто сила такъ велика;
Вы, богини, сами удостойте объявить,
На корахъ причину перстомъ нѣжно изобразить.
Сiесть: посѣщать его Царска непорочно
Прiобыкла часто дщерь, а съ собою точно
Хоръ дѣвицъ прекрасныхъ, совокупно иногда
Весть благоволяетъ, славно шествуя туда.
Длатого здѣсь естество землю одарило,
И блаженствомъ райскимъ толь всю преукрасило:
Нiмфыжъ, да умножатъ препровoдницъ должныхъ ей,
Сердцемъ восхотѣли въ сѣни водвориться сей.
О! державныхъ, Дѣва, верьхъ! свыше, о! хранима,
Вниди въ рощу; Нiмфъ тамъ зри; имъ да будешь зрима;
Сами тѣ желаютъ. Нынѣ удостой, гряди;
Ликъ твой благочинный велелѣпно въ ту веди.
Слѣдъ весь чистыя поля, пойдешь гдѣ стопáми,
Тамъ означатъ на травѣ распестривъ цвѣтами;
Тотъ услужны Нiмфы невредимо сохранятъ,
Лобызать хотящихъ оный, сами предварятъ.
Но не рощица одна; о! да мѣсто всяко
Здѣсь присутствiемъ твоимъ просвѣтитсяжъ тако:
Ты едина въ милость можешь небеса склонить,
Благъ виновна многихъ скверность золъ искоренить.
Что Лiвiйская страна жаромъ вся згараетъ,
Что съ трѣскучихъ брегъ иной мразовъ умираетъ:
Будежъ ты восхощешь и туда пойти, вездѣ
Укротится вóздухъ, сколькобъ ни-былъ вреденъ гдѣ;
Нива тóтчасъ процвѣтетъ, плѣны потребятся;
Въ лучшее и времена всѣ возобновятся.

* * *

ТѢЖЪ САМЫИ
ДАКТIЛО-ХОРЕIЧЕСКIИ.

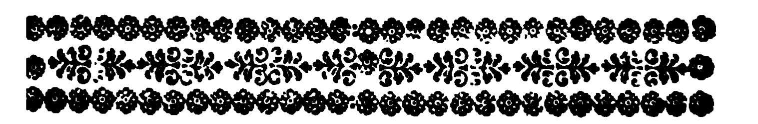
Щáсливо ты весьма, и всегда уясняемо Солнцемъ,
О! которое вверьхъ свой пространные вѣтви,
Дерево, возносить на сихъ мѣстахъ качаяся Царскихъ!
Лѣса Хаонска съ тобой сравнить голубями гласяща,

Также

Также ни рощи сея невозможно Нісейски, ни Іды,
Главныхъ жилища Боговъ, ни вершинъ дремучаго Пінда.
Кто небольшаго лѣска превелики стіхами угодья
Можетъ достойно воспѣть? И кто положеніе мѣста?
Кто всѣхъ Німфъ, и Боговъ, и всю красоту воспрославитъ?
Здѣсь береза, и ель, и тополь, и липа, и ольха;
Здѣсь величаясь шумитъ и кленъ, и ясень высокій;
Кедръ, отъ перуна и дубъ невредимый, и букъ престарѣлый;
Здѣсь віноградный друтъ, называемо дерево вязомъ.
Каждо пріятствомъ своимъ угодно, листъ въ каждомъ различный:
Всѣ особливы во всемъ: здѣсь много ктомужъ Кіпарісовъ,
Кои въ примѣты растутъ вознося, оказуя всю нѣжность.
Здѣсь Аполлінскій и лавръ, и здѣсь смолоточные сосны,
Сосныжъ Фрігійски притомъ, и оліві подарокъ Мінервинъ.
Но небольшой внизу орѣшничекъ; также кустарникъ
При ручейкахъ, кристалю подобныхъ, сплетается густо.
Всяжъ земля свою устилаетъ поверхность цвѣтами,
Зефіръ ихъ произвесть легконосный токмо умѣетъ,
Коихъ спроста рвать на Эннейскомъ Прозерпінѣ полѣ,
Мужемъ Стігійскимъ въ расплохъ въ жену похищаемой тамо.
Смѣлыхъ лѣсочикъ сей волковъ нигдѣ не имѣетъ,
Нѣтъ ни ярыхъ вепрей съ кривыми клыками въ немъ также;
Бѣднаго тамъ никогдажъ неслышно бленія всюду,
Буде когда овецъ заблуждшихъ левъ пожираетъ,
Съ голода хриплымъ или страшитъ околицу рыкомъ.
Всякъ, напротивъ того, здѣсь видитъ козокъ игривыхъ,
И предовольны стадá въ покоѣ ходящихъ еленей.
Видитъ тѣхъ и другихъ или отдыхающихъ въ вечеръ,
Рыскомъ или небольшимъ по лѣсочку бѣгущихъ отъ страха
Ежели плескъ иногда, или восклицаніе слышатъ;
Также сомнительный шумъ когда къ нимъ вѣтры приносятъ.
Равно и васъ, о! вы сладкопѣсниви птички пернаты,
Дерево здѣсь ни одно не задержитъ ни клеемъ, ни смолкой,
И при текущихъ струяхъ обманныхъ нѣтъ же силочковъ,
Въ конвъ ваши могли попасться ножоночки скоро:
Вольно летать, прелетать въ верьхъ, въ низъ, подъ небомъ свободнымъ;
Вольно сидѣть на всѣхъ деревахъ, на землѣ, и повсюду.
О! коль любо, когда заря здѣсь въ ризѣ багряной

Множе.

Множеству птичекъ въ лѣсокъ собираетъ, а тѣ оправляя
Перышка всѣ свои разноцвѣтныя дню поздравляютъ,
Весь и толикимъ шумитъ согласїемъ воздухъ исполненъ!
Малое то говорю. Богинямъ въ лѣсочкѣ прїятно
Многимъ всегда пребывать: прочъ, прочъ глаза нечестивы;
И святолѣпный лѣсокъ пребудь невредимъ отъ уроковъ.
Но превосходность за что лѣсочикъ толику имѣетъ,
И водворяется въ немъ почто божественна сила;
То вы самя тому причину, богини, скажите.
Тоесть, что посѣщать обыкла его непорочно
Дщерь несравненна, Царя великаго, а за собою
Хоръ дѣвицъ приводитъ тудажъ: тогоради природа
Райскимъ землю сїю одарила въ избытокъ блаженствомъ.
Нїмфыжъ, дабы число препровождницъ прекрасныхъ умножить,
Въ сихъ убѣжищахъ всѣхъ восхотѣли охотно вселиться.
О! дѣвица, о! державна, богами хранима!
Вниди туда, зри Нїмфъ, тебя желающихъ видѣть;
Нынѣ гряди, удостой прїятную рощу тобою.
Гдѣ ни пойдешь, стези упещренное поле означитъ,
Ихъ благовонными вѣтръ тотчасъ цвѣтами наполнитъ,
И сохранятъ ихъ тамъ услужные Нїмфы невредно.
Но не лѣсочикъ единъ: Сїцилїйское каждое мѣсто
Да просвѣтится твоимъ присутствїемъ: токмо едина
Къ милости всѣхъ боговъ преклонить возможешь довольно.
Ты, хоть гдѣ земля Лївїйска горитъ непрестанно,
Хоть помираетъ гдѣ естество съ трескучихъ морозовъ,
Будешъ восхощешь туда пойти; укротится весь воздухъ,
Всякая нива тотчасъ процвѣтетъ бесплодная тамо,
Лучшимъ и щастїемъ всѣ времена для тебя обновятся.



ЭПІТАФІЧЕСКІИ

изЪ Аргеніды часть IV. глава 2. число 11.

ХОРЕІЧЕСКІИ

Зря, пришедшій, гробЪ недавный,
Зришь раскаяній видЪ славный.
Кто, по совѢсти своей,
быть не долженЪ вЪ жизни сей,
На себя такЪ и взираетЪ;
ТотЪ здѢсь дважды умираетЪ.
ТыжЪ, ни клятвЪ не говори;
Ни молитвы не твори;
будь молчащій осторожно:
Погребенной тутЪ не можно
Ни добра́, ни зла желать.
РазвѢ сей привѢтЪ послать:
ТѢнь! чего сама достойна;
ТакЪ бы тамЪ была спокойна.
Селенісса есть она!
Ведь сомнѢнія полна́,
большель вѢрность повредила,
Иль за то себѢ отмстила.

* * *

ТѢжЪ

ТѢЖЪ САМЫИ ГЕРОЭЛЕГІАЧЕСКІИ ДАКТІЛО-ХОРЕІЧЕСКІИ

Гробъ, посѣтитель, зришь, и лютыхъ раскаяній виды!
Дважды мретъ, кто себѣ смерть по достоинству и нит;
Тыжъ однакъ удержи въ умѣ заклинаній обиды;
Также и рѣчь, душамъ коя спокойство чинитъ.
Здѣсь погребенной желать не пристойно ни мира, ни муки
Только скажи: что пы, тѣнь, заслужила, то будь.
Есть Селенісса, не знать предательствомъ ВРЕДНѢЙШАЛЬ, руки
ВРЕДНѢЙШЕЛЬ та подняла въ казнь на невѣрную грудь.

ТЕОДІКЕІЧЕСКІИ

изъ Аргеніды часть IV. глава 10. число 48.

ХОРЕІЧЕСКІИ

О! преступниковъ сердца, кои толь дѣлами,
Скверностію помысловъ, блудными тѣлами,
Власть гнѣвите въ злобахъ предержавна естества!
Долготерпѣлива бойтесь всяко божества;
Также и готовыхъ ужъ казней, и премногихъ,
Лютыхъ, неумытныхъ тѣхъ, несказанно срогихъ,
Въ настоящій, купно въ будущій вѣкъ безъ конца:
Бойтесь, бойтесь вѣрно, о! грѣшащія сердца.
Гнѣвъ шъ раздраженъ, хотя поздо поражаетъ,
Ни за каждо зло тотчасъ небо воружаетъ,
Но въ умѣ пребодромъ [да не льститъ никая блазнь]
Память пребываетъ, и въ вѣсъ мѣраетъ онъ казнь.

Та

Та причи на пагубъ всѣхъ скорыхъ, многобразныхъ,
Сихъ и злые, совѣстямъ мукъ, терзаній разныхъ.
Та вина, что рѣки возрастаютъ сверьхъ бреговъ,
Трїтонъ и потопы нагло льетъ въ среду градовъ.
Что про жатву говорить на поляхъ созрѣлыхъ,
Вѣтръ ли сильный ту свалилъ, иль вепрей тмы смѣлыхъ
На свою тамъ пажить опровергли по ночамъ!
Повредить ли, съѣсть ли, предана та саранчамъ?
Чтожъ? повѣтріе когда зараженно ядомъ,
Острую вдыхаетъ смерть язвою всѣмъ рядомъ?
Иль средѣ народовъ браноносный самъ отецъ
Мечетъ огнь, и точитъ рѣки крови наконецъ?
Симъ, и равнымъ месть боговъ [чтобъ не мнить такъ злобно:
Медлитъ вышній; оскорбленъ можетъ быть удобно]
Всѣ злотворны роды истребляетъ, каждый вѣкъ
Яростію губитъ, кою тотъ къ себѣ привлекъ.
Мыжъ, несмысленная тварь, что за стрѣлы свищутъ,
И не знаючи почто скорбь, проказы рыщутъ,
Отъ чего и крѣпость въ лѣтахъ юныхъ такъ рыхла,
И рѣшка что старость, и что есть, та вся дряхла,
Токмо естество винимъ, слабость всѣхъ составовъ,
Отъ фортуниныхъ себѣ, иль мнимъ, вредъ уставовъ.
Ей! не зла природа, ни порядокъ всѣхъ вещей;
Ни пустый рокъ также, звѣздныхъ ни число свѣщей:
Сами разъяряемъ мы гнѣвъ толь ополченный,
И давно грѣхами тотъ движемъ огорченный.

* * *

ТѢЖЪ САМЫИ

ДАКТІЛО-ХОРЕІЧЕСКІИ

О! беззаконныхъ сердца, раздражаете кои дѣлами,
Долго Небесную власть! Божества терпѣливаго бойтесь,
Также и грозно постичь готовыхъ въ премножествѣ казней.
Іовїтъ поздо хотя поражаетъ стрѣлами своими,
Онъ ни за всякое зло тотчасъ небеса воружаетъ:
Но въ пребодромъ умѣ пребываетъ всевѣдуща память,

И

И справедливую казнь заслужившимъ мѣряетъ вѣсомъ.
Та есть причина смертей различныхъ, и злѣйшая смерти,
Мучима совѣсть всегда, и всегда раздираемо сердце.
Та есть причина, что нѣтъ у рѣкъ береговъ. и потопы
Трітонъ наглый среди городовъ смертоносно вливаетъ.
Что вспоминать на поляхъ созрѣлыхъ поверженну жатву,
Буйный ли вѣтръ поваливъ, превеликоель стадо подрыло
Острыми ярыхъ вепрей клыками на собственну пажить?
Чтожъ когда кругомъ зараженно повѣтріе ядомъ
Скору вдыхаетъ смерть въ пылающи язвою члены?
Самъ бранноносный отецъ или въ средину народовъ
Мечетъ пожаръ, таскажъ насыщенный кровію пламень?
Симъ, и подобнымъ месть боговъ [да немедлѣнно мукамъ
Мнимъ поспѣшать, и быть оскорбляему небу удобно]
Весь злотворный родъ истребляетъ, и каждыи вѣки
Всѣми губитъ смертьми разъяренными въ должную лютость.
Мыжъ, несмысленна тварь, не вѣдая свищутъ какіе
Стрѣлы, почто или кипитъ возмутившійся воздухъ,
Немощь откуду въ тѣлахъ молодыхъ, и рѣдкая старость,
Всѣ естество винимъ, и нашихъ слабость составовъ,
Разны безучно пратомъ припадки пустыя фортуны.
Ей! вся тварь ни чемъ не зла ни вещей распорядокъ:
Наше нещастіе мы возбуждаемъ сами злодѣйствомъ,
И распаляемъ гнѣвъ, огорченный давно ужъ, грѣхами.

СОТЕРІЧЕСКІИ

изъ Аргениды часть V. глава 1. число 6.

ХОРЕІЧЕСКІИ

Жизнь и здравіе Царю даровали Боги!
Звѣздоносца твердь почтожъ, чрезъ обраты многи,

Въ

Въ шумѣ такъ играетъ, какъ прiять хотя его?
Что клеврета духи въ вертограды ждутъ сего?
Царь пребудетъ на землѣ въ жизни долговѣчно.
Мужествомъ прославлшiй самъ галловъ всеконечно,
Въ скиптродержцахъ велiй, гордости рогъ сокрушилъ:
Сардовъ онъ Тирана славно живота лишилъ.
Гдѣ стигiйску грань дѣлитъ съ полемъ доброзлачнымъ
Свѣтозарнѣйшiй предѣлъ поясомъ безмрачнымъ;
Гдѣ и зеленѣютъ всецвѣтущiи сады,
Въ коихъ древо всяко жизненны родитъ плоды;
Тѣни храбрѣйшихъ мужей мѣсто населяютъ,
Въ немъ за беспорочну жизнь радуясь гуляютъ;
При струяхъ Летейскихъ позабывшихъ ссоры ихъ
Гдѣ совѣтъ согласный примирилъ во вѣкъ благихъ.
Тамъ какъ на страну онѣ Дiтову смотрѣли,
И въ спокойствѣ предъ очми казни всѣ имѣли,
Видя зной, колёса, и воздушный родъ коль мглистъ,
Слыша стонъ и скрежетъ, Фурiй лютыхъ грозный свистъ:
Се къ ужаснѣйшимъ кряжамъ сонмы шли попранны,
Въ гнусности казались всѣ, были всѣ раздранны;
Кровь изъ нихъ на каждомъ, копiй язвы, и мечей,
Всякъ являлъ брань строгу, не-былъ мирный видъ ни чей.
Изъ садовъ прекрасныхъ зря праведны Герои
Пораженны доконца тѣ премноги вои,
Коль самимъ дивятся, ранамъ толь глубокимъ всѣхъ,
Сiмоентъ подобныхъ не мывалъ тогда на тѣхъ,
Какъ отсюду Ахiллесъ Тевкровъ неумильный,
А оттуду поражалъ Грайевъ Гекторъ сильный,
И сiе вѣщаютъ: что за острота была
Ранившихъ оружiй! мышца чья превозмогла
Язвъ толико углубить! та временъ вся сила,
Коя множество сiе смертно поразила,
Зрится быть не нашихъ. О! да вящше возрастетъ
Храбрость въ человѣкахъ. На Олѵмпѣ да не ждетъ
Паки Юпитеръ своемъ страха и боязни;
Нечестивыхъ на землѣ да постигнутъ казни!
Такъ ихъ говорившихъ, на себя всѣхъ больша тѣнь
[И сама взирая часто на блаженныхъ сѣнь]
Съ оныхъ шедшихъ ужъ полковъ тамже обратила,
Лишь на Стигскiй брегъ ея ладiя ссадила.

Гордость и свирѣпость не сошли съ лица́ еще,
Вновь туда прибывши грозною была вотще́;
Погубле́ннаго на ней знаки царства были:
Рамена ея себя вдоль Хламі́дой крыли;
Самую пресвѣтлость окружилъ вездѣ ужъ мракъ;
Сползшая и съ скраній выи вкругъ лежала такъ,
Какъ бы давящая ту, Царска Дїадима,
Мечъ въ десницѣ хоть сверкалъ, хоть была съ тѣмъ зрима,
Но однакъ казалось, что исторгнутъ изъ нея,
Тѣмъ что та защиты недостойна своея.
Чтожъ до взора, кровь и пыль мерскимъ тотъ казали;
Грудь раздра́нна, и уста духъ весь прерывали.
Вдругъ приставъ схвативши непреклонный на посулъ,
Ту привлекъ насильно предъ судейскїй важный стулъ.
Ду́ши раздались простыхъ, какъ Тїраннъ явился,
Самъ въ свирѣпости Мі́ной вскорѣжъ обратился:
Гро́зна честь особу осѣнила всю его;
Хоть мѣста́ привыкли, съ страхажъ потряслись того.
Какъ же велѣно душѣ сей тїранской тамо,
Весь порядокъ житїя исповѣдать прямо,
Ра́вно, случай смерти, и низвержена за что
Въ тартаръ сей кромѣшнїй, и низвергъ ту въ оный кто;
Начала́ такъ, и языкъ хульный, нечестивый,
Полный скверностей всегда, полный лжи и льстивый
Свой ужъ обращала, [а сама премного днясь,
Быть не въ раболѣпствѣ, но еще во вла́сти мнясь]
Къ возвѣщенїю всѣхъ дѣлъ скаредныхъ безъ мѣры:
Замолчалъ тогда заклепъ, купно всѣ пещеры!
Слушая гремящи тише самъ лидъ Стїксъ валы!
Повѣсти о злобахъ не сплететъ ли тѣнь хвалы.
Если былъ Радїроба́нъ вѣдомъ въ безднахъ строгихъ;
[Часто, безо лжи, сюда слалъ противныхъ многихъ
И трудилъ сѣкущихъ спряденую жизни нить]
Самъ сюдажъ я нынѣ, Са́рдовъ Царь, возмогъ прибыть.
По́дданными были мнѣ Балеа́рски роды,
И подвласны также всѣ Лїгурски народы.
Тщетно, и не кстати мужество ужъ прославлять;
Ра́вно, есть излишно храбро войско похвалять:
Здѣсь умершему когда Скипетру нѣтъ славы;
Добродѣтелижъ однѣ зрятся токмо правы.

Чтожъ

Чтожъ Эніа нудишь? Игры отъими твои:
Самъ я добровольно злости всѣ явлю мои.
О! безмѣрно упоалъ Царствъ я на изрядство,
На благополучный верьхъ, также на богатство;
Лишнюю надежду на ческую кровь имѣлъ;
Позабылъ, что смертный, добраго чтить не хотѣлъ.
Ахъ зло! презиралъ боговъ, мнясь быть самъ богъ власный,
Славу заслужить себѣ не желалъ злощасный;
Нарушалъ и вѣрность къ искреннимъ моимъ другамъ;
Колько всемъ тщеславенъ, престалъ толь лютъ къ слугамъ.
Что къ хищенію являть Сицілійску дерзость!
Что Лигійскія войны вспоминать здѣсь мерзость?
Что и сердце жадно?... Часъ уже постигъ и рокъ!
Отъ боговъ месть купно, должна мзда мнѣ и оброкъ.
Такъ сказавъ, самъ воздохнулъ въ крайнемъ сердца горѣ,
И умолкъ тотчасъ по семъ въ Адѣ разговорѣ.
Но Мінойй свирѣпый больше вопрошалъ тогда:
Что вина убійству? Сталось какъ то, и когда!
И прехрабрый тотъ его кто есть побѣдитель?
Ахъ! всякъ отъ него вопросъ гордыхъ поразитель.
Галлія, тотъ паки, славитъ коего Царемъ;
Тотъ меня пресилилъ: слава всюду тамъ объ немъ:
Знаменитѣе его выспрь не знали вѣки,
И ни равнаго когда чтили человѣки.
Онъ меня однакожъ просто не возмогъ убить:
Принужденъ былъ много крови отъ меня пролить.
Сіижъ тамъ его едва опустили руки:
Нынѣ полумертвъ лежитъ, иль скончался съ муки.
Такъ я увѣряю, чая, и не прежде онъ
Сшелъ меня къ вамъ въ пропасть, гдѣ я слышу страшный стонъ.
Такъ сказавъ, самъ обращалъ взоръ багровый всюду,
Какъ соперникавъ чрезъ то онъ искалъ внутрь-уду.
Симъ скончилъ. И тотчасъ праведно былъ осужденъ:
Въ Тантальскомъ потокѣ яблоко въ вѣкъ принужденъ
Въ челюсти хватать отъ Сестръ тамо змієвласныхъ,
Лютыхъ оныхъ трехъ числомъ, грозныхъ и ужасныхъ.
Слухъ тогда разнесся на Элисійскихъ поляхъ,
Что ты жизнь кончаешь, Поліархъ, на сихъ земляхъ;

Увѣряющій о томъ первый былъ зіятель. .
Згибшій ужъ Радіробанъ, твой злый непріятель.
Праведныхъ всѣ души возмущаются тогда,
Твоего прихода чаютъ въ садъ къ себѣ туда:
Ты Клевретъ имъ, и тебя всѣ въ Вождя желаютъ;
Лучшее земныхъ тебѣ благъ все обѣщаютъ.
Прежде кто десницу приметъ; скажетъ кто привѣтъ;
Кто въ сады проводитъ, въ коихъ зрится присный цвѣтъ;
Кто тебя тамъ поведетъ къ тѣнямъ велеможнымъ,
Коихъ слава вознесла мужествомъ неложнымъ.
Все то правыхъ духи разряжаютъ межъ собой:
Злакъ сей буди ложемъ, древо сѣнь тебѣ то строй;
Ваія сія главу чесно да вѣнчаетъ;
Сей источникъ язвы есѣ тамъ да омываетъ.
Такъ шумитъ подобно [отъ Гіблейскихъ какъ долинъ
Отлетитъ пчелъ матка въ заблужденіи въ край инъ,
Посланныежъ напередъ пчелки вѣсть крилами
О возвратѣ подадутъ, веселясь ужъ сами]
Рой пришедшій въ радость; и тогда спѣша весь къ ней,
И въ свои собравшись силы по причинѣ сей,
Онъ летаетъ и туда и сюда чрезъ требу,
И взвивается жужжа въ томъ восторгѣ къ небу.
Сежъ по частымъ облакамъ съ выспренняго круга
Касторъ ѣхалъ на конѣ прямо къ нимъ до луга:
Онъ тогда на небѣ брату мѣсто упразнилъ,
Кой его, въ тотъ случай, должно по чредѣ смѣнилъ.
Красное лице его блескъ звѣзды являло,
И лучами окрестъ все чистыми сіяло;
На его Порфіра златотканна раменахъ,
Былъ подобенъ Марсу, копіе имѣлъ въ рукахъ.
Тотчасъ правыхъ тѣни зря Кастора идуща,
Всѣ возмнили, Поліархъ, такъ тебя грядуща:
Идутъ и на встрѣчу стройно учредившись въ рядъ,
И вперивши купно на того блаженный взглядъ.
Но приближился когда къ нимъ Ледейски взоры,
И погрѣшность какъ свою стали знать соборы;
То вкругъ обступили удивившася его,
Всѣ и вопрошаютъ совокупно самого:
[Конь подъ нимъ въ то время сталъ имъ же воспященный
И въ молчаніи на ликъ посмотрѣлъ священный]

Возвѣсти

Возвѣсти намъ, просимъ, [битву точно мы возмогъ
Съ горькихъ мѣстъ самъ видѣть, въ доблести кто и премогъ]
Оный Царь еще ль въ живыхъ, коего мы ждали,
Галліажъ отдать сюда можетъ вся въ печали?
Внидетъ къ намъ откуду, ежели скончался онъ?
Объяви, да встрѣтимъ съ самыхъ тѣхъ его сторонъ.
Изумившись, пораженъ рѣчію такою,
Прежде тотъ стоялъ безъ словъ, а потомъ звѣздою
Разсмѣявшись всею, равно какъ бы тучи гналъ
Съ гнѣвныя пучины, кораблямъ же огнь ссылалъ:
Знайте, тѣни, говорилъ, и оставьте радость,
Вашимъ та садамъ еще не приспѣла сладость;
Равнаяжъ надежда выспреннимъ была самимъ,
Тѣ къ престоламъ равно чаяли Царя своимъ.
Ратоборцовъ самъ я зракъ видѣлъ, слабу силу,
И со смертію борьбу, жизнь въ кровѣ унылу.
Слышалъ, какъ и Боги вопрошали Зевса тамъ,
Въ коемъ бы онъ мѣстѣ тонкаго Ефира самъ
Въ чистой искрѣ сей душѣ повелѣлъ свѣтиться?
И звѣздѣ его въ востокъ, въ западъ ли вселиться?
Иль ей быть поставилъ при полунощныхъ звѣрахъ?
Иль вмѣстить ту хощетъ на полуденныхъ зарахъ?
Имъ могущій все стецъ возгласилъ вѣщая:
[Встрепеталъ небесный сводъ, гласъ сей ощущая!]
Нашему Олимпу юношу сего въ даръ дать
Есть предѣлъ не нынѣ, предлежитъ и вамъ то знать;
Пусть онъ брани совершитъ побѣдитель славный,
Да за мужество свое всюду будетъ главный.
И хотя тмы многи чрезъ доброты удивилъ;
Но не всѣхъ войною беззаконныхъ истребилъ.
То не крѣпость ли дана ратная составамъ!
То несклонность ли однакъ къ мирнымъ въ немъ уставамъ:
О! краса всѣмъ смертнымъ: о! Боговъ достойный сынъ
Ябъ желалъ охотно, изъ моихъ чтобъ былъ единъ!
Да и тыбъ, супруга, тыбъ мнѣ то опустила!
И младенцабъ тыжъ сама въ ласкѣ воздоила!
Впрочемъ, въ сей хвалилсябъ не одинъ утѣхѣ вѣкъ:
Младъ и старъ онъ долго будетъ въ свѣтѣ человѣкъ;
Парки жизнь спледи ему сами долголѣтну;
Узришъ сыны онъ сыновъ, дании многодѣтну

Всей землѣ породу, коя пойдетъ по стопамъ
Праотческимъ славно: и, по вѣчнымъ такъ судьбамъ,
Въ старости маститой всѣ станутъ здѣсь предъ нами,
Освѣщая дольній міръ въ вѣкъ вѣковъ звѣздами.
Сынъ! иди поспѣшно, коему покорны травъ
Всѣ различны соки, созданны въ напитокъ здравъ,
И, по силѣ врачевства, раны, всякъ раздѣльный
Каждыя болѣзни родъ, купножъ и смертельный.
Чадо! самъ, скоряе, язвы тайно исцѣляй,
А на нихъ лѣкарства таковы употребляй,
Кои могутъ одолѣть смерть, и уязвленныхъ
Пользовать самихъ боговъ: какъ изъ поврежденныхъ
На войнѣ Фригійской дѣлалъ съ Марсомъ ты моимъ;
И лѣчилъ Венеру нѣжнѣйше тогдажъ какимъ,
Ей когда на брани той, въ самомъ томже прахѣ;
Діомедова меча быть пришло толь въ страхѣ.
Сынъ твой Эскулапій тотчасъ же съ тобоюъ шелъ,
Въ домѣ Мавританскомъ славу онъ себѣ нашелъ.
Чтобъ Перуна паки тотъ ужъ не опасался,
И ни гнѣвабъ моего, воскресить бы тщался.
Я желаю нынѣ, о! желаю я предѣлъ
Побѣдить конечный: а чтобъ я такъ одолѣлъ;
Вскорѣ исполняй мою съ сыномъ волю власну,
И великаго Царя жизнь спаси прекрасну
Такъ едва родитель повелѣлъ, и указалъ,
Какъ предъ ложемъ Царскимъ тотчасъ Аполлінъ предсталъ:
Къ врачеванію готовъ, и въ такомъ уборѣ,
Онъ слезящихъ посредѣ былъ незримъ въ соборѣ.
Смертныя водою язвы самъ всѣ вымывалъ,
Бережно перстами по зіяніямъ зжималъ:
То лѣкарства на болѣзнь растворялъ и масти,
То внутрь съ сыномъ лилъ, то клалъ къ больнѣйшей
тѣ части.
Скоро въ сердце живность возвращается ужъ вновь;
Блѣдность сходитъ съ членовъ; помощь купно и любовь
Свыше Царска жизнь къ себѣ чувствуетъ извѣсно:
Се и въ силу отъ цѣльбы та пришла чудесно!
Выжъ, о! весь ликъ правыхъ, нынѣ невшедшаго къ вамъ
Пѣсньми восхваляйте, прославляя по дѣламъ.

Добродѣтели хотя пребываютъ въ небѣ ;
Хоть живутъ тѣ на землѣ къ вящшей всѣхъ потребѣ ;
Въ ваши хоть вселятся обиталища сюда :
Благочеснымъ всюду хвальны суть онѣ всегда.
Кásторъ рекъ. Всѣ веселясь пѣнии восплескали ;
Съ ними небо , вся земля , и морá взыграли.

* * *

ТѢЖЪ САМЫИ

ДАКТІЛО-ХОРЕІЧЕСКІИ

Въ жизни пребудетъ еще долговѣчно веселїе наше !
Чтожъ звѣздоносныхъ небесъ ужé августѣйшїи домы,
Будто прїять хотя вседостойнаго , въ шумѣ играютъ ?
Что ожидаютъ къ себѣ Элисíйскїе тѣни Клеврета ?
Въ жизни пребудетъ еще , и землú не оставитъ надолго
Всѣхъ Скиптроносныхъ Царей изящнѣйшїй, кой препрославилъ
Мужество Галловъ своимъ , убивши Сардíнска Тїранна !
Гдѣ отъ Стигíйскихъ странъ отдѣляетъ предѣлъ свѣтозарный
Злачны полú , и гдѣ никакой не приступные мукѣ
Рощи въ прохладѣ своемъ зеленѣютъ , по коимъ гуляютъ
Тѣни прехрабрыхъ мужей , которыхъ отъ казней избяла
Жизнь непорочна, и всѣхъ при Летейской водѣ всеконечно
Ссоры забывшихъ свои согласїе въ вѣкъ примирило.
Тамъ , когда онѣ на противное Царство смотрѣли
Дíтово , также на всѣ прежестокїе кáзни въ спокойствѣ,
Видѣли зной огней , и колесъ , и ужасную ярость
Свищущихъ зло языкомъ , и громко устами ,
Се къ Стигíйскимъ кряжамъ превелика толпа приходила
Свѣжая , вся въ кровú , и мечей съ нихъ язвы глубоки
Съ всѣхъ не сошли еще , всѣ въ óбразѣ лютыя брáни.
Смóтря изъ сада забавъ дивятся блаженны Герои
Множеству , купно мужей состоянїю , также и ранамъ,
Быстра какихъ рѣка Сїмоéнтъ не мывала струями ,
Какъ и Фрїгíйски полкú , сопротивну и силу Пелáстовъ
Съ сей стороны Ахїллесъ поражалъ , съ той Гекторъ сильнѣйшїй ;

 Тамъ

Такъ съ собою тогда говорили : какое то было
Толь прободавшее ихъ оружїе ! мышцыжъ какїе
Столько могли уязвлять ? времень та сила не нашихъ !
О! да вящше растетъ человѣческо мужество въ крѣпость;
И на превыспреннемъ Зевсъ да не чувствуетъ страха Олїмпѣ!
Такъ говорившихъ тотчасъ на себя ихъ всѣхъ обратила
Знатнѣйша тѣнь, на брегъ какъ скоро Ладейка Стигїйскїй
Ту ссадила, онажъ свирѣпости гордыя мракомъ
Не измѣнила еще въ лицѣ, въ мїръ новый пришедши;
Знаки остались на ней притомъ погубленнаго Царства:
Долгая на раменахъ Хламїда, съ висковъ Дїадима
Сползшая ужъ была, и мечемъ десница блистала,
Толькожъ вырваннымъ тѣмъ изъ нея недавно, казалось:
Но все было лице оскверненно кровїю гнусно,
Также и грудь и уста разодраны духъ прерывали.
Безъ замедлѣнїя тамъ ея приставъ подхватившии
Силою, самъ не боясь, привлекъ къ судейскому стулу.
Души винныхъ простыхъ уступали назадъ; и свирѣпый
Къ ней обратился тотчасъ Мїносъ : почтенїе грозно
Все осѣнило лице его, и хотяжъ прїобыкли
Тѣ мѣста, однакъ потряслись съ превеликаго страха!
А получивши она повелѣнїе, не прекословя
Сказывать жизни весь своея порядокъ, и случай
Смерти, и все за что низвержена въ тартаръ ужасный,
Такъ начала, еще возносясь, и уста нечестивы
Мня себя Царемъ, разверзла; замолкли пещеры!
Слушая самъ и Стїксъ дилъ тише волны гремящи!

Буде Радїробанъ здѣсь когда былъ слышимый въ безднахъ;
[Часто, по правдѣ сказать, сюда непрїятелей многихъ
Ссылывалъ, и утруждалъ пресѣкающихъ жизненны нити]
Тотъ самъ я, земель Сардїнскихъ славный владѣтель,
Нынѣ сюдажъ прихожу. Меня Балеарски народы,
Лїгуры также меня боялись. Но что ужъ не кстати
Мужество мнѣ возносить, и оружїе храбраго войска,
Здѣсь никакїя когда нѣтъ чести умершему Скиптру,
А добродѣтель одна велика ? чтожъ нудишь Энїя!
Ахъ! прочь мглы твои отъими : расскажу доброволько.
О! на Царства мои уповая излишно, и также
На пребогатый верьхъ фортуны, на кровь пречестую,
Смертнымъ себя позабылъ, не чтилъ добродѣтелей въ жизни,

И ни

И ни боговъ, богъ самъ для себя превесьма самовольный:]
Добрую славу себѣ заслужить никогда я не тщался;
Вѣрность къ другамъ нарушалъ, тщеславія весь преисподненъ.
Что вспоминать на брегу Сицилійскомъ хищенія дерзость?
Что на Лівію войну? что ничемъ ненасытное сердце?
Часъ внезапу ужè постигъ, и рокъ смертоносный:
Месть и боговъ! Сказавъ то вздохнулъ, и умолкъ совокупно.
Но свирѣпый Мінои тогда ужъ спрашивалъ больше:
Что за причина была убійству? [ахъ! жéстоко гордымъ
Мýку сію терпѣть.] И кто побѣдитель прехрабрый?
Галлія, онъ говорилъ, кого Царемъ почитаетъ,
Тотъ меня поразилъ; его знаменитѣе въ славѣ
Нé-было выспрь никогда, и ни равнаго вѣки не знали.
Онъ однакожъ меня не сразилъ безъ отмщенія просто,
Чувствовалъ самъ отъ меча моего взаимные язвы;
Сіижъ рýки его обхватившии, едва опустили:
Нынѣ лежитъ полумертвъ, и кончается тотъ побѣдитель.
Такъ увѣряю; и мню, что меня онъ въ пропасти сіи
Прежде не сшелъ ли? Сказавъ, багрово лице обращалъ вкругъ,
Бутто бъ убитаго онъ искалъ непрiятеля тамо.
Симъ окончилъ. И тотчáсъ осуждéннаго правды предѣломъ
Къ Тáнталовой рѣкѣ, и къ бѣгущему яблоку вѣчно
Въ лютости всей отвлекли подхвативши Сестры змѣевласны.
    Слухъ разнесся тогда по всѣмъ полямъ Элисійскимъ,
Бутто тебя, Поліархъ, несстаетъ: такъ врагъ твой увѣрилъ.
Всѣ возмущаются тамъ, и надѣются праведныхъ тѣни,
Купно желаютъ тебя Клеврета себѣ, и Вождя всѣмъ.
Лучшее такожде всѣ обѣщаютъ оставшему землю:
Первіе кто привѣтъ говорить; и принять за десницу
Кто ужъ имѣетъ; и кто путь въ садъ присноцвѣтный покажетъ;
Также и кто поведетъ къ душамъ велеможныхъ героевъ;
Все разряжаютъ сіе межъ собою блаженные дýши:
Сей злакъ ложемъ будь, сей лавръ главу да вѣнчаетъ;
Лучше источникъ сей утружденныи члены омоетъ.
Сходственно съ ними шумитъ [какъ матка пчела отъ Гиблéйскихъ
Прочъ отлетитъ долинъ заблуждая, предпосланныжъ пчелки
Вѣсть крилами дадутъ о возвратѣ] рой въ радости новой
Весь поспѣшая къ ней, и собравшись съ силою всею

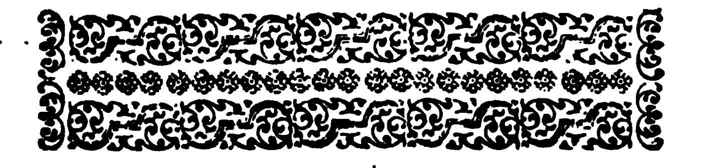
Въ тумѣжъ летаетъ туда и сюда, и взвивается къ небу.
Сежъ по густымъ облакамъ возвращаясь съ верьховнаго міра,
Касперъ къ нимъ прибывадъ, тогда по случаю съ братомъ
Съ мѣсть на небѣ своихъ смѣнившись. Звѣздою блистала
Вся особа его, окруженна отвсюду лучами:
Вдоль Порфїра съ раменъ; лицемъ былъ Марсу подобенъ.
Тотчасъ, видя его, возмнили праведныхъ тѣни
Въ скорости той, что ты, Полїархъ, къ нимъ идешь преславно:
Ужъ и на встрѣчу пошли веселясь порядочнымъ строемъ.
Какъ же приближились тамъ божества Ледейскаго взоры,
Какъ же и сами свое заблужденїе тѣни познали;
То окружаютъ его дивящася, и вопрошаютъ
Всѣ совокупно глася [между тѣмъ конь воспященный
Сталъ подъ нимъ, и всѣ осмотрѣлъ въ молчанїи души]
Просимъ, скажи, [для того что ты самъ сраженїе видѣлъ
Съ горькихъ мѣстъ] Царь живъ ли, котораго дать намъ имѣетъ
Галлїя вся въ слезахъ? И къ намъ онъ внидетъ откуду?
Тотъ изумившись сперва безсловесенъ стоялъ, и звѣздою
Всею потомъ тотчасъ расмѣявшись, какъ съ гнѣвнаго моря
Будто онъ тучи згонялъ, корабли огнемъ освѣщая:
Знайте, о! тѣни, сказалъ, и недолжную радость оставьте,
Радость оставьте садамъ и рощамъ недолжную вашимъ,
Равнаяжъ точно боговъ надежда верьховнѣйшихъ льстила.
Видѣлъ я лице ратоборцово, храбрость, и силу,
Зрилъ и въ послѣдней крови борьбу со смерьтїю жизни.
Слышалъ я и боговъ вопрошающихъ, въ коемъ бы мѣстѣ
Тонка Ефира душѣ сей чистымъ огнемъ просвѣтиться
Юпитеръ самъ повелѣлъ? на востокѣль, на западѣль звѣзду
Онъ бы хотѣлъ утвердить? Или при сѣверныхъ Урсахъ?
Но вседержавный отецъ говорилъ вѣщая: не нынѣ
Юношу дать сего въ даръ нашему въ славѣ Олїмпу
Твердъ положенъ предѣлъ. Пусть онъ превеликїе брани,
Кои будутъ еще на землѣ, совершитъ побѣдитель:
Храбрость его не всѣ еще мѣста удивила,
Ни беззаконный весь міръ онъ войнами очистилъ.

То ли не крѣпость его составовъ! не рашпялъ бодрость!
То ли не склонность однакъ егожъ къ тихомирной Олївѣ!
О! красота людей, О! чадо богамъ вожделѣнно:
Ябъ желалъ, чтобъ мое то было! и тыбъ отпустила,
Тыбъ супруга сама за него мнѣ, самажъ бы спокойна

Млечинъ

Млечны сосцы твои сему подавала младенцу!
Но не единъ же вѣкъ похваляйся утѣхою сею:
Долго онъ въ лѣтахъ младыхъ процвѣтать, и въ старости долго
Онъ же пребудетъ, ему даровали жизнь долгую Парки;
Узритъ сыны сыновъ, и землѣ дастъ вѣчну породу,
Коя имѣетъ пойти по слѣдам праотеческимъ славно,
Купно во маститой потомъ ужъ старости будетъ звѣздами.
Сынъ мой! иди жъ поспѣшай, которому соки покорны
Травъ, и искусство врачебно, и раны, и смертны болѣзни.
Скоро ступай, велю, и въ язвы лей тайно лѣкарства,
Кои смерть одолѣть, и цѣлить боговъ уязвленныхъ
Могутъ, грядетъ ли мой Марсъ къ тебѣ, поврежденная Венера
Чемъ на Фригійской войнѣ отъ мечаль Діомедова въ страхѣ.
Пусть съ тобоюжъ идетъ Эскулапій сынъ твой искусный,
И въ Мавріганскомъ дому прославить себя да потщится:
Онъ не боится пускай моего ужъ паки перуна,
Гнѣва нижёжъ моего. Я нынѣ, о! нынѣ желаю,
Чтобъ смертоносну судьбу побѣдить для Царя превелика.
Такъ повелѣлъ лишь отецъ; предъ лицемъ ужъ Царскимъ не зримо
Спѣшно предсталъ Аполлінъ во врачевской тотовый одеждѣ,
Тайною всѣ вымывалъ смертельные язвы водою:
Бережно то сжималъ зіяніе ихже перстами;
Съ сыномъ то растворялъ лѣкарства прилѣжно на немощь;
Самъ и Амбросій лилъ въ умерщвленные жилы довольно.
Тотчасъ въ сердце уже возвращается живность и сила;
Блѣдность уходитъ съ лица, жизнь чувствуетъ божеску помощь!
Выжъ затѣмъ, о! весь ликъ праведныхъ, пѣсньми хвалите
Нынѣ взшедшаго къ вамъ: хотябъ добродѣтель на небѣ,
Хоть на землѣбъ была, хоть табъ въ обителяхъ вашихъ;
Но благочестнымъ всегда почтенна и хвальна повсюду.
Касторъ симъ окончилъ. Зашумѣла радость блаженныхъ;
И совокупно Земля, Понтъ, Небо ликуя взыграли.

СЛОВО



СЛОВО
о
мудрости, благоразуміи, и добродѣтели.

NБ. Вь Предисловіи при первомь Томѣ на XXIII страницѣ обьявлено, что вь семь второмь Томѣ по Стіхахь, сочиненныхь нашимь образомь и римскимь, еще положена рѣчь, говоренная вь Академіи, которой на семь точно мѣстѣ и быть надлежало: но она мною, какь изданная ужé вь свѣть особенно, и такжебь не увеличить ею сея Книшки, отставлена, а оставлено вмѣсто ея сіе Слово, кое мнѣ впало на умь сочинить во время сáмаго печатанія сего втораго Томіка. Я льщу себя, что сіе слово нѣсколько пріятнѣе будеть, по содержанію, моимь Читателямь, нежелибь могла быть отставленная рѣчь.

****

Преизящность Человѣчества, изь всѣхь видимыхь вь прекрасномь Естествѣ созданій, СС, особли-

во

во состоитъ въ умствованіи. Зиждитель вещей, Премудростію своею, благостію, и Всемогуществомъ, благоизволилъ, предувѣдавъ и предъизбравъ сей чувственный составъ великолѣпнаго Міра, произвесть Твари, сочетавая всѣ съ лучшимъ и бóльшимъ всему Обществу, не токмо неисчетные по роду и подобію; но и каждой даровалъ различные степени Совершенства, каждую притомъ удобряя собственнымъ своймъ, и ей достодолжнымъ. Зрятся Творенія, которыя имѣютъ простую токмо * бытность; зрятся, въ коихъ бытность и жизнь; зрятся и такія, которымъ съ бытностію и жизнію, подано еще Чувствованіе. Но Человѣкъ, пребывая въ естествѣ вещей * бытіемъ, дыша въ немъ жизнію, ощущая отъ него пріятность себѣ, или досаду, господствуетъ въ избытокъ предъ всѣми оными рассужденіемъ. Одаренъ онъ * Силою рассудительно размышляющею. Извѣсно есть, Сила сія показываетъ себя въ насъ во первыхъ Разумомъ, и потóмъ Волею. Имѣетъ Разумъ свои дѣйствія; имѣетъ и Воля: хотяжъ и въ единомъ * Существѣ обое предсѣдательствуетъ, и хотя обое то едино есть по * Естественности, или Сущности; но по разности дѣйствій различными означается имянами. Разума есть, понимать и рассуждать, тоесть, познавать Истинну, и различать ея отъ Ложнаго: Волижъ свободно клониться къ Добру, предпочитать полезное, и раздѣлять

* existentia.

* existentia.

* facultas reflexiue cogitans.

* substantia.

* essentia.

лять оное отъ вреднаго. Ибо какъ Истинна есть конецъ всего нашего Познанія; такъ Добро, цѣль всѣхъ нашихъ есть Дѣяній. Первая *Умъ просвѣщаетъ; но другое очищаетъ сердце, и творитъ насъ участниками не *крайняго токмо человѣческаго блага, состоящаго въ безопасствѣ общаго сожитія, въ Здравіи тѣла, и въ душевномъ Спокойствіи; но и онаго неизреченнаго вѣчнаго блаженства, кое обѣщано любящимъ бога, и служащимъ Ему благоговѣйно и усердно: онаго, вѣщаю, блаженства, котораго красоты око человѣческое не возможетъ здѣсь никогда подобныя видѣть, пріятности ухо слышать никогда, а сладости никогдажъ отнюдъ чувствовать сердце.

* mens.
* summum bonum.

Итакъ, пользуясь толь славною отмѣною отъ всего во всемъ естествѣ, и обрѣтаясь малымъ токмо нѣчемъ умаленный отъ горнихъ Чиновъ, умствуетъ Человѣкъ и произволяетъ. И вопервыхъ, дѣйствуетъ нашъ Умъ *понимая вещи Просто, тоесть, ничего имъ какъ не присвояя, такъ и ничегожъ отъ нихъ не отлучая. Производитъ онъ простое сіе Понятіе иногда такъ называемою *Разумностію, или *чистымъ Разумомъ, познавая симъ просто что Законъ, Обязательство, Добродѣтель, и премногое подобное: иногда познаваетъ онъ *Чувственностію, коею вещи тѣлесные присутствующіе, посредствомъ пятерицы оныя Чувствъ, данныхъ намъ отъ благо-

* simplex adprehensio.
* intelligentia.
* purus intellectus.
* sensatio.

благодѣтельныя Природы, понимаетъ; какъ то свѣтъ и цвѣтъ окомъ, гласъ и звонъ слухомъ, сладость и горесть языкомъ, благоуханіе и злоуханіе обоняніемъ, хладъ и зной прикосновеніемъ всего тѣла онъ чувствуетъ: иногда напослѣдокъ изображаетъ себѣ вещи тѣлесныяжъ, но отсутствующіе, и уже прежде отъ Чувствъ ощущенные, *Образованіемъ. Но по второму образу нашъ Умъ дѣлаетъ не простымъ уже *Понятіемъ, да Понятій самыхъ между собою сличеніемъ, которымъ сходство, или сопротивленіе ихъ усмотрѣвая, оныя взаимно или сопрягаетъ, или одно отъ другаго Понятія отлучаетъ; такъ что, или одно о другомъ утверждаетъ, или одно отрицаетъ другому. Сіе точно есть, что именуется *Разсужденіемъ. Разсужденіе сіе есть или *Самозрительное, или *Умствовательное. Первымъ нашъ Умъ двухъ Понятій сходство, или несходство, безъ посредства третіяго Понятія, тотчасъ познаваетъ, напримѣръ: Невозможно быть, и не быть совокупно. Всякъ, разумѣющій силу и знаменованіе словъ, видитъ единымъ взоромъ и вдругъ правду въ семъ *Предложеніи. Отъ сего единственно Самозрѣнія зависитъ всего нашего Познанія *Достовѣрность, какъ величайшая, и такая, которая ни большаго доказательства не требуетъ, ни больше доказываема быть не можетъ. Но вторымъ познаваетъ Умъ двухъ Понятій сходство, или несогласіе чрезъ посредство

*imaginatio.
*idea.
*iudicium.
*intuitiuum.
*discursiuum.
*propositio, enunciatio.
*certitudo.

средство третїяго, или и многихъ Понятїй, наприкладъ сего Предложенїя: родители власть имѣютъ наказывать своихъ чадъ, непосредственно утвердить не возможно, не воспрїявъ въ помощь третїяго, а именно: ибо безъ того воспитать ихъ достодолжно и достолѣпно не возмогутъ. Второе сїе Рассужденїе точное есть *Умствованїе; такъ что законно два токмо, а не три, или четыре *Дѣланїя въ нашемъ умѣ: ибо всякое Предложенїе не самозрительное, есть точное *Заключенїе, произведенное Умствованїемъ, а не просто и безъ *довольныя причины соединенное, или распряженное отреченїемъ. Когда кто говоритъ, что Справедливость есть похвальна; тотъ для того единственно похвалу ей присвояетъ, что всякая Добродѣтель похвалы есть достойна. Симъ образомъ умствуетъ Человѣкъ; но произволяетъ слѣдующимъ. Что Разумъ рассуждаетъ быть истиннымъ; то самое Воля свободно изобрѣтаетъ добрымъ. Способъ Воли нашея есть двоякїй, *Хотѣнїе, и *Отвращенїе. Первымъ Разумъ нашъ судитъ, и къ любленїю того преклоняетъ Волю, что онъ почитаетъ за доброе; но вторымъ отводитъ ея отъ всего, что ему судится быть злое. Воля наша, любящая всегда Добро, такъ къ нему преклоняется, что инаго хощетъ для него самого, а инаго ради Добра другаго. Первое Добро называется *Концемъ, но второе *Средствїемъ. Отъ сего различныя бываютъ воли нашея Дѣянїя.

*ratiocinatio.
*operatio.
*conclusio.
*ratio sufficiens.
*volitio.
*auersatio.
*finis.
*medium.

дѣянія. Старающіяся о Концѣ, Хотѣніе сіе есть *Намѣреніе; пользующіяся онымъ, есть оно *Наслажденіе: въ средствіяхъ же упражняющіяся, тожъ Хотѣніе есть уже *Избраніе; а отвращающіяся отъ оныхъ, *Отверженіе. Въ семъ состоитъ нашего Произволенія Самовластіе. Великое, дивное, и неоцѣненное человѣческаго Умствованія преимущество!

*intentio.
*fruitio.
*electio.
*reiectio.

Но что сіе странное съ другой стороны? Ужасное зрѣлище! плачевное состояніе! смертоносное бѣдствіе! трепетное воспоминовеніе! Сей самый Разумъ, въ коемъ вся наша честь и слава, и по которому едва токмо мы не въ равенствѣ съ превыспренними чистыми Умами, по испаденіи человѣческомъ отъ первороднаго величія, низвергся въ преглубокую бездну заблужденія. Ослабѣлъ его свѣтъ природный; покрылся густымъ мракомъ неразумія; дѣйствуетъ во тьмѣ, и, чтобъ такъ сказать, осязаніемъ. Истинна и благо удалились отъ него: обстоятъ его Ложь и Неправота, а Волю страсть и развращеніе. И что я говорю, обстоятъ? Плѣнили его самого и Волю; повелѣваютъ имъ, и обладаютъ ими; мучатъ ихъ, тіранствуютъ надъ ними. Уже Разумъ нашъ не тщала есть нашея превобышныя высоты, но почитай подлость и бѣдность; Воля не знакъ благородства нашего, но безчестія и порабощенія. Осталась имъ токмо едина Память о древнемъ ихъ сіяніи, и способно-

сти въ изобрѣтеніи Истинны, и блага Злу въ предпочтеніи. Сія побуждаетъ ихъ входить внутрь самихъ себя, видѣть, что должность ихъ послѣдовать Правдѣ и Добру, и, для любви самимъ къ себѣ, тщатися, дабы во вѣки не разлучиться съ тѣми. бесспорно, трудятся Слѣпотствующіи наши, чтобъ ихъ осіялъ свѣтъ Истинны, и извелъ блистательнымъ своимъ лучемъ на стезю Честности. Но сколькожъ надлежитъ прежде имъ преодолѣть препятствій, дабы получить вожделѣнный въ томъ успѣхъ! Надобно Разуму преоборотъ иногда Заблужденіе Невѣденія; иногда, Заблужденіе Чувствъ; иногда, Заблужденіе Подражанія; иногда, Заблужденіе * Счетанія мыслей; иногда, преизбыточнаго Любопытства; иногда, борзости; иногда, Повѣренности; иногда, Древности и Новости: иногдажъ нѣсколько изъ сихъ; а иногда и всѣ сіи Заблужденія совокупно. Сіи враги Разуму. Воля равнымъ же образомъ долженствуетъ повергнуть долу многихъ злыхъ себѣ супостатовъ, прежде нежели возможетъ торжествовать въ вожделѣнной Работѣ. Первый ея соперникъ, есть Любленіе; второй, Ненавидѣніе; третій, Надменіе; четвертый, * Самомнѣніе; пятый, Сладострастіе; шестый, Сребролюбіе. Не трудность ли, и не трудъ предлежитъ, предстоитъ, и окружаетъ всю разумную нашу Силу, и всю произвольную? Не можетъ приличнѣе уподоблено быть, какъ то преизрядно и уподоб-

* combinatio idearum.

* praesumptio.

уподобляется изрядно, состояніе нашего Умствованія и Произволенія, добродной по естеству Нивѣ; на которой, оставленной безъ чрежденія, сверьхъ посѣяннаго плодоноснаго сѣмени, прозябаетъ Терніе и Волчецъ, но въ толикомъ множествѣ, что они подавляютъ самыи всходы отъ добрыхъ сѣменъ, и показываютъ, что будтобъ они токмо тамъ и насѣяны были. Поистиннѣ, добродная есть Нива нашъ Разумъ: Творецъ посѣялъ въ немъ сѣмена Истинны и Добра; но Преступленіе произращаетъ въономъ Ложь и Зло. Не могу еще не воскликнуть: бѣдное и бѣдственное состояніе, буде не приложится заблаговременное и трудолюбное чрежденіе сей нашей существенной Нивѣ!

Ктожъ бы не чувствовалъ, что человѣческій Разумъ, пребывающій нынѣ въ толикой нощи и мглѣ Невѣденія, долженствуетъ быть просвѣщаемъ солнечными зарями Знаній? а Воля наша изводима отъ мала-помалу изъ пропасти Золъ и Развращеній, въ которой чахнетъ и погибаетъ, на путь Правоты, Честности, и Добродѣтельности! Самое природное Человѣку любопытство, оставшееся въ Памяти объ его способности къ понятію вещей, и къ разсужденію о вещахъ, къ избранію добра, или къ отверженію зла, влагаетъ въ Человѣка охоту къ наученію себя; нужды его даютъ ему чувствовать въ томъ необходимость; должности обязываютъ его къ

тому: а успѣхи въ томъ, наслаждаютъ его увеселенїемъ. Первыя прїобрѣтенїя его умножаютъ въ немъ алчность къ Знанїямъ: коль болше онъ познаетъ, толь болѣе чувствуетъ, что осталось ему еще много знать; и чемъ болѣе прїобрящетъ себѣ Познаний, тѣмъ бóлшую получитъ способность къ дѣланїю и къ отправленїю всего преизрядно. Да и дѣйствително просвѣщается онымъ Солнцемъ нашъ Разумъ, и Произволенїе наше изволится прямо на гладкую и равную стезю блага, когда навыкаютъ они трудолюбно истинной *Мудрости, истинному *благоразумїю, и истинной *Добродѣтели. Сихъ токмо помощїю достигаемъ мы до того, дабы намъ возмощи употреблять чинно вещи чувственные, насъ окружающїе, исправить погрѣшности нашихъ чувствъ, подвергнуть тѣло власти Духа, и приводить Дýшу, оное бесплотное и бессмертное Существо, къ познанїю нашихъ должностей, и самыя ея Предѣла.

* sapientia.
* prudentia.
* virtus.

Сїя МУДРОСТЬ, сїе БЛАГОРАЗУМЇЕ, и сїя ДОБРОДѢТЕЛЬ, будутъ единственною вещїю последующаго моего бесѣдованїя, а вашего, СС, благосклоннаго вниманїя. Продолжу Слово не по важности дѣла прилично и достойно, но по мѣрѣ силъ моихъ и возможности вѣрно. Недостатокъ моего Краснорѣчїя, ожидаемаго Вами для услажденїя слуху, наградится, безъ сомнѣнїя, достойностїю содержанїя: Мудрость, благоразумїе, и Добродѣтель, совершенства такїя, которыя не могутъ

могутъ сами собою, безъ всякихъ постороннихъ прикрасъ, не возбудить любопытства и слушанія. Четоради, и я всячески попищусь предлагать о трехъ сихъ главнѣйшихъ и первѣйшихъ Разума нашего * Навыкновеніяхъ, сколько возможно, обстоятельно; однако, безъ вреда ясности, кратко, и о каждомъ порознь равномѣрно.

*habitus.

ДА познаютъ нерадящіи о приведеніи въ совершенство умныя своея Силы, что какъ просвѣщается она пріобрѣтенными познаніями вопервыхъ * ПРОСТЫМЪ СПОСОБОМЪ, тоесть, единою памятію, опытами, или другимъ мужамъ вѣроимствомъ, утвержденнымъ на ихъ власти, и потомъ сіяетъ * ОСНОВАТЕЛЬНЫМЪ, именножъ, обученнымъ, и твердымъ рассужденіемъ: такъ и помрачается ВАРВАРСТВОМЪ, которое есть не неискусство чистаго слова, но Ума нашего закоснѣлая грубость, когда ни Разумъ полезнымъ Знаніямъ, ни Воля благимъ Нравамъ не научается, и оставляются они какъ бутто поля лежащія впустѣ. безуміе! ежели Истинна и Добро не распознаваются отъ Лжи и Зла, а вѣроятное отъ невозможнаго. Несмысленность! ежели умствовать * прескаканіемъ и безъ соединенія, да и во всемъ прочемъ поступать беспорядочно и буйно. Неистовство! буде дѣйствія наши производить безъ всякаго, что до окончанія, предвоспріятаго намѣренія; или предвоспрі-

*historico, empirico.

*philosophico, scientifico.

*per saltum.

воспріимать дѣло силы наши превосходящее. Святотатство! если дѣйствовать ухищренно и лицемѣрно. Вертопрашество! когда безрассудно и устремительно спѣшить нашими дѣлами. Нерадѣтельство! ежели хотѣть окончанія, а о средствіяхъ не любопытствовать, и не имѣть попеченія. Непостоянство! буде предложенное себѣ Добро и вождельнное, оставлять ради приключающихся трудностей и скучностей. Мятежъ напослѣдокъ и беспокойство! когда похотѣній своихъ не обуздавать, и непрестанно и ненасытно желать еще и еще, всегда хотѣть получить больше и больше, и ежечасно стремится итти далѣе и далѣе. Все сіе есть не Нещастие токмо нѣкоторое, но пагубное и смертоносное бѣдствіе. Истинная Мудрость, понеже состоитъ въ познаніи Правдъ божественныхъ и Человѣческихъ, * Умозрительныхъ и * Дѣятельныхъ, * Достовѣрныхъ и * Вѣроятныхъ, то и мудрый Мужъ нѣсколько знаетъ, многоежъ вѣритъ; итакъ что Знаніе и Вѣра не что иное, какъ токмо средствія, коими онъ себѣ Навыкъ Мудрости пріобрѣтаетъ. Сей Мужъ истинное и благое отъ ложнаго и злаго, а вѣроятное отъ незбыточнаго распознаваетъ * довольными доводами. Онъ въ умствованіи, начинаніи, и дѣяніи наблюдаетъ порядокъ, и хранитъ связность. Онъ дѣйствуетъ всегда такóва ради конца, до котораго достигнуть или достовѣрно, или вѣроятно можетъ, развѣ когда

* theoretica.
* practica.
* certa.
* probabilis.
* ratio sufficiens.

когда нужда приводитъ его предначинать дѣла́ свои для окончанія возможнаго токмо. Онъ все творитъ съ искреннимъ намѣреніемъ, тоесть, по силѣ законнаго и позволеннаго Окончанія. Онъ ко всякому предпріятію съ рассужденіемъ, предварившимъ начинаніе, приступаетъ, кромѣ токмо, когда необходимость въ дѣлѣ не терпитъ медлѣнія въ размышленіи. Онъ сильно и дѣйствительно движется къ предложенному себѣ Концу: чего ради и приписывается Мудрому *Воля дѣйствительности, желаніе Конца съ желаніемъ Средствій сопрягающая. Онъ справедливо въ предпріятомъ твердъ и непоколебимъ; и сколькобъ къ тому препонъ ни обрѣталось, всѣ преодолѣваетъ, да достигнетъ до намѣреннаго Предѣла. Онъ, наконецъ, полученнымъ себѣ спокойно, тихо, и безмятежно наслаждается, и ни алчетъ, и ни жаждетъ чрезмѣрно, дабы пріобрѣсть столько, сколько ему не нужно, и не полезно. О! неоцѣненныхъ плодовъ Мудрости. О! величія ея несравненнаго.

* voluntas efficaciae.

Всѣ сіи дѣйствія Мудрости обѣявляютъ ясно, и ни малаго не подаютъ намъ сомнѣнія утвердить, что Должность ея есть сугубая. Но и кто благосмысленный изъ прошедшихъ словъ не заключитъ со мною, что Мудрости - есть вопервыхъ „ должные „Дѣяніямъ человѣческимъ назначать причины „? безъ Мудрости не можетъ получено быть твердое блаженство, которое есть послѣдній изъ всего и всему конецъ. Твердое

дое сїе блаженство не единаго есть рода: Есть, которое состоитъ въ наслажденїи безопасствомъ отъ приключенїй и бѣдствїй въ общемъ человѣческомъ сожитїи. И сїе есть гражданское и внѣшнее. Есть * нравственное и внутреннее: въ семъ пользуемся здравїемъ тѣлеснымъ, и душевнымъ спокойствїемъ. Но въ наслажденїи БОГОМЪ, и съ Нимъ въ соединенїи, утверждается блаженство духовное и превосходное. И поистиннѣ, сїе есть едино, приводящее къ вѣчному оному блаженству, въ которомъ * безопасство наше, * здравїе, и * спокойствїе никогда не прерываются; а въ сей дольнихъ мѣстъ жизни пресѣкаемое токмо подается блаженство. Вторая Мудрости должность есть въ томъ, что она „преднаписываетъ „правило правымъ дѣянїямъ „; въ семъ точно и содержатся основанїя * Правды, * Честности, и * Достолѣпности.

* moralis.
* securitas.
* sanitas.
* tranquillitas animi.
* iustum.
* honestum.
* decorum.

О! коль любезно и Именъ сихъ тройцу выговорить и слышать. Но чтожъ ихъ Плоды и Дѣйствїя? Плоды, коихъ какъ нѣтъ отнюдъ ничего полезнѣе Обществу человѣческому; такъ и невозможно никогда довольно и достойно превознесть ихъ похвалами. Поистиннѣ, сїя есть такая Мудрость, въ которой начать упражняться, никакое время словесному Человѣку преизбыточно раннимъ быть не можетъ: и никто преизлишно прилѣпившимся къ ней себя не покажетъ, колико бъ онъ умъ свой ни вперилъ въ размышленїе

шленіе объ ней, и дѣяніябъ ни напрягъ къ произведенію отъ нея успѣховъ. Представимъ себѣ въ мысли Человѣка по всему любящаго Правду, дѣйствующаго по Чесности, и обходящагося всюду и со всѣми благопристойно. Не сей ли намъ явится, при сохраненіи своея жизни, данныя отъ БОГА въ потребу ему и Обществу, не вредящій никому не токмо убіеніемъ и біеніемъ наглымъ кого самого, не токмо клеветою и лжесвидѣтельствомъ на него, но ни уловленіемъ, ни пресѣченіемъ, ни умаленіемъ, ни похищеніемъ, и ни всеконечнымъ истребленіемъ всего, что того есть собственное? Не сеголь увидимъ благотворящаго прочимъ во всемъ, что полезно и прибыточно, что похвально и славно, что пріятно и сладостно быть можетъ? Не семуль будетъ способнѣе жизни своея лишиться, нежели не сохранить даннаго слова, обѣщанія, договора, вѣрности? Не симъ ли все то, что въ молчаніи содержать должно, вѣявь не разгласится, а разглашаемое подолгу молчаніемъ не покроется? Не о ревнующемъ ли по Чесности утвердится такъ неложно, что онъ точно и есть, кой, движимъ разумною Любовію, искренно, благоразумно, и постоянно дѣйствія свои производитъ внутреннія и внѣшнія, для полученія твердаго блаженства? Не оный ли есть поспѣшнѣйшій не токмо въ исполненіи должностей Правды, но еще и больше, нежели къ исполненію чего Правда возбуждаетъ, всѣми

своими силами тщится учинить для пользы Общества, и ради бóльшаго въ немъ безопасства? Не оный ли такую показываетъ тихость и скромность, что ими право свое нѣсколько умаляетъ, дѣлая, или опуская, не то что дѣлать, или опускать, позволено, но что дѣлать, или опускать, общее Добро требуетъ, и совѣтуетъ Ревность? Не оный ли трудолюбивъ, нерасточителенъ, домостроенъ, трезвъ, чистъ, воздерженъ? Не оный ли великодушенъ, терпѣливъ, равносерденъ, кротокъ, умѣренъ, и жребіемъ своимъ доволенъ? Не наблюдающій ли благочиніе, въ обхожденіи съ другими поступаетъ по природному своему состоянію, и ни въ чемъ, и никогда притворности и притворнаго не являетъ? Не таковый ли ничего противъ общаго мнѣнія не дѣлаетъ, всѣмъ своимъ дѣйствіямъ пріятную стать подаетъ, преизбыточествомъ и недостаткомъ не погрѣшаетъ, всегда учтивость, человѣколюбіе, и снисхожденіе показываетъ? Не сей ли Мужъ, напослѣдокъ, Страны своея обыкновеніямъ, но достохвальнымъ, послѣдуетъ, дѣлá свои и слова́ соглашаетъ съ мѣстомъ, время рассматриваетъ, и оному повинуется, всѣмъ почтеніе отдаетъ, что и себѣ прилично, не забываетъ; а природные свои порочности и нравственные, ибо нѣтъ совершеннаго во всемъ человѣка, коль возможно покрываетъ? И ктожъ неоцѣненному цѣну поставитъ, и бесчисленное Добро, какое онъ себѣ и Обществу приноситъ

носитъ, словомъ исчислить? Коль больше таковыхъ обрѣтается въ Обществѣ; толь болѣе Общество процвѣтаетъ, и толь меньше въ немъ зрится непорятковъ и бесчинія. безъ послѣдующихъ благопристойности, Чесности, и Правдѣ, все вверьхъ дномъ обращается.

Отъ Мудрости предложенныя вобще, приступаю къ особливымъ ея частямъ. Мудрость вобще хотя и состоитъ въ познаніи Істинны и блага, однако въ примрачномъ и неизвѣсномъ. Мудрость въ особливости есть твердо обученная, и состоитъ въ познаніи вещей явственномъ, различенномъ, и, поелику возможно, доказателномъ. Называю твердо обученную Мудрость, да исключу неимѣющую потребности. Ибо въ коей нѣтъ никакія пользы въ рассужденіи благоразумія, Правды, и Добродѣтели; та по достоинству принадлежитъ до пустошей, хотя и многому впрочемъ надлежитъ обучатися, что не природную пользу, но на мнѣніи основанную имѣетъ. Итакъ, обученная твердо Мудрость есть, или богословствующихъ, или Любомудрствующихъ, или Законоучителствующихъ, или наконецъ Врачевствующихъ. богословствующихъ Мудрость состоитъ въ твердомъ и явственномъ вещей, въ Священномъ Писаніи откровенныхъ, въ Апостолскихъ проповѣданныхъ, а въ Соборныхъ и Учителскихъ преданныхъ, познаніи. Но Любомудрствующихъ: въ твердомъ же и различенномъ вещей

щей полезныхъ знаніи и разсужденіи, однако разумомъ, самому себѣ оставленнымъ, постигаемыхъ. Сей подчинена первое Мудрость Законоучительствующихъ, состоящая въ твердомъ и различенномъ Гражданскихъ и Каноническихъ Законовъ вѣденіи и истолкованіи: второе, Врачествующихъ, объемлющая твердое и различенное болѣзней и лѣкарствъ разумѣніе: третіе, Счисляющихъ, размѣряющихъ, и сравнивающихъ Количества; а сіи особенно Математиками именуются. Отъ многихъ въ нынѣшнія времена Любомудріе пріемлется за собраніе самыхъ главныхъ Ученій, коимъ обученный Человѣкъ, свѣтомъ своего разума, о БОГѢ и его Свойствахъ, о Тваряхъ и ихъ Качествахъ и Количествахъ, о Дѣйствіяхъ нравственныхъ и объ ихъ Правилѣ, нѣчто достовѣрнаго и твердаго доказываетъ. Всякъ вѣдающій, мню, чувствуетъ, что посему какъ достойно есть подтвержденія Любомудріе ДОГМАТІЧЕСКОЕ, которое твердыя, сколько возможно, въ Ученіяхъ полагаетъ Основанія, и бесспорныя, или, по крайней мѣрѣ, вѣроятныя изъ нихъ производитъ Заключенія; такъ всякое заслужило отверженіе оное СЦЕПТІЧЕСКОЕ, кое ничего опредѣлить и утвердить не покушается, но все во всегдашнемъ безъизвѣстіи и сомнѣніи оставляетъ: и коль важно есть Любомудріе ЭКЛЕКТІЧЕСКОЕ, не утверждающееся ни на власти, ни на древности, но то избирающее, что во всѣхъ

Писателяхъ твердѣйше доказанное, и съ первыми Началами соединенное обрѣтаетъ; толь празно и бесполезно, которое на разныя * СОБОРИЩА или ТОЛКИ раздѣляется. Сїе послѣднее Любомудрїе мнѣнїя другихъ людей безъ всякаго прїемлетъ изслѣдованїя, и начальникамъ своймъ не какъ предводителямъ, но какъ повелителямъ послѣдуетъ. Преизрядно нѣкто изъ мудрыхъ Мужей изрекъ, что такое Любомудрїе есть „ Мудрости состарѣвающїяся, или ужé „ и въ брѣдъ впадшїя, знаменїе „: Истинна не можетъ быть ни двояка, ни мновидна. * sectae.

Древнїи раздѣляли весь Составъ Любомудрїя на Фїлософїю * УМСТВЕННУЮ, НРАВСТВЕННУЮ и ЕСТЕСТВЕННУЮ. Но не опровергая сего ихъ дѣленїя предлагаю, что Она можетъ раздѣлиться порядочнѣе и полняе на * ПРЕДУГОТОВЛЯЮЩУЮ, или * СЛУЖАЩУЮ ОРУДІЕМЪ, и на ГЛАВНѢЙШУЮ, или * СВЕРШАЮЩУЮ: а сїя послѣдняя дѣйствително Человѣка УЧЕНЫМЪ, тоесть Мудрымъ и Добродѣтельнымъ дѣлаетъ. Предуготовляющимъ Ученїямъ разныи различное число полагаютъ: сїи одно токмо; другїи два; третїи и до трехъ восходятъ. Но намъ мнится, что должно имъ быть шесточисленнымъ. Первое есть ЛОГИКА. Сїя обучаетъ способу, какъ правильно умствовать, дабы истинное отъ ложнаго, а вѣроятное отъ невозможнаго отличить, и одно съ другимъ распо-

* rationalis.
moralis.
naturalis.
* praeparans.
* instrumentalis.
* principalis.
* perficiens.

знать

знать явственно. Второе: ОНТОЛОГІЯ, которая есть Ученіе о * Повсемственныхъ, длятого что самые общіе вещей Ідеи, и оттуду проистекающіе главнѣйшіе Истинны оно представляетъ. Напримѣръ: * Сущее вобще, и * Естественность или Сущность Сущаго; простыя Сущаго свойства, какъ то Единство его, Истинность его, Доброту его, Мѣсто, и Продолженіе: потомъ свойства Сущаго распряженныя, какъ то Дѣйственность и Могущество; Зависящее и Неподчиненное; Необходимое и Случайное; бесконечное, и Конецъ имѣющее; Начало и отъ него бывающее; Причину и Причиняемое; Простое и Сложное; Цѣлое и Часть; Тожъ и Разное; Полное и Неполное; Пребывающее и Преходящее; Правило и Правимое; Знакъ и Означаемое; * Подлежащее и * Присвояемое. Наконецъ, * нижайшія свойства Сущаго, какъ то * Существо, * Способы, и * Возношеніе. Третіе: АРІѲМЕТІКА, коя Количество расчетанное счисляетъ, складываетъ, вычитаетъ, умножаетъ, дѣлитъ, всежъ то числами цѣлыми и ломаными; также отъ трехъ извѣстныхъ числъ четвертое, невѣдомое прежде, познаваетъ, и наконецъ * Корень квадратный, и Кубіческій извлекаетъ. Четвертое: АЛГЕБРА, сравнивающая общіе величины азбучными літерами. Пятое: ГЕОМЕТРІЯ, которая тройное * распростертіе тѣлъ размѣряетъ * чертами, и ограничиваетъ * очертаніями. Да и шестое не безъ нарочитыя

*universalia. *ens. *essentia. *simplicia entis attributa. *disiuncta entis. *subiectum. *attributum. *inferiora entis. *substantia. *modi. *relatio. *radix. *extensio. *linea. *figura.

тыя пользы къ симъ присовокупится, именножъ, ІСТОРІЯ ФІЛОСОФІЧЕСКАЯ. Она есть, коя предлагаетъ и повѣствуетъ приращеніе и умаленіе Мудрости, и притомъ объявляетъ первѣйшихъ ея любителей, распространителей, и возобновителей. Всѣ сіи, и прочія слѣдующія Ученія, когда словами себя изъясняютъ, безъ ГРАММАТІКИ говорятъ нѣмо и неправо; и потомъ безъ РЕТОРІКИ вѣщаютъ скудно, непристойно, и несладко. Чегоради, самая первая Отроку Наука, дабы ему послѣ способну быть къ понятію высочайшихъ Мудрости Наукъ и Знаній, есть Грамматіка; а по ней столькожъ, буде не больше нужная, Реторіка. Навыкновеніе разнымъ ЯЗЫКАМЪ, и особливо такъ называемымъ Ученымъ, и тѣмъ, кои гдѣ въ большемъ нынѣ употребленіи, коль есть нужно и полезно, вѣдаютъ вѣдающіи и умѣющіи говорить Языками. Однако, не желалъ бы я отнюдъ, чтобъ кто охотнѣе пщался о пріобрѣтеніи себѣ совершеннѣйшаго искусства въ чужихъ языкахъ, нежели въ своемъ природномъ, и еще съ презрѣніемъ его. Стыдъ, срамъ, и бесчестіе Римляниу не умѣть по Латински, какъ то восклицаетъ Римскій Сатірикъ Ювеналъ! А равнымъ образомъ сіе каждый Народъ къ себѣ приложить можетъ, премѣняя Ювеналовъ Римъ на свое Отечество. Чтожъ до втораго раздѣла Філософіческому составу; то два всеконечно рода свершающихъ

ющихЪ Знаній, по которымЪ, какЪ прежде упомянуто, человѣкЪ совершенно бываетЪ МудрымЪ и ДобродѣтельнымЪ. Первый есть ТЕОРЕТІЧЕСКІЙ или умозрительный; сему роду * Предлежащее есть, Творца и Тварей познаніе: но вторый ПРАКТІЧЕСКІЙ или дѣятельный; а Предлежащее ему, Дѣйствія человѣческія нравственныя, и ихЪ Правило. ТеоретіческихЪ Знаній три: ТЕОЛОГІЯ или богословія ЕСТЕСТВЕННАЯ, ПНЕВМАТОЛОГІЯ, и ФІЗІКА.

* objectum.

Богословія Естественная есть Знаніе, которое единымЪ токмо врожденнымЪ свѣтомЪ разума доказываетЪ, чего БОГЪ, да познаемЪ ЕГО и служимЪ ЕМУ, вЪ естественномЪ состояніи отЪ насЪ требуетЪ; особливожЪ длятого, чтобЪ мы ЕМУЖЪ САМОМУ были благодарны, и имѣлибЪ совѣсть нашу естественно спокойну. Высокая, несравненная, и спасительная Мудрость; такЪ что дивно и странно, чегоради многіи кЪ любопытнымЪ ЗнаніямЪ бо́лшее имѣютЪ прилѣжаніе, нежели рачатЪ сей основательно навыкнуть. НѣтЪ ни Науки, ни Знанія, которое не сіюбЪ за основаніе имѣло, и не сеябЪ ради изучено быть долженствовало. Вотще́ человѣку заповѣдь положится, дабы ему жить по Правдѣ, и разумной Любви, ежели прежде не докажется, что БОГЪ есть, и что ОнЪ его кЪ симЪ, или тѣмЪ дѣяніямЪ предпріемлемымЪ, или отметаемымЪ, обязалЪ. Вотще́ и безсмертіе нашея Души́ утвердится,

буде

буде мы не прежде познаемъ, что есть БОГЪ и предсуществуетъ, и что благосердіе ЕГО сотворило безсмертными Души наши для наслажденія вѣчнымъ блаженствомъ. О! Знаніе: всѣхъ Знаній, Разумомъ постигаемыхъ, Верьхъ и Совершеніе. Сія есть Мудрость, которая научаетъ насъ, что БОГЪ Существо есть пребесконечно дѣйствительное, отъ себя САМОГО предсуществующее, а прочимъ всѣмъ вещамъ бытность дарующее. Сея Мудрости просвѣщеніемъ познаваемъ, что Существо оное пребесконечно дѣйствующее, и предсуществуетъ отъ себя САМОГО, какъ Сущее необходимое, и пресовершенное, коего бытность есть въ самой Естественности, или Его Сущности. Чего ради, да не помышляетъ безумный въ сердцѣ своемъ, нѣтъ Бога: ЕСТЬ БОГЪ: доказывается сіе настоящею и присутствующею вещей бытностію. ЕСТЬ БОГЪ: доказывается бытностію Ума человѣческаго. ЕСТЬ БОГЪ: доказывается бытностію всего дебелаго * Вещества. ЕСТЬ БОГЪ: доказывается внутреннею Ума нашего Совѣстію. ЕСТЬ БОГЪ: доказывается природою Движенія. ЕСТЬ БОГЪ: доказывается всѣянною въ насъ о БОГѢ мыслію. ЕСТЬ БОГЪ: доказывается порядкомъ Причинъ до первыхъ восходящимъ токмо. ЕСТЬ БОГЪ: доказывается * Случайностію всего Міра. ЕСТЬ БОГЪ: доказываютъ непреоборимо сіе и успокоеніе Ума въ Понятіи о БОГѢ, и состояніе въ цѣлости всея Твари, и премудрый Составъ всего Міра, и Животныхъ полъ различ-

* materia.

* contingentia.

различный, и члены ихъ по Дѣйствію и отъ Намѣренія удивительныи, и согласное признаніе всѣхъ во вселенной Народовъ, сколькобъ который ни-былъ въ другомъ прочемъ грубый и невѣжда, и крайнѣйшая безопасность въ признаніи БОГА Праведнаго, нежели не въ признаніи; такъ что не можно не возгласить торжественно: ЕСТЬ и предсутствуетъ БОГЪ прежде вѣковъ безначаленъ, отъ вѣка и во вѣки бесконеченъ! Тогоради, ни проклятому безбожію, ни мерзскому Многобожію, ни ненависному Суевѣрію нѣтъ въ помыслахъ и въ дѣлахъ нашихъ мѣста. Сей, вѣщаю, Мудрости послѣдуя, постигаемъ Свойства и Совершенства БОЖІЯ, * Самостоятельныя, и * Возносительныя; а сіи послѣднія какъ * Естественныя, такъ и * Нравственныя. Постигаемъ изъ Самостоятельныхъ БОЖІЮ Духовность, Довольность, безначальность, бесконечность, Премудрость, Всевѣденіе, Всемогущество, Единство, Непремѣнность; изъ Возносителныхъ Естественныхъ, что Онъ есть ТВОРЕЦЪ твари, что Онъ Хранитель всего, и что Онъ Предусмотритель, Помощникъ, Покровитель, Правитель, и Строитель всему: а по Возносительнымъ нравственнымъ, утверждаемъ въ НЕМЪ благость, благоутробіе, Истинность, Святость, Правосудіе, и Обладаніе Его всѣми нами. Сію Мудрость имѣя въ руководство уразумѣваемъ, что толикому и таковому Существу, должни мы служить внутреннимъ и внѣшнимъ образомъ. Внутреннимъ: любить ЕГО, повиноваться ЕМУ, почитать

* absoluta.
* relatiua.
* physica.
* moralia.

Его

ЕГО, благоговѣть предЪ НИМЪ, вѣрить ЕМУ, уповать на НЕГО; а внѣшнимЪ: взывать ЕГО, прославлять ЕГО, благодарить ЕМУ и покланяться. НаконецЪ, сею Мудростїю осїявшись, исповѣдуемЪ и проповѣдуемЪ, что Она есть начало и истинный вождь кЪ Закону и благочестїю Хрїстїанскому.

Пневматологїя есть Ученїе о ДухахЪ сотворенныхЪ, обЪ ихЪ СвойствахЪ, и о разныхЪ ВидахЪ. ДухЪ вобще есть Существо живое, о всѣхЪ своихЪ ДѣйствїяхЪ свѣдомое. Многїи изЪ ЛюбомудрыхЪ три * Вида сотворенныхЪ ДуховЪ поставляютЪ: видЪ нижнїй, имѣющїй силу приводить Вещество вЪ СпособЪ проницая оное; видЪ среднїй, имѣющїй силу чувствовать Вещество себѣ сопряженное; наконецЪ, видЪ вышнїй, имѣющїй силу Умствованїя. Но какЪ то ни есть; мы токмо предложимЪ то, что сїе Ученїе обЪ Умѣ ЧеловѣческомЪ предлагаетЪ, который есть Существо живое, Силою умствованїя одаренное. РассуждаетЪ Оно обЪ немЪ, или первое, по скольку ОнЪ есть ДухЪ особенный; или вторoе, по колику дѣйствуетЪ вЪ тѣлѣ и тѣломЪ. ИтакЪ, по первому образу доказываетЪ оно, что Душа наша духовна, что размышленїемЪ рассудительнымЪ одарена, что имѣетЪ силу понятїя и хотѣнїя, что она есть самовласна, и что частымЪ УмствованїемЪ и ХотѣнїемЪ прїобрѣтаетЪ себѣ навыкновенїя Мудрости, благоразумїя, и До-

* species.

 бро-

бродѣтели. Но по второму образу предаетъ ея при Понятіяхъ чувствующу, образующу, памятующу; а при хотѣніяхъ требующу, возмущающуся, и наконецъ тѣла члены движущу. Премудрый и Пресвятый Создатель соединилъ Душу съ тѣломъ тѣснѣйше; такъ что есть между ними совершенная * Взаимность въ Дѣйствіяхъ и Страданіяхъ. По силѣ сея все, что къ тѣлу какимъ либо образомъ ни прикасается, отъ Души понимаемо бываетъ; и равножъ склонности Душевные возбуждаютъ въ тѣлѣ Движенія. Способъ ихъ между собою * Соединенія разно Пневматологія предлагаетъ. Есть, кои въ ней утверждаютъ Мнѣніе такъ называемаго * Естественнаго натеченія: тоесть, что Душа чрезъ * жизненныи Духи * вещественно на тѣло, и сіе взаимно на Душу Дѣйствіемъ натекаетъ. Доказываютъ они сіе, что при ослабѣніи тѣла и Душа ослабѣваетъ; что безпорядочнаго состоянія мозгомъ приводится и она въ мысляхъ своихъ въ замѣшательство; что поврежденныя въ Душѣ Дѣянія лѣкарствами исправляются; и что во время какова Ученія, словами учителевыми ученическій Разумъ Совершенство получаетъ. Картезіанская Пневматологія содержитъ Мнѣніе о семъ * Причинъ случай подающихъ; такъ что БОГЪ у нихъ непосредственно по случаю Мыслей производитъ въ тѣлѣ Движенія съ тѣми сходственныя; и по случаю Движеній въ тѣлѣ, онъ же САМЪ и непосредственно производитъ о нихъ Понятія въ Душѣ. Симъ мнѣніемъ утвер-

* reciprocatio.
* vnio commercium.
* influxus physicus.
* spiritus animales.
* realiter.
* caussæ occasionales.

утверждается не токмо бытность божія, но и Дѣйствія, такъ что истинно о Немъ есмы и движемся. Однако, опровергается оно тѣмъ, что едва могутъ быть Уроды, коихъ впрочемъ много: и что не́-былобъ нужды въ законахъ движенія, и съ членахъ тѣлъ художественно состроенныхъ. Лейбніціанская вымыслила Составъ * Согласія предуставленнаго. Сіе есть, по коему безъ всякаго натеченія единыя части на другую дѣйствуютъ тѣла, и дѣйствуютъ такъ, что хотябъ никакихъ не́-было Душъ, а сіи такъ равножъ, что хотябъ ни одного не́-было тѣла; однако обѣ части Человѣка толь согласно и вдругъ дѣйствуютъ, что буттобъ одна на другую Естественно натекала. При опроверженіяхъ и сего Состава неправостію показываютъ ученыи Люди, что Движенія, коихъ требуютъ необходимо Мысли, удержать мы можемъ; что * Ряды мыслей, которыи Согласіе Предуставленное составляетъ, есть токмо * Вымыслъ, и внутренней Совѣсти несогласный; что * Подложеніе сего Согласія, бутто Умъ самъ собою Ідеи вещей понимаемыхъ изъ себя производитъ, есть также по ихъ неправое, инакобъ, могли мы разумѣть, кто незнаемымъ чужимъ языкомъ съ нами разговариваетъ; и что познаніе языковъ не́-былобъ навыкомъ Ума, но тѣла. Содержащіи въ Пневматологіи три части Человѣка установляютъ, что Умъ непосредственно съ Душею, а сія съ тѣломъ также сопряжена, и что тѣло вещественнно на Душу, а сія равножъ на

* harmonia præstabilita.

* series.

* figmentum

* suppositum

Умъ, и напротивъ того, дѣйствiями натекаютъ. Сихъ Доказательства: что часто мы лучшее хвалимъ, а дѣлаемъ худое; что явственному зрѣнiю быть не можно, ежели Душа не будетъ присутствовать въ окѣ; и что чувствiе Жизни и болѣзни, по всему тѣлу разлiянное, требуетъ * сраспростертыя Душй тѣлу. Итакъ, можно о соединенiи Душй съ тѣломъ сказать въ заключенiе, что Вещь явственна, а способъ Сопряженiя невѣдомъ. Впрочемъ, та часть тѣла, гдѣ Умъ всѣ * впечатлѣнiя отъ Чувствъ производимыя воспрiемлетъ, и откуду всѣмъ Членамъ повелѣваетъ, называется * Царственнымъ Престоломъ Ума. Престолъ сей поставляется одними внѣ головы, а другими въ самой головѣ. Древнiи поставляли оный въ сердцѣ: однако, мнѣнiе ихъ противится внутренней Совѣсти. Новѣйшiи въ головѣ утверждаютъ его; но не соглашаются между собою, въ коей бы ему тамъ быть части. Картезiй въ * Железѣ остроголовчетой, или тюричковой; Клерiкъ съ Вортономъ въ * мозолистомъ или шероховатомъ Тѣльцѣ; а Рудiгеръ съ Генрiкомъ-Моромъ въ * продолжающемся отъ Мозга Можжечкѣ. Различающiи Душу отъ Ума, сего Престолъ въ головѣ, а тоя въ сердцѣ поставляютъ; такъ что она, чрезъ кровь на всѣ тѣла * Мышицы, по Iдеамъ отъ Ума, чрезъ животныи Духи въ нея впечатлѣннымъ, дѣйствуетъ. О размноженiиже, или о началѣ Душъ, Пневматологiя

* coëxtensa.
* impressio.
* sedes mentis regia.
* glandula pinealis conarium.
* corpus callosum.
* medulla oblongata.
* musculi.

логія три предлагаетъ мнѣнія, и первое, чрезъ * Пресажденіе отъ Родителей: но симъ бы образомъ какъ Душа была раздираема, что противно Естеству Духа, такъ и многіе Души втунѣбъ уничтожаемы были. Второе: чрезъ твореніе въ самое время зачатія. А третіе: чрезъ * Предсущіе, тоесть, чрезъ Сотвореніе ихъ въ самомъ началѣ Міра. Но по сей самой разности видно, что сіе упасено есть Зиждителемъ отъ Мудрыхъ и Разумныхъ. Однако, о бессмертіи Душй Пневматологія приводитъ толь ясныя и сильныя доказательства, что отнюдъ невозможно, смыслящему Человѣку быть нечестиву въ рассужденіи сего, и не вѣрить твердо, что Души сотворены для наслажденія вѣчнымъ и необрѣтающимся здѣсь блаженствомъ: понеже никакое, никакова рода и вида, никакова избытка, и никакія сладости насытить и удовольствовать желаніе ихъ, быть крайно благополучными, отнюдъ не можетъ. Но всеблагій ТВОРЕЦЪ вложилъ либъ въ нихъ втуне толикое къ крайнему желаніе блаженству! Въ окончаніе о семъ: Онтологія, Теологія Естественная, и Пневматологія, называются всѣ три МЕТАФІЗІКОЮ.

* per traducem.

* praeexistentia.

Припомнить прошу, СС: третіе изъ умозрительныхъ Ученій есть Фізіка, предлагающая вѣроятнымъ, по крайней мѣрѣ, доказательствомъ, естественныхъ вещей * Причины по ихъ * Производствамъ, и также

* caussa.

* effectus.

*modi agendi. же оныхъ *Способы дѣланія. Знанія сего вещи толь многородны, многоплодны, и въ толикомъ числѣ находящіеся, что и Умъ понимающій вмѣстить ихъ, и слово предлагающее оные вкратцѣ, исчислить, мнится, не возможетъ никогда, и никакимъ тщаніемъ. Обладаетъ Фізіка обще всѣмъ чувственнымъ *Веществомъ; а въ немъ *Пространствомъ, *Мѣстомъ, Протяженіемъ или Распростертіемъ, Раздѣльностію, Непроницаемостію, *Очертанностію, Движательностію; такъ что, кто не вѣдаетъ, что въ себѣ есть Движеніе, тотъ отнюдъ не знаетъ всего Естества, какъ то Арістотель произрекъ нѣгдѣ. Сему движенію утверждаетъ она быть, или прикасающимся *Подвиновеніемъ, или отстоящимъ *Привлеченіемъ. Фізіка рассуждаетъ или о Мірѣ исполненномъ всюду Вещества, или о Мірѣ имѣющемъ въ своемъ Распространеніи *Пустоту, по крайней мѣрѣ по разнымъ мѣстамъ разсѣянную: или также о Мірѣ имѣющемъ неисчетныя *Вихри, дабы ему быть въ Движеніи, и состоять въ цѣломъ соединеніи своемъ: или о Мірѣ, коего всѣ части взаимно другъ-другу привлекаютъ къ себѣ силою *умноженнаго самимъ собою такъ называемаго Сходства обратнаго, въ рассужденіи ихъ Разстояній. Она или все восписываетъ Механісму; или пріобщаетъ, для приведенія всего въ способъ, нѣкоторый *Духъ вображающій, и дѣйствующій внутренно въ Веществѣ и необходимо

* materia. * spacium. * locus. * figurabilitas.

* impulsio * attractio

* inane.

* vortices.

*ratio quadrata inversa distantiarum.

*spiritus plasticus, hilarchicus, hylostaticus.

обходимо для извѣснаго конца, коего однако онъ не разумѣетъ. Ея есть знанїе * Образы тѣлъ и * Стїхїи. Ея Качества естественныя поражающїя Око, какъ то свѣтъ, цвѣтъ, очертанїе, темное, и прозрачное; Слухъ, какъ то голосъ и звонъ; Вкушенїе, какъ то сладость, горесть, сольность, пряность, кислость, прѣсность, и безвкусность; Обонянїе, какъ то запахъ добровонный, и зловонный; Осязанїе, какъ то знойное, хладное, теплое, простылое, тяжелое, лехкое, жестокое, мяхкое, текущее, мокрое, сухое, гибкое, кропкое, густое, житкое, масленое, клейкое, плотное, рѣткое, дебелое, тонкое, и упругое. Ея небо, свѣтила, звѣзды, планеты, и кометы. Ея воздухъ, мгла, тучи, вѣтры, бу́ри, огнь, громы, молнїи, дожди, радуги, ро́сы, снѣги, иней, гололедица, мразъ, грады, разныя сїянїя. Ея земля, трясенїе оныя, и все подземное. Ея сѣмена, древа, дре́вца, кусты, тра́вы, цвѣты, цвѣтки, плоды, и все прозябающее и растущее. Ея металлы, мїнералы, и камни, съ пескомъ, иломъ, тиною, глиною, и мѣломъ, какъ со́ли и сѣры, а изъ нихъ простая соль, селитра, купоросъ, квасцы, общая сѣра, варъ, смола, нефть: и какъ то золото, серебро, мѣдь, желѣзо, олово, свинецъ, и ртуть: или какъ то камни простыи, достойныи любопытства, и драгоцѣнныи, а притомъ и раковины.

* forma.
* elementum.

Ея вся вода, источники, ключи, родники, потоки, ручьи, рѣки, озѣра и моря. Ея черви, пауки, муравьи, мухи, мошки, мшицы, саранчи, стрекозы, кобылки, бабачки, и весь родъ змїиный и пресмыкающїйся. Ея рыбы *живородные и *яицеродные въ водахъ плавающїе; а яицажъ, и отъ яицъ пернатые птицы по воздуху парящїе. Ея всѣ *обоюдужительныя, *чрепокожныя, четвероножныя, и всѣ животныя правильныя и уроды. Ея есть, гадательствовать способъ, коимъ Магнитъ привлекаетъ къ себѣ желѣзо; и называть Электрїчествомъ нѣкоторыхъ тѣлъ оное свойство, которымъ, когда они чрезъ тертїе разогрѣются, лехкїя тѣла притягиваютъ къ себѣ изъ довольно чувствительнаго отстоянїя: а буде сила разогрѣнїя увеличится, то изъ прикасающихся тѣлъ къ разогрѣтому, отскакиваютъ искры съ трѣщанїемъ, или иногда безъ трѣску отпрыгиваетъ малый нѣкакїй блескъ, состоящїй изъ остроголовчетыхъ, или тюричковыхъ лучей, такъ что острый ихъ конецъ всегда есть обращенъ къ не Электрїзованному тѣлу. Словомъ, Ея *Предлежащее и самъ есть Человѣкъ по тѣлу, когда она рассуждаетъ и опредѣляетъ о частяхъ онаго, о движенїи его членовъ, о составахъ ихъ, о голодѣ его, о жаждѣ, о бессонницѣ, о спанїи, о снахъ, о рожденїи, о здравїи, о болѣзняхъ, о жизни, и наконецъ о смерти. Да и о чемъ бы тѣлесномъ и въ

*viuipari.
*ouipari.
*amphibia.
*testacea.
*obiectum.

и въ Естествѣ обрѣтающемся сотворенномъ Фізіка не мудрствовала? Доходитъ она до причинъ *Явленій и разными еще *Опытами; что и называется Фізікою *опытною. При Опытахъ тѣхъ, *Естествённикъ разговариваетъ бесѣдуя съ Естествомъ, весьма забавнымъ образомъ: Онъ у него вопрошаетъ маханіемъ; а оно ему отвѣтствуетъ то мгновеніемъ, то мановеніемъ, то отказывающимъ качаніемъ. Щасливъ! кто могъ познать причины вещей, возглашаетъ Віргілій въ Земледѣльныхъ своихъ Книгахъ. Впрочемъ когда Фізіка о силахъ причинъ, о способахъ, и о дѣйствіяхъ ихъ рассуждаетъ по Качеству; то сія собственная и первѣйшая ея есть должность: но когда по Количеству; то сія Фізіка есть Математіческая. По сему точно и именуются *Смѣшенныя Математіки Ученія, иное Астрономіею, ежели о свѣтилахъ, объ ихъ движеніи, и о расстояніяхъ ихъ взаимныхъ умствуемъ; иное Географіею, если землю мѣрою описываемъ, и на части раздѣляемъ ея поверхность; иное Гідрографіею, буде о теченіи водъ и мόря счисленіе производимъ; иное Гномонікою и Хронологіею, когда времена и лѣта по движенію небесныхъ свѣтилъ опредѣляемъ; иное Оптікою, когда свόйства свѣтоносныхъ лучей разбираемъ; иное Акустікою и Мусікіею, когда звоновъ и согласій сходства счетаваемъ; иное Аэрометріею, когда силу воздуха расчисляемъ; иное Форономіею, когда движенія

* Φαινόμενα.
* δοκιμασία ἐμπειρία. * experimentalis.
* physicus.
* mixta adplicata.

движенія Уставы подъ исчисленіе приводимъ; иное напослѣдокъ Механікою, когда движущую силу твердыя тѣла измѣриваемъ: а изъ Художественныхъ Наукъ, одну токмо Архітектуру Гражданскую, Военную, и Морскую, Математіческому числу и мѣрѣ подвергаемъ. И да окончу о Фізіческомъ Ученіи, говоря съ мудрымъ нѣкоторымъ Мужемъ настоящаго вѣка, что „ „ хотя Всемогущій ЗИЖДИТЕЛЬ Твари и „ преградилъ намъ путь къ достиженію до „ самаго твердаго познанія естественныхъ „ вещей; однако, довольно съ насъ знать „ и толико, чтобъ мы о безначальномъ и „ безконечномъ Всесовершенствѣ ТВОРЦА „ нашего увѣриться, гнусность Сусвѣрія „ попрать, и истребить, а тѣла нашего „ здравіе соблюсть, защитить, и снабдить возмогли. Ибо, ежелибъ смертнымъ Человѣкамъ всѣ естественныя чудеса и тайны во всей своей полнотѣ извѣсны были; тобъ престали они дивиться, и купно, можетъ быть, не „ преминулибъ Премудраго СТРОИТЕЛЯ „ всего Свѣта не въ толикомъ имѣть почтеніи: не упоминая ужé, чтобъ развращенныхъ нравовъ люди, когдабъ они „ силы Естества познали совершенно, уловили случай къ дѣйствительнѣйшему повреждѣнію другихъ. Но настанетъ-либо „ время, въ кое еще нѣчто, Роду человѣческому полезное, нынѣ сокровенное и „ невѣдомое, произведетъ на Свѣтъ должайшаго вѣка трудолюбіе и раченіе „.

Слѣ-

Слѣдуютъ Практическія или Дѣятельныя Ученія. Изъ сихъ есть во первыхъ ФІЛОСОФІЯ НРАВСТВЕННАЯ, и потомъ ФІЛОСОФІЯ ГРАЖДАНСКАЯ, или ПОЛІТИКА. Нравственная Філософія можетъ имѣть основательно тричастный раздѣлъ: первый есть *ПРАВО ЕСТЕСТВЕННОЕ, въ которомъ предаются Правила *Правды: вторый ЭѲІКА, въ коей ЧЕСНОЕ и *ДОСТОЛѢПНОЕ изъясняется, именножъ Добродѣтель. О сихъ двухъ раздѣлахъ мы уже нѣкоторое понятіе сообщили, когда изображали словомъ Человѣка любящаго по всему Правду, Чесность, и благопристойность. Третій есть, ПАТОЛОГІЯ, тоесть Ученіе о *СТРАСТВОВАНІЯХЪ или Пристрастіяхъ Человѣческихъ. Патологія по своему Существу есть: Способъ Воли, коимъ нашъ Умъ представляя себѣ доброе и злое, чрезвычайно прекланяется къ полученію онаго, а къ убѣжанію отъ сего, равно какъ и Кровь, и жизненныи Духи въ тѣлѣ возмущаются особливо, для Человѣческаго сохраненія. Превеликая въ древнія времена была распря между Стоіческими и Періпатетіческими Філософами о добротѣ и порочности Страстей. Одни, и то Стоіки, всякую Страсть утверждали быть злою, и разуму противною; но Другіи называли злыми Пристрастія необузданныя, а добрыми умѣренныя и повинующіяся рассужденію. Итакъ, тѣ требовали въ Мудрецѣ * бесстрастія; но сіи * Мѣрнострастіе Філософу препоручали. Но что сіе?

*ius naturae.
* iustum.
* honestum.
* decorum.
* passiones adfectus perturbationes.
*ἀπάθεια
*μετριοπάθεια.

Мно-

Много вопля ; однако о словахъ , а не о вещахъ сїе ихъ было прѣнїе. Ежели Страстность клонится къ вещи и концу закономъ ни завѣщанному , ни запрещенному ; то
ἀδιάφορος Страсть есть * неразнственна , тоесть ни добра , ни зла. будежъ къ повелѣнной и позволенной вещи ; то Пристрастїе есть нравственно добро. Но всякая Страсть зла есть , когда она стремится какъ къ вещи и окончанїю Закономъ запрещенному , такъ и когда къ вещи хотя позволенной , однако не съ достодолжною степенїю и напряженїемъ. Слѣдовательно , всѣ обще Страствованїя или добры , или злы , или ни злы и ни добры : добрыя требуютъ побужденїя , злыя воздержанїя , а неразнственныя обоего. Страстности вобще даны намъ для того , чтобъ имъ быть орудїями нашего блаженства какъ внутренняго , такъ и внѣшняго , тоесть , способѣшествовалибъ онѣ спокойствїю душевному здравїю нашему , и безопасности въ сожитїи. Но въ особливости : да мы будемъ тверды въ добромъ , и да отбѣгаемъ отъ зла. Да онѣ будутъ сѣменами Добродѣтелямъ. Да удерживаютъ Человѣка въ должности. И да наконецъ , помощь подаютъ снабдѣнїю нашего здравїя. Сїи суть Пристрастїя * правыя и мѣрныя , кои Человѣку полезны ; но * пребезмѣрные и необузданные страсти несказанно вредны : онѣ помрачаютъ умъ , затмѣваютъ разумъ рассужденїе , ослѣпляютъ , и развращаютъ

*ἐρθοπάθεια. *κακοπάθεια,

въ умствованіи порядокъ. Онѣ повреждаютъ тѣло, части его или чрезвычайно стисняя, или расширяя чрезмѣрно; чемъ гибнетъ равновѣсіе между твердыми зыблющимися, и жидкими текущими. Онѣ напослѣдокъ тлетворною язвою и всему человѣческому Обществу, когда, истребивши миръ и тишину, токмо что смятенія, распри, и брани разсѣваютъ, и притомъ къ различнымъ злодѣйствамъ, съ превеликимъ вредомъ Роду нашему, человѣковъ побуждаютъ и ожесточаютъ. Источникъ всея сея злости въ Страстяхъ, есть общее человѣческому естеству растлѣніе, о коемъ богословы научаютъ; но Філософы полагаютъ тому естественную причину, именножъ, что мы по большой части * Образованіемъ нашимъ о добрѣ и злѣ судимъ: ибо Образованіе не представляетъ вещей, каковы онѣ сами въ себѣ, но или ихъ увеличиваетъ, въ чемъ состоитъ излишество Страстей, или умаляетъ, а отъ сего недостаточны бываютъ Пристрастія: одно твердое разсужденіе знаетъ ихъ достодолжную средину. Но есть и врачевство на пребезмѣрные Страсти. Лѣкарства его, или предохраняющія, или исцѣляющія отъ такихъ возмущеній. Можемъ отъ нихъ предохраниться, когда пріобрѣтаемъ себѣ внутреннее о насъ самихъ познаніе. Когда будемъ удостовѣрены, что тотъ несравненную ни съ какою вольность имѣетъ, и бóльшимъ всякаго помышляемаго пользуется въ жизни преимуществомъ, кто такіе свои

Страсти

ὀξυπάθεια, ποσιπάθεια. [margin]

* imaginatio.

Стра́сти всегда приводитъ въ мѣрность, и ихъ преодолѣваетъ. Когда прилѣжно опасны бываемъ въ са́момъ Страсти началѣ такъ что самое первое непорядочное движеніе и волненіе утоляемъ, и обуздаваемъ стремленіе и по́рывъ. Когда убѣгаемъ отъ содружества съ злыми, а сообщаемся съ добрыми. Когда тщательно удаляемся отъ случая и отъ вещи Страсть возбуждающія. Когда исправно ежедневнымъ освидѣтельствованіемъ слѣдуемъ сами въ себѣ, колико утолены, или обузданы наши Страсти. Когда глубокимъ вниманіемъ наблюдаемъ страданіе и дѣла́ неистово въ Злострастіи поступающихъ. Когда блюдемся, чтобъ ни въ какой недостохвальной Страсти частымъ повтореніемъ не пріобрѣсть намъ способности, и вкорененныя твердости: обыкновеніе другая есть природа. И когда такой себѣ уставъ полагаемъ сами, чтобъ за каждую страственную Погрѣшность, въ казнь или нѣсколько раздать денегъ на милостыню, или себя лишить вещи намъ любезныя. Но цѣлить можемъ Стра́сти: Ежели къ противному Пристрастію и мѣрному противъ пребезмѣрныя оныя Стра́сти обращаемся. Ежели о Стра́сти нашей помышленіемъ услаждаясь отвратимся отъ нея, и начнемъ нѣчто другое мыслить и дѣлать. Ежели станемъ имѣть дружество съ такими, кои противному Страстьованію нашимъ Страстямъ, но притомъ не безмѣрному, подвержены. И ежели напослѣдокъ, какъ

скоро

скоро чрезвычайное въ насъ здѣлается возмущеніе, разсужденіе наше удержимъ, и наружное отложимъ дѣло. Всѣмъ Страстямъ поводъ есть УДИВЛЕНІЕ: сего сопруги, ПОЧТЕНІЕ и ПРЕЗРѢНІЕ. Но корень Страстей, есть САМОЛЮБІЕ. Главнѣйшіе Страсти: Любленіе и Ненависть. Изъ сихъ непосредственно происходящіе: Желаніе и Нехотѣніе. Изъ прошедшихъ смѣшанные: Надежда и Страхъ; Радость и Печаль; Гнѣвъ и Доброхотство. Изъ всѣхъ же сихъ многіе проистекаютъ другіе, о которыхъ Патологія предлагаетъ, присовокупляя доброе ихъ употребленіе и злое, а на злое сіе цѣльбу. Толь знаменитую Пользу приноситъ описанное нѣсколько сіе Знаніе!

Осталось предъявить о Гражданской Философіи или Политикѣ. Она есть Ученіе, какъ по правиламъ Правды Городъ учредить, и учрежденнымъ править. Итакъ, Предлежащая вещь сему Ученію есть, * Общество сожитія человѣческаго. Описываетъ оно во первыхъ такъ называемыя * Простыя Общества, которыя суть: Общество Супружеское; изъ сего происходитъ Общество Отеческое; а послѣднее есть, Господское. Потомъ предаетъ оно, что простыя Общества составляютъ Домы; многіи Домы Городъ; многіи Городы Царство; а многія Царства Имперію. По долгомъ разсужденіи о Формахъ Правленій, коими управляются Общества, какъ то о * Демократическомъ, * Аристократическомъ, * Олигархическомъ, * Монар-

* societas.

* simplices societates:

* народодержавіе.

* благородныхъ держава.

Монархіческомъ, и о разныхъ Обязательствахъ и Должностяхъ гражданскихъ, чего всего, коль ни важнаго, краткость предложить не попускаетъ, притомъ также и о такъ называемыхъ смѣшанныхъ Державахъ, производитъ Політіка доказательства о * ВЛАСТИ ВЕЛИЧЕСТВА, и заключаетъ, что ВЕЛИЧЕСТВО имѣетъ Право Законы предписывать, и къ исполненію обязывать; Суды установлять, и Расправою судить; Смертію казнить, и Животомъ жаловать; производить въ Градоначальники, и низвергать; Дани и Подати налагать, Цехи Художниковъ и Купцовъ заводить, Университеты и Академіи устроять и снабдѣвать, въ Церьквахъ и Церьковникахъ благочинію быть повелѣвать, и все что къ общему Спокойствію и Потребности служить можетъ, то вводить; также Войско набирать, и имѣть Тѣлохранителей, брань начинать, и заключать Миръ, въ Союзы вступать, и рассылать Посольства: а при всемъ томъ найденый Кладъ и Сокровище себѣ присвоять, Металлы на себя копать, Монету своимъ токмо Именемъ печатать, и въ народъ пускать, да и прочее многое, всежъ въ пользу Подданныхъ служащее, оную размножающее, и обще всѣхъ, и каждаго особливо въ цвѣтущее Состояніе приводящее, такъ что ПРАВО ВЕЛИЧЕСТВА есть само по себѣ, истинный ОТЕЦЪ ОТЕЧЕСТВА. Ибо Философія Гражданская, по исчисленіи многихъ вредныхъ и смертоносныхъ

Margin notes: • не многихъ народчиныхъ началъствованіе. • единоначаліе царское. * ius maiestatis.

сныхъ Неудобностей, во всѣхъ прочихъ Формахъ Правленій, утверждаетъ и разумомъ и опытомъ, что Монархическое Начальствованіе есть всѣхъ лучше, выгоднѣе, полезнѣе, и преславнѣе Обществу.

Въ семъ состоитъ вся Мудрость Человѣческая, называемая инако Внѣшнею: ибо Духовная Мудрость есть внутреннѣйшая, и превозносящаяся выше Человѣческаго Умствованія, однако нимало не прекословящая оному; выше есть Разума, но не противъ Разума, какъ почерпаемая въ божіемъ неложномъ и достовѣрномъ Откровеніи, тоесть, въ Святомъ Писаніи ветхаго и новаго Завѣта. Да и сего ль послѣдняго о Мудрости вобще не воспомяну? Она никогда не бываетъ сама ради себя, но всегда служитъ или благоразумію, или Добродѣтели. О сихъ точно и продолжится послѣдующее Слово, и прежде о благоразуміи; но о Томъ и Другой, сколько возможно, кратчайше, и токмо какъ изводя ихъ на нѣкоторый Театръ; а показавъ явно всѣмъ Смотрителямъ, вскорѣ укрою отъ зрѣнія Завѣсою, да возлюбившій ихъ самъ къ нимъ прибыть не облѣнится, видѣть ихъ, бесѣдовать съ ними, и вступить въ крайнее содружество.

Мудрости есть, не предначинать никакова дѣла не для законнаго, и не достохвальнаго Окончанія. Но какъ получить вожделѣнный Успѣхъ безъ Сред-

ствія? И се посиѣшествуетъ къ тому БЛАГОРАЗУМІЕ. Сіе такое Ума нашего есть Навыкновеніе, которое точныя Средствія, къ полученію Конца отъ Мудрости предложеннаго, и полученнаго къ сохраненію, изобрѣтаетъ, избираетъ, и прилагаетъ къ дѣлу. Изъ сего всякому разумно есть, что, при изобрѣтеніи Средствій, необходимо нужно вопервыхъ углубленное

*attentio. *ВНИМАНІЕ. Симъ благоразумный Мужъ сильно духъ свой напрягаетъ, и рассматриваетъ всѣ Околичности дѣла, испытывая прилѣжно, какая въ нихъ утаевается Помощь, поспѣшествующая Окончанію, или Препона, останавливающая Произведеніе. Посему, знакъ есть крайнія Несмысленности, когда кто не можетъ примыслить Способовъ къ Концу ведущихъ. Второе, при избраніи Средствій благоразумный Человѣкъ употребляетъ

*discretio. *РАЗБОРЪ, которымъ отъ изобрѣтенныхъ Способовъ отлучаетъ не весьма дѣйствительныи, а воспріемлетъ самыи пристойныи, имѣющіи соединеніе, по крайней мѣрѣ, вѣроятное съ намѣреннымъ Концомъ, и оный сильно производящіи. Таковы Средствія Законныя, и божіимъ Уставамъ непротивныя: ибо дѣйствовать по Несправедливости, истинное есть безуміе, и скорой, да и достовѣрной пагубѣ причина. Таковы Средствія благопристойныя, мѣсту, времени, и Особамъ приличныя: нѣтъ въ томъ разума, а великое въ немъ бесстыдство, кто не достолѣпно

столѣпно дѣла свои отправляетъ. Таковы Средствія Лехкія, и которыя простымъ, краткимъ, и обыкновеннымъ образомъ начатое совершить могутъ: такъ что глупость есть совершенная, искать того окружностями, что способнѣе прямо отправиться можетъ. Таковы точно и безопасныя Средствія, и кои безъ вреда жизни, безъ гибели имѣнію, и другому собственному добру, быть могутъ употреблены: въ семъ есть всеконечное неразуміе, когда кто себя, и все свое не нужному бѣдствію подвергаетъ, хотя впрочемъ и много есть такова добра, которое превеликими трудностями окружено, а Мудрость отъ насъ требуетъ, дабы оное намъ себѣ пріобрѣсть, какъ то Побѣду и Миръ; но въ такомъ случаѣ не противно есть благоразумію, жизнь и имѣніе попускать на щастие: токможъ рассудивъ сперва о силахъ, усмотрѣвъ благовременный случай, и употребивъ всѣ надлежащіе мѣры. Третіежъ, въ приложеніи Средствій къ дѣлу, потребна благоразумному * СМОТРЕЛИВОСТЬ. По сей, въ самомъ употребленіи и произведеніи Способовъ, такъ онъ обращается, что настоящіе окресности Поступку его показываютъ ему дѣйствительною: извѣстенъ онъ, что въ семъ самомъ кто имѣетъ Предохраненіе, тотъ можетъ надежно поздравить себя благополучнымъ Успѣхомъ.

* circumspectio.

Благоразумная такая обратность есть не единовидна. Дѣйствуетъ благоразуміе

иногда или явно и искренно, предвозвѣщая всѣмъ намѣренія; или тайно и скрытно, утаевая совѣты, и предполагая подмѣнныи: иногда или прямымъ образомъ, прилагая Средствія имѣющія непосредственное соединеніе съ намѣреннымъ Окончаніемъ, и производя оныя должнымъ порядкомъ, и путемъ кратчайшимъ; или посторонимъ, тоесть, косвенными обходами, и употребляя Способы имѣющіи удаленнѣйшее соединіе съ Окончаніемъ: иногда напослѣдокъ или медлѣнно, еще и медлѣннѣйше до намѣреннаго Конца тщится достигнуть; или отвергнувши всякую непоспѣшность, и собравшись со всѣми своими силами, къ вождѣлѣнному и предпріятому спѣшитъ и стремится. безуміе есть, недѣйствительный и непристойный, къ отправленію дѣлъ употреблять способъ: благоразуміе съ дѣломъ обходится какъ обычайно, когда явно и прямо; такъ и чрезычайно, когда тайно, скрытно, и косвенно движется преуспѣвая. Ибо притворяется оно тогда показывая чего нѣтъ, а укрывая что въ самомъ есть дѣлѣ; и такъ то старается здѣлать, чему инако здѣлаться невозможно. И поистиннѣ, когда первѣйшій несмысленныхъ трудъ туда клонится, чтобъ и самыя лучшія умныхъ предпріятія Людей препятствіями опровергнуть; то благоразумный Мужъ долженствуетъ всякимъ образомъ предохраняться, да не хитрыхъ ухищренія да не злыхъ остервѣненіе, и да не безумныхъ бесстыдство и наглость прине-

принесутъ дѣламъ его повреждение и остановку : онъ оберегается еще , для сегожъ самаго , и въ растлѣнномъ нашемъ естествѣ отъ недостойныхъ , и чрезмѣрно кипящихъ волненіемъ пристрастій.

Однако , не довольно того , да намѣренный конецъ достодолжно и достолѣпно пріобрящется : благоразуміе далѣе простирается , и всячески печется , чтобъ полученное Добро сохранить. Для сего , нужно есть * ПРОВИДѢНІЕ , кое учреждаетъ настоящее , и предусматриваетъ будущее. Симъ благоразумный Мужъ отъ преизбыточнаго удаляется безопасства : вѣдаетъ онъ , что въ человѣческихъ случаяхъ нѣтъ ничего извѣснаго и постояннаго ; чего ради , прилѣжно предзрѣть тщится всѣ приключенія , и уклониться отъ угрожающихъ ему , лишить его благополучія. Праведное есть изреченіе нѣгдѣ обрѣтающееся : (a) „ Не меньшая есть Добродѣтель полученное хранить, коль и о полученіи стараться „. Слѣдовательно , знакъ есть глупости , нерадѣть отнюдъ о пріобрѣтенномъ Успѣхѣ , и не тщаться о соблюденіи полученнаго Добра. Есть сіе причиною , что несмысленныи и нерадивыи люди , радующіися нынѣ въ сердцѣ о своемъ блаженствѣ , воутріе о погубленіи онаго болѣзнуютъ , горькими умываясь

*prouidentia.

(a) Nec minor est virtus , quam quærere , parta tueri.
Ouid.

ясь слезами. И въ сихъ точно и токмо, именножъ, въ углубленномъ ВНИМАНІИ, въ рассудительномъ РАЗБОРѢ, въ тонкой СМОТРЕЛИВОСТИ, и въ остромъ ПРОВИДѢНІИ, состоитъ существенная природа всего благоразумія; коего должность есть, „показывать СПОСОБЪ къ употребленію, „и СПОСОБНОСТЬ въ употребленіи СРЕДСТВІИ.„ А соперница его Несмысленность, симъ есть недостаточна и порочна, что она или ухищряетъ, или бесстыдствуетъ, употребляя по первому подложныя, но по второму наглыя къ дѣйствію Орудія.

Врожденна есть намъ Сила благоразумія; но благоразуміе не природно: оно есть Навыкъ разума: снискивается оно трудомъ и раченіемъ. Попеченіе сіе о пріобрѣтеніи благоразумія, требуетъ вопервыхъ всемѣрно УЧЕНІЯ: да и должно притомъ тщательно читать ІСТОРІЧЕСКІЕ КНИГИ; должно въ нашихъ и чужихъ дѣлахъ наблюдать не токмо паденіе, и причины дѣлъ нещасливо окончавшихся, но еще и способы, коими какъ мы себѣ, такъ и другіи благополучный успѣхъ получили. Требуетъ купно желаніе, быть благоразумнымъ, и частаго Употребленія еще, сверьхъ Ученія, Чтенія, и Примѣчанія: полезно намъ самимъ собою дѣйствовать, по елику силы наши возмогаютъ, и насъ допускаютъ къ дѣланію: Употребленіемъ раждается * ИСКУССТВО, по самой истиннѣ Отцемъ благоразумію нарицаемое. Есть впрочемъ и степени въ благоразу-

* experientia.

горазуміи : ибо есть въ немъ верьховность, посредство, и нискость. Снискавшій себѣ долговременнымъ употребленіемъ толикое обиліе и твердость рассужденія, что, собственными своими силами, во всемъ себѣ добрый совѣтъ подаетъ, по оному начинаетъ дѣло, порядочно сіе производитъ, и всегда получаетъ вождеслѣнный успѣхъ, не превосходствуетъ ли предъ прочими благоразуміемъ? А и неспособный хотя къ подаянію себѣ самъ совѣта, однако увѣщанія отъ другихъ охотно пріемлющій, напоминаній ихъ слушающій, и ими правимъ быть непрецающійся, не вторагоже чина есть благоразумный? Послѣдній есть сей въ благоразуміи, или справедливѣе, сей точно есть безуміемъ ослѣпленный, который ни самъ себѣ здравый совѣтъ подать не въ состояніи, и ни другимъ подающимъ оный не внимаетъ; но всегда наполненъ собою, слѣпотствуетъ о сверсныхъ, и мнитъ, о! бѣдность, и жалости и смѣха достойная, мнитъ о себѣ, но и высокоумно, что будто онъ, и ничего отнюдъ невидя, или нѣчто усмотрѣвая, много, еще и все несравненно лучше всѣхъ прочихъ видитъ. Какъ же не возопить еще? бѣдность! подлая бѣдность! не больше сожалѣнія, коль поруганія удостоющаяся.

Да различается благоразуміе отъ разныхъ разно: мы заблаго рассуждаемъ положить общаго раздѣла его основаніе на трехъ блаженства человѣческаго Степеняхъ. Извѣсно уже, что блаженство наше есть или

Гражданское, на безопасствѣ въ сожитіи утвержденное; или Нравственное, въ здравіи тѣла, и въ спокойствіи духа нашего состоящее, или напослѣдокъ Духовное, пребывающее въ соединеніи съ БОГОМЪ: то и благоразуміе преизрядно раздѣлится на ПОЛІТІЧЕСКОЕ, ѲѲІЧЕСКОЕ, и ХРІСТІАНСКОЕ. Но не касаюсь я къ Політіческому, а въ немъ къ законодательному, къ судебному, къ расправному, къ казнительному, къ жаловательному, и къ казенному: недостаточно будетъ мое слово, когда Помазанница БОЖІЯ, а САМОДЕРЖИЦА наша ЕЛІСАВЕТА ПЕРВАЯ, самымъ дѣломъ предъизъявляетъ всѣмъ совершеннѣйше, полагая Уставы спасительныи, судя правосудно и милостиво, производя въ достоинства достойныхъ, наказывая токмо, а не смертію казня за преступленія, и наказывая еще меньше, нежели награждая за услуги по равномѣрности, и имѣя едино почитай токмо попеченіе, дабы своихъ снабдить и обогатить подданныхъ. Не распространяю рѣчей и о Хрістіанскомъ благоразуміи, да и въ немъ первое о Пастырскомъ, которое есть, чтобъ явный Вѣры и Дѣлъ благочестивыхъ подавать другимъ образъ, и симъ блистая свѣтомъ предъ человѣки, показывать имъ добрыя дѣла къ прославленію общаго ОТЦА, сущаго на небесѣхъ; чтобъ кротко и смысленно заблуждающихъ въ Православіи и во нравахъ исправлять; чтобъ утѣшеніе Евангельское, и Закона устрашеніе къ различ-

ному душъ состоянію прилагать; и чтобъ настоять, и наставлять благовременно и безвременно овецъ стада Хрістова: второе, о составляющемъ Церьковь, дабы пасомымъ БОГА истинно почитать; дабы взаимное созиданіе въ Правовѣріи и въ Правослуженіи имѣть; дабы лицемѣріемъ, суевѣріемъ, грубымъ невѣжествомъ, и развращеніемъ нравовъ никогда имъ не заражаться; и дабы плоти, и міра сластями отъ благодати Хрістовы, и отъ дружества съ БОГОМЪ не отпасть, но, совлекаясь ветхаго человѣка, а облекаясь въ новаго, обновляемаго въ разумъ по образу Создавшаго его, божественный въ себѣ сей образъ и подобіе ежечасно бъ возобновлять, и пещись о томъ единственно. Имѣемъ правильно * рукоположенныхъ Іерарховъ и Іереевъ, послѣдовательныхъ Преемниковъ Апостольскихъ, которыи о всемъ томъ въ віноградѣ Хрістовѣ трудятся, да онъ принесетъ плодъ сторичный. Предлагаю токмо о благоразуміи Ѳеіческомъ, тщащемся вѣрно о пріобрѣтеніи человѣкамъ блаженства Нравственнаго и Внутренняго, тоесть, душевнаго ихъ спокойствія, и здравія тѣлеснаго.

* Χειροτονηία.

Душеспасительное благоразуміе! которое научаетъ Способу, какъ добрыя Страстнованія ободрять, злые Страсти утолять, неразнственныя Пристрастія управлять, и чрезъ то въ Навыкѣ преуспѣвать Добродѣтелей. Ибо какъ Мудрость подаетъ причины побуждающіе къ Добродѣтели, показывая вредъ, каковъ отъ пороковъ, и пользу, кою

отъ

отъ Добродѣтелей мы получаемъ: такъ и благоразуміе представляетъ Средствія, которыми изряднѣе всѣхъ порочные Страсности въ насъ утишиться могутъ, и пріобрѣстись Навыкновеніе Добродѣтели. И сіе само есть Добронравное. бесцѣнное благоразуміе! которымъ, по состоянію нашего природнаго сложенія, и по наружнымъ вещамъ прикасающимся къ тѣлу, разсуждаемъ, что ему есть вредно, и что полезно: тоесть, когда симъ вразумлени, не того ради живемъ, чтобъ ѣсть лакомо, но для того ѣдимъ вмѣру, чтобъ намъ жить долго; и когда не порываемся, за чужія здравія не трезвымъ ядомъ опоевать и убивать исподоволь собственное наше. Сіе есть Діететіческое: съ нимъ не надлежитъ сливать Медіческое, кое цѣлительное есть, и потому до Врачей особенно принадлежащее, такъ что никто другой продерзостно оное себѣ присвоять не долженъ. Плодоносящее благоразуміе! которое руководствомъ намъ есть къ законному имѣнія пріобрѣтенію, снисканнагожъ къ сохраненію, и какъ съ плодомъ къ расточенію, такъ и различнымъ и позволеннымъ прибыткомъ къ умноженію онаго. Сіе точно есть Экономіческое. Полезное и достохвальное благоразуміе! которое преднаписываетъ правила, какъ съ другими осторожно и благопристойно обходиться. Ибо, когда другими людьми щастіе наше или производится, или низвергается; то благоразумнаго Мужа есть дѣло,

въ

вѣ наружныхѣ дѣйствїяхѣ такѣ себя весть осмотрительно, чтобѣ у другихѣ не притти вѣ презрѣнїе, и имѣ бы, за досады отѣ насѣ, не омерзѣть, но чтобѣ заживать себѣ прїятелей и друговѣ, а сѣ непрїятелямибѣ и недоброхотами или примиряться, или вредныя ихѣ намѣренїя предупреждать, и обращать вѣ ничто. Сїе благоразумїе, есть благоразумїе научающее обхожденїю сѣ другими, и называемое отѣ Любомудрыхѣ Гомїлетїческимѣ.

Но да не погрѣшаемѣ и вѣ числѣ благопрїятствующихѣ намѣ, и враждующихѣ на насѣ: Никто есть толь глупѣ и развращенѣ, чтобѣ не изобрѣлѣ онѣ себѣ друговѣ. Никто толь мудрѣ и добродѣтеленѣ, чтобѣ не имѣлѣ себѣ нéдруговѣ. И едва кто есть, кой илибѣ всѣмѣ былѣ другѣ, или всѣмѣ былѣ бы нéдругѣ. Имѣющїй многихѣ друговѣ, не меньше и нéдруговѣ себѣ имѣетѣ. Тотѣ благополученѣ токмо, который какѣ не многими прїятелями, такѣ и не многими непрїятелями привѣтствовать себѣ можетѣ. Вкратцѣ: Чистосердїе привлекаетѣ многихѣ себѣ вѣ дружбу; а Ласкательство весьма малымѣ числомѣ пользуется прїятелей. Напослѣдокѣ, излишнее любопытство, и нескромное велерѣчїе низвергается стремглавѣ вѣ пропасть непрїязней премногихѣ. Того ради, наставляетѣ насѣ благоразумїе, первое, дабы мы, смотря по состоянїю, чину, и лѣтамѣ Особѣ, поступали сѣ ними, такѣ чтобѣ со всѣми умѣренно и

кротко

кротко, съ вышшими покорно и почтенно, съ равными учтиво и услужно, а съ нижшими благосклонно. Второе, дабы разность друговъ прилѣжно наблюдали: ихъ почитай три рода. Иныи не хотятъ намъ вреда; но и пользы не желаютъ. Иныи доброжелательствуютъ намъ; но безъ собственнаго своего ущерба. Иныи, наконецъ, все истощаваютъ, да намъ учинятъ пособіе. Слѣдовательно, не должно того ожидать отъ друговъ первыхъ и вторыхъ, что токмо послѣдніи обыкновенно приносятъ. Третіе, да мы совершенно различаемъ и враговъ, кои равнымъ образомъ не одного жъ рода. Нѣкоторыи хотя благополучію нашему завиствуютъ; однако о препонѣ оному не промышляютъ и не тщатся. Нѣкоторыи всякимъ способомъ щастіе наше опровергнуть и истребить стараются; однако безъ намѣренія вринуть насъ въ напасть. Но нѣкоторыи предъ всѣми прочими толь злобны, что непрестанно туда стремятся, да мы будемъ неблагополучнѣйшими, причиняя всякое зло, коимъ мнятъ бѣдность нашу и бѣдствіе увеличить. Оныхъ первыхъ благодѣяніями примирять себѣ можемъ; тѣхъ вторыхъ обиды долженствуемъ несть терпѣливно, и злое ихъ намѣреніе отвращать безъ наглости: но сихъ третіихъ нападенію сильно и мужественно возражаему быть, повелѣваетъ благоразуміе. Ибо, (b) „не „имѣетъ

(b) Mentem non habet, qui recto tempore iram non habet. Senec. de Ira.

„ имѣетъ тотъ ума, кто въ надлежащее „ время гнѣва не имѣетъ „, толь наипаче, что, по опыту, есть, кои отъ снихожденія злѣйшими, а отъ сопротивленія имъ добросовѣснѣйшими бываютъ. Превеликое и преславное нѣчто есть Мудрость; но ни мало не меньше и благоразуміе несравненное ни съ чемъ въ жизни, кромѣ Добродѣтели.

ЧТо Мудрость и благоразуміе есть для Разума; то самое Добродѣтель въ рассужденіи Сердца. Первые обѣ просвѣщеніемъ служатъ оному; а Добродѣтель озаряетъ исправленіемъ сіе: она къ мудрому Должностей нашихъ рассмотрѣнію, и къ употребленію ихъ благоразумному, присовокупляетъ еще поспѣшное исполненіе сихъ же. Но что есть сіе толь драгое Имя, и толь красная Вещь и благолѣпная? Что есть сія вселюбезная и великоименитая Добродѣтель? Она есть Навыкъ воли нашея, по силѣ коего, разумною кто возбужденный Любовію, должности преднаписанные въ Законѣ охотно исполняетъ. О! вещь, О! дѣйствіе, О! плодъ, О! польза. Что въ жизни нашей можетъ потребнѣе быть сего и дражайше? Премного поистиннѣ Мудрость, премного и благоразуміе пользы приноситъ Человѣку, еще и превозноситъ его Величествомъ предъ всѣми Животными, и токмо что малымъ чемъ не равняетъ съ Небожительными Силачи; но болѣе по всему и во всемъ Добродѣтель: безъ тѣхъ, въ Человѣкѣ надле-

жит

житъ быть скотствованію, но безъ сея звѣрству; звѣрству? еще и Діагольству, которое всея Добродѣтели совлекшись, дышетъ токмо злобою, гнусностію, и всякимъ скаредствомъ. Еслибъ нужда настала быть необходимому изъ трехъ сихъ Добротъ единыя коея избранію; тобъ казалось, что лучшебъ въ такомъ случаѣ быть, по предпочтенію, добродѣтельнымъ единственно Человѣкомъ, когдабъ ужé не позволялись притомъ къ совершенству Человѣчества прочїе двѣ, Мудрость и благоразумїе. Добродѣтель отнюдь никому и ни себѣ вредительна быть не можетъ: тѣмъ бы сáмымъ лишилась природнаго своего Существа, ежелибъ въ злое уклонилась. Но острый Разумъ есть какъ обоюдный мечъ, и держащаго повредить, и нападающему животъ можетъ исторгнуть. Правда; и Мудрость и благоразумїе тѣмъ же сáмымъ перерodятся въ безумїе и Несмысленность, когда или злое одна предвоспрїемлетъ намѣренїе, или злыя другая употребляетъ орудїя: однако блистаютъ всегда нѣкоторыми искрами перворoдныя своея свѣтлости, буде и радѣтельно поспѣшаютъ къ злому Окончанїю, и опасно въ произведенїи злаго дѣла поступаютъ. Напротивъ того, Добродѣтель ужé всеконечно не Добродѣтель; но порокъ, бесчинїе, сáмая злость, если не по разумной Любви дѣйствуетъ, да по пристрастїю необузданному, и толь наипаче, что не оставляетъ ужé она тогда въ себѣ ни

тѣни,

тѣни, не то что слабаго луча, отъ естественнаго своего благородства. бесчесно, Человѣку быть безумному; срамно, несмысленному; странно, неистоюму; пагубно, исступившему и бѣснующемуся: чтожъ быть злому? и злому еще неисцѣльно? Сie уже не имѣетъ почитаній и названія приличнаго: ибо сie не Человѣческаго есть свойства, но звѣрскаго свирѣпства, но ярости зміиныя, но остервѣненія Демонскаго. Добродѣтель, Добродѣтель вседрагая свершаетъ, чтобъ такъ сказать, Человѣчество, и творитъ подобнымъ Человѣка неогненальныхъ и бесплотныхъ Слугъ божіихъ токмо состоянію, но и самому божественному; коего по образу Душею и сотворенъ есть.

Какоежъ Добродѣтели и существенное Начало, изъ котораго происходитъ! И основаніе ея, на коемъ она утверждается! Есть то ЛЮБОВЬ, но ЛЮБОВЬ РАЗУМНАЯ. Сія Любовь дѣлаетъ, что Мы не по страху казни, но по обязательству и добровольно исполняемъ должности наши: порокъ въ томъ есть точный, когда боясь томленій и мукъ, да и по принужденной неволѣ, отправляемъ повелѣнное Закономъ. Любовь сія разумная такъ въ умѣ и въ сердцѣ нашемъ дѣйствуетъ, что мы Искренно, Постоянно, и благосмысленно дѣла наши производимъ. Итакъ, всѣхъ вобще Добродѣтелей, кои Эѳіка исчисляетъ, и нарицаетъ собственнымъ каждуюИменемъ,

какъ

как то для безопасства въ сожитіи, (c) Справедливость, бескорыствованіе, Истинство, Молчаливость, Словоуміе, Послушаніе, Почтеніе, благоутробіе, Доброприветливость, Услужность, Правота; для здравія тѣлеснаго, Трудолюбіе, Ощадство, Трезвость, Чистота: для душевнаго Спокойствія, Великодушіе, Крѣпость, Терпѣніе, Правосердіе или благость, Кротость, Умѣренность, Цѣломудріе, или Воздержаніе, Достаточество, да и верьхъ сихъ и вѣнецъ, въ участи своей полное благотишіе: всѣхъ, вѣщаю, вобще Добродѣтелей Свойства суть, (d ИСКРЕННОСТЬ, БЛАГОРАССУЖДЕНІЕ, и ПОСТОЯНСТВО.

sinceritas. Искренность производитъ, что мы съ чистодушнымъ Намѣреніемъ, въ правомъ Сердцѣ, и для Окончанія согласнаго Закону, Должности наши исправляемъ, такъ что Мужъ добродѣтельный не по распалѣнному пристрастію дѣйствуетъ, и не подобія токмо

(c) Iustitia, Probitas, Placabilitas, Aequabilitas, Humanitas, Beneficentia, seu Liberalitas, Fidelitas, Veracitas, Iusta loquendi libertas, Obedientia, Reuerentia, Misericordia, Congratulatio, Diligentia, Aequitas.

Laboriositas, Parsimonia, Sobrietas, Castitas.

Animositas, Fortitudo, Patientia, Aequanimitas, Mansuetudo, Modestia, Temperantia, Sufficientia, Αὐτάρκεια.

(d) SINCERITAS, PRUDENTIA, CONSTANTIA.

токмо Добродѣтелей показываетъ, но въ истинныхъ упражняется Добродѣтеляхъ. Надменнаго молчаливость, важность, прилѣжность; Сладострастнаго людскость, щедрость, усердіе; Сребролюбиваго скупость, трудолюбіе, чистоту, возможно ль назвать Добродѣтелями, а не тѣнію Добродѣтелей? Слѣдовательно, истинный есть порокъ, дѣйствовать лукаво и лицемѣрно; и, оказывая ложную правду, скромность, и доброту, Плутовству своему успѣхъ промышлять благополучнѣйшій. * благорассужденіе дѣлаетъ, что мы въ исправленіи должностей нашихъ съ надлежащимъ предохраненіемъ обходимся, прилѣжно рассмотрѣвая и самые малые, что до мѣста, до времени, до лицъ, окрестности. Не инако дѣйствуетъ Мудрый Церковный Пастырь, который въ увѣщаніяхъ своихъ взираетъ первое на мѣсто, наказывая прежде словами наединѣ, а не всенародно; второе, наблюдаетъ время, исправляя согрѣшившаго тогда, когда онъ не волнуется, и не кипитъ какою Страстію, но находится въ здравомъ и порядочномъ Состояніи; третіе, дѣлаетъ различіе и между лицами, для того что инако съ разумнѣйшими, инако съ неискуснѣйшими, съ высочайшими инако, нежели съ равными и нижнѣйшими Онъ поступаетъ. Тогоради, не можетъ не быть порокомъ, ежели, дѣйствуя безрассудно и продерзосно, добродѣтельные сокрушать силы, и себѣ, равно какъ и прочимъ, больше дѣлать вре-

* prudentia.

*constantia. да, нежели пользы. * Постоянство напослѣдокъ есть причиною, что мы въ намѣренiи, дѣйствовать по Чесности, тверды пребываемъ; и хотя добродѣтелное дѣло коль ни съ великою трудностiю происходитъ, однако спойимъ и бодрствуемъ, непрестанножъ съ новыми собираясь силами, непоколебимымъ стремленiемъ поражаемъ злодѣянiя; и буде когда преткнемся и упадемъ, то съ охотнѣйшею восстаемъ поспѣшностiю. Ибо не едино, или другое отъ разумныя Любви дѣянiе, но непрестанный, и рѣтко прерываемый въ Чесности Подвигъ, происходящiй отъ Навыкновенiя, Добродѣтельнымъ дѣлаетъ Человѣка. Какъ же? *mollities. Какъ посему не порокъ есть * Нѣга, коя Человѣка препятствiями внутренними и наружными отъ правыя стези отвращаетъ? *pertinacia. И какъ потомужъ не негоднѣе есть и * Упрямство, по которому Человѣкъ, для Навыкновенiя полученнаго себѣ въ злотворенiи, нетокмо всегда порочно дѣлаетъ, но и бесчинiе свое всякимъ образомъ извинить, защитить, еще, ахъ зло! еще и славиться онымъ не усумнѣвается?

Три сiи Навыкновенiя, тоесть, Мудрость, благоразумiе, и Добродѣтель, сопрягаются братскимъ союзомъ въ Человѣкѣ нравственно совершенномъ. Но есть ли, и можетъ ли быть тотъ и несовершенный Христiанинъ, кто одаренъ есть Мудростiю, дабы Христiанскiе Должности прямо разумѣть; благоумiемъ, дабы въ оныхъ благочинно

под-

подвизаться; и Добродѣтелію, дабы въ нихъ преуспѣвать поспѣшно? Отъ различнаго впрочемъ сихъ Навыковъ, и имъ противныхъ, сопряженія, происходятъ четыре вида Человѣковъ, нравственно рассуждаемыхъ. Одни, кои простоту имѣютъ беззлобную; другіи, у коихъ превозмогаетъ хитрость, злость, и лицемѣрство; третіи, въ коихъ обрѣтается грубое нечестіе; и четвертыи, которыи сіяютъ мудрымъ и благоразумнымъ благочестіемъ. Жалокъ родъ Человѣковъ первый: малымъ дѣтямъ онъ подобенъ. Ненавистенъ видъ вторый: Демоновъ во плоти представляетъ. Проклинаемъ есть во вѣки третій: сей и скотствуетъ, и звѣрствуетъ, и Діавольствуетъ. Но коль неизреченно блаженъ и преблаженъ четвертый! Сіи токмо суть Мужи въ Добродѣтели, Исполины въ ней и Герои.

Предложено ужé, СС, о Мудрости, благоразуміи, и Добродѣтели по обѣщанію нашему и по приличію вкратцѣ, а по возможности обстоятельно. Собрано мною все касающееся до нихъ въ единъ составъ, что у мудрыхъ Писателей обрѣтается на разныхъ мѣстахъ пространно. Представленъ здѣсь, въ порядочномъ расположеніи, и благознаменитый трудъ ихъ достохвальныхъ во вѣки размышленій, и моего нѣкій успѣхъ странствованія, и малый плодъ чтенія, и выписокъ, и изъ многихъ Авторовъ изъятія; хотя притомъ бесѣда моя и

некраснословна была по должности и званїю, однакожъ, мню, дѣльна и полезна по усердїю къ Отечеству. Назначенъ и ограниченъ округъ всего человѣческаго внѣшняго и внутренняго Любомудрїя. Исчислены Науки и Знанїя: изъяснены ихъ основанїя и свойства: означены дѣйствїя: объявлена въ нихъ драгоцѣннѣйшая и богатѣйшая всѣхъ въ свѣтѣ сокровищъ польза. И ктожъ о сей въ самый варварскїй какой вѣкъ сомнѣвался? Кто сея когда не чувствовалъ, и не признавалъ? Однако, странно намъ слышать, чужде видѣть, трудно понять и всему будущему потомству: въ нынѣшнїя времена, въ кои всѣ Науки и Знанїя толь на высокую степень произведены, и никогда больше не подавали чувствовать всѣмъ сладость зрѣлыхъ своихъ плодовъ, въ нынѣшнїя, вѣщаю, времена, и недавно, произникъ * нѣкто, который всѣ свои напрягъ силы, дабы доказать, что „отъ Ученїй болше погрѣшенїя произошло Добронравїю, и что безъ „Наукъ и Знанїй добродѣтельнѣе люди пребываютъ и жительствуютъ въ Обществѣ„.

* Жанъ-Жакъ Руссо, обыватель Женевскїй.

Какою желчїю растворю мое нарѣканїе? или, Какою не растворю онаго? Что возопiю? Какъ нападу? Чемъ поражу? Куда обращуся? Оглашу ль токмо! иль и поругаюсь толикому сему безмѣстїю? Ужасное и невѣроятное злоупотребленїе человѣческаго Ума! Но еще и невѣроятнѣе кажется, что Ученое нѣгдѣ у инославныхъ * Собранїе, Собранїе, говорю, Ученое подтвержденїемъ и одобренїемъ своимъ съ

* Дiжонская Академїя въ Бургонїи.

съ награжденіемъ, увѣнчало такую онаго суемысленность, или лучше, тщеславность. Развѣ, можетъ быть, и онъ свое мнѣніе препоручилъ тому Клевретству на рассужденіе прямо какъ игру своего разума, расцвѣтивъ, распестривъ, и обогативъ токмо Слово пышнымъ, и велелѣпнымъ Краснорѣчіемъ; и оно-либо въ немъ подтвердило несамую силу дѣла, но одни красныя его начертанія и изображенія.

Какъ то ни есть; толькожъ лжеученіе его, или лучше блядословіе, само въ себѣ имѣетъ, и съ собою несетъ на себя возраженіе и опроверженіе. Ибо, самое Добронравіе, бесспорно, есть Навыкъ Воли нашея къ люблению всего честнаго, и Закономъ повелѣннаго. Но если Навыкъ, то какъ не Ученіе? И будежъ Ученіе, то какъ и неразумное? Слѣдовательно, ни Добродѣтель безъ сниканія и наученія не получается; и признаніемъ сниканія и наученія, полагается уже твердо и просвѣщеніе разума, тоесть, Мудрость и благоразуміе, въ сопротивленіе грубости и скотствованію. Вотъ же необходимо и про его нужны намъ какъ нравоучительные, такъ и разумные Науки; и нужны длятого, что онѣ не токмо поспѣшествуютъ очищенію нравовъ, но безъ нихъ еще и не осіяваетса человѣческій Умъ, и не удобряется Воля и Сердце. Солнце есть для нихъ Мудрость: она тамъ все доброе и истинное производитъ, согрѣваетъ, оживотворяетъ, украшаетъ, расцвѣ-

 чаетъ

часть, плодоносить, и озаряеть. безъ Мудрости, нѣть совершенства въ Добродѣтели: Мудрость и Добродѣтель сестры между собою родные, одного отца и матери, но старшая Мудрость, пріемлемая во всемъ своемъ распространеніи и за благоразуміе, и за Добродѣтель, и токмо въ собственномъ и тѣснѣйшемъ знаменованіи различающаяся съ оными.

Примѣры впрочемъ его, что „ добродѣ„тельнѣе нѣкоторыя Мужи и Общества „ пребывали безъ Ученій, нежели наученныи „ жительствують „, сверьхъ того, что всѣ токмо * частныи, а не общіи роду человѣческому, но отъ частнаго ко всему безъ изъятія общему нѣтъ, какъ научають Логічествующіи, послѣдовательнаго заключенія, не сильняе ь сице на оборотъ подтвержають, что самыхъ грубыхъ временъ въ Обществахъ, не токмо не въ равновѣсіи надлежить быть Добродѣтели съ пороками, но симъ и превозмогать оную? Ибо когда свѣтъ не безъ тмы, твердость не безъ слабости, обузданіе не безъ самовольнаго ристанія; то какой должно быть темнотѣ въ самой глубокой нощи, изнеможенію въ самомъ расслабленіи, невоздержанію въ самомъ злодѣйственномъ бесчиніи?

* particularis.

Итакъ, не говорю ужé, что, а сіе не можетъ назваться Софістіческимъ, ложнымъ, и ухищреннымъ опроверженіемъ, мнѣніе то противно благополучному и святому Употребленію всѣхъ Христіанскихъ Обществъ, у-

ко-

которыхъ Мудрость, Разумъ, Совѣтъ, и Знанїе нѣрвѣйшими ДУХА СВЯТАГО прославляются Дарами благочесно; обличаютъ и опровергаютъ оное древнѣйшїя Iдолопоклонническїя, вознесшїяся не токмо Храбростїю, не токмо Добродѣтелїю, языческою впрочемъ, токможъ достохвальною, но и Мудростїю и благоразумїемъ. Негодованїе мое на толь недостойное суемудрїе ногаго того мудреца, представляетъ себѣ здѣсь мысленно восставшїи и исшедшїи на среду оныи въ Iсторїи не умершїи роды, и слышитъ оно ихъ бутто какъ вѣщающїи сїе: Что твое, о! Человѣкъ и Хрїстїанинъ, за дикое, или и смѣхотворное мудрованїе? Откуду ты почерпнулъ такое мнѣнїе? Гдѣ преисполнился опиюдъ не божескаго вдохновенїя? Кто тебя сему научилъ, или подустилъ лучше? Кто? Скажи намъ толь истинно, коль мудрствовалъ ты ложно. Можешь ли сею лжею обнесть наши оставшїяся Писанїя? И буде на насъ клевещешь; то съ какимъ безстыдствомъ? Вами, вами самими, о! глубокїи наши Мудролюбцы, благоразумныи Законоположники, краснословныи Витїи, сладкопѣсненныи Стїхотворцы, свидѣтельствуемся, коихъ многїя Сочиненїя Христїанскими не безъ великїя обращаются пользы руками, свидѣтельствуемся вами, и васъ взываемъ, не отъ насъ ли предано, что, (e) „ Мудрость есть Матерь „ всѣмъ

(e) Ita fit, vt mater omnium bonarum Artium Sapi-

„ всѣмъ изряднымъ Ученїямъ, и Царица всѣмъ „ ДОБРОДѢТЕЛЯМЪ, коея ни полезнѣе, „ ни преславнѣе, ни бесценнѣе ничто не„ дано свыше человѣческой жизни„? Не напр. щиль восклицанїя побуждаютъ не токмо обучаться Мудрости, но и самой ДОБРОДѢТЕЛИ? Не гласятъ ли они: (f) „ научись, о! каждый отрокъ, Добродѣтели, „ и совокупно постоянному, великодушно„ му, да и достодолжному трудолюбїю„? Не мыль и нынѣ въ книгахъ воїемъ нашихъ: „ (g) кто обучился исправно и вѣрно „ преизящнымъ Наукамъ, тотъ свои нравы „ и украсилъ ДОБРОДѢТЕЛЇЮ, и умягчилъ ихъ, и удобрилъ, и совокупно не

„ сталъ

---

entia sit: a cuius amore graeco verbo philosophia nomen inuenit, qua nihil a diis immortalibus vberius, nihil florentius, nihil praestabilius hominum vitae datum est.

Cic. de Leg. 1. n. 22.

Princepsque omnium Virtutum est illa Sapientia, quam Σοφιαν vocant.

Cic. de offic. 1. n. 43.

(f) Disce, puer, virtutem ex me, propriumque Laborem.

Virg. Aeneid. Lib. 12. v. 436.

(g) Adde quod, ingenuas didicisse fideliter Artes; Emollit mores, nec sinit esse feros.

Ouid. de pont. Eleg. 9. v. 77

„ сталъ быть ни дикимъ, ни грубымъ, ни „ невѣждою „? Такъ громогласно трубятъ на нелестныхъ мѣстахъ въ Сочиненіяхъ своихъ всѣ оныя язычники! Тогорамы, не Науки, поистиннѣ не Науки причиною развращенныхъ нравовъ; но почитай общее презрѣніе къ Ученіямъ, и потомъ злое употребленіе рассужденія, необузданная страсть, слабость попущенная природы, прелесть мірскихъ сластей и роскошей, и наконецъ, наведенная невоздержаніемъ и суемудріемъ слѣпота умной силѣ, и окамененное нечувствіе истиннаго блага въ прихотьствующемъ самоволіи. Сіе все есть смертоносный вредъ и Правовѣрію и Добронравію, а не Науки: ибо все сіе и препятствуетъ обучаться Добродѣтели твердо.

Но вы, да къ вамъ образцу благоуѣтствіе моего слова, о! россійскіи всякаго чина и состоянія Чада, не взирая на недостойную сію клевету и злословіе, и удостовѣряясь всеконечно, что нѣтъ полезніе, и спасительнѣе благихъ и разумныхъ Ученій человѣческому роду, снискивайте Мудрость, научайтесь благоразумію, и навыкайте Добродѣтели отъ мягкихъ ногтей. Проложенъ прямый и гладкій путь, ведущій къ священному храму Наукъ; отверсты и Царскія врата къ самому ихъ престолу: всѣмъ вамъ входъ невозбраненъ. Внидите въ самое ихъ внутреннее обиталище: пріимутъ васъ тамъ и обоймутъ радосно,ласкосердо, и привѣтливо святые, красноличные, и сладкопѣсныые

пѣсниивые Музы. Не пренебрегайте, какъ златокова́нныя, сея душевныя утвари; не презирайте и бесцѣннаго сего дара, коимъ всѣмъ намъ милостивно, обогащаемымъ быть и наслаждаться, судила, повелѣла, и даровала къ тому способъ чрезвычайно дѣйсвительный, какъ безмѣрно щедрый, общая МАТЕРЬ ОТЕЧЕСТВА, Пресвѣтлая, Державнѣйшая, Великая ГОСУДАРЫНЯ ІМПЕРАТРІЦА, ЕЛІСАВЕТА ПЕРВАЯ, САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІИСКАЯ.

О! Коликія и въ НЕЙ САМОЙ видимъ дарованія: видимъ, и съ благоговѣніемъ проповѣдуемъ чудное сословіе ІМПЕРАТОРСКИХЪ ЕЯ Добродѣтелей. Превозносимъ вопервыхъ ЕЯ благочестіе, прославляемъ Мудрость, величаемъ миролюбивое благоразуміе, и мужественное Геройство, провозвѣщаемъ Правосудіе, похваляемъ матернее Попеченіе о пользѣ нашей, славословимъ Великодушіе, ублажаемъ Человѣколюбіе и Щедроту; и толь наипаче, что испе́рва еще, не токмо подданныхъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ народовъ, коликоежъ притомъ моего благодарнаго се́рдца чувствіе, то сердце мое токмо са́мо чувствовать умѣетъ, а изобразить языкомъ бессильно, испе́рва еще, не токмо подверженныхъ Скиптру ЕЯ народовъ, но и всѣхъ сосѣднихъ и отдаленныхъ былъ сей единъ извѣтъ и гласъ: ЕЛІСАВЕТА ПЕРВАЯ, ВСЕРОССІЙСКАЯ САМОДЕРЖИЦА, не того единаго ради обладать оправдана свыше, чтобъ быть

токмо

токмо отмѣнною ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦЕЮ, но дабы ЕИ Правленіемъ СВОИМЪ и показать совокупно, коль многомощнѣе повелѣвать имѣютъ превосходнѣйшее ЕЯ Милосердіе и Щедрота: свойства сродныя въ ВЫШНИХЪ ЖИВУЩЕМУ, и на кроткія помышленія ПРИЗИРАЮЩЕМУ. Да и можноль сему быть инако? Есть ОНА ДЩЕРЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО; ПЕТРА, восклицаю, ВЕЛИКАГО, котораго непонятными потомкамъ, и необъятными настоящему роду дѣлами, пораженъ бывши восторгомъ ужаснившійся Міръ, и понынѣ онымъ удивляется въ оцѣпенѣніи, и во вѣки удивляться не престанетъ. И коль сіе все ни праведно есть; однако исповѣдуемъ, и не молчимъ, и молчать о семъ есть нѣкоторый родъ законопреступнаго ухищренія, что ВЕЛИЧЕСТВО ТВОЕ, о! МОНАРХІНЯ АВГУСТѢЙШАЯ, попусти взыванію моему быть къ ТЕБѢ отсутствующей отъ сего мѣста, но въ сердцахъ нашихъ непрестанно и неисходно присутствующей, что поистиннѣ ТЫ САМА благочестивѣйшею въ законѣ, Премудрѣйшею въ совѣтахъ, Мужественнѣйшею въ предпріятіяхъ, Правосуднѣйшею въ уставахъ, Усерднѣйшею Матерію въ Отечествѣ, Великою во всей Имперіи, въ снисхожденіи Великодушнѣйшею, Милостивѣйшею, и Щедролюбивѣйшею самымъ дѣломъ изволяешь пребывать благопохвальнѣе въ тысящи тысящъ кратъ, нежели по симъ хвалима быть отъ насъ желаешь; и отнюдъ

нюдѣ не являешь ни скоропреходнымъ мановенїемъ, чтобъ, всѣ Монаршескїе Добродѣтели, въ Умозрителномъ, Нравственномъ, и Гражданскомъ Любомудрїи описанные, и на всеобщее зрѣние, и имъ подражанїе извеленные, хотя истинно всѣ въ Разумѣ и въ Сердцѣ ТВОЕМЪ прекрасно и благолѣпно сїяющїе, ВЕЛИЧЕСТВУ ТВОЕМУ громогласно были присвоены. Едва, и едвали еще, терпѣливно можетъ сносить трубъ такихъ громкое возглашенїе, оная неизреченная въ ТЕБѢ Мѣрность; Мѣрность гдѣ кротость преизобилуетъ въ самомъ достолѣпномъ ВЕЛИЧЕСТВУ санѣ; Мѣрность ТВОЯ, которая, и на высочайшемъ Вселенныя водгоряясь Престолѣ, не презираетъ съ высоты Престола дольнѣйшихъ. Но симъ самымъ коликихъ и коихъ похвалъ не достойно ВЕЛИЧЕСТВО ТВОЕ? Да и кое въ насъ толь отвращенное сердце, чтобъ не преисполнено было ТОБОЮ? Кой гугнивый толь и отроческїй языкъ, дабы не порѣвался должныя ТЕБѢ произносить похваленїя? Нѣтъ, ктобъ не видѣлъ САМОДЕРЖИЦУ СВОЮ какъ безмѣрно Добродѣтельную, такъ крайно отъ превозношенїя Удаленнѣйшую. Какъ онѣмѣть, и не прославлять? Похвала есть природная мзда Добродѣтелямъ: а побужденїя къ ТВОИМЪ похваламъ толь законны и сильны, что почитай святотатство, не провозглашать оныхъ. Всякъ вѣрный подданный чувствуетъ, Что, и Колико ТЕБѢ долженствуетъ: сложенная ТОБОЮ съ народа

рода ТВОЕГО и нынѣ Донмка, тажъ многихъ сотъ Тысящъ, и еще не одного Міліона, преглубоко у всѣхъ впечатлѣнна есть въ сердцѣ. И, о! Великодушія ТВОЕГО: толь неизреченную показавши Милость, желаетъ ВЕЛИЧЕСТВО ТВОЕ высочайшимъ СВОИМЪ Указомъ, токмо исправныхъ за ту должностей отъ каждаго, въ чемъ состоитъ нашажъ собственная польза. Но удостовѣряемъ, ПРЕЩЕДРАЯ ІМПЕРАТРІЦА, удостовѣряемъ всѣ единодушно и единогласно, что не токмо въ вѣрности къ ТЕБѢ пребудемъ, радуясь о ТЕБѢ, и красуясь ТОБОІО, не токмо въ званіяхъ радѣтельны быть потщимся; но готовы и жизнь нашу положить за дражайшую и освященнѣйшую ТВОЮ Особу: благодѣянія ТВОИ требуютъ отъ насъ того, за которыя не обрѣтаемъ уже достойнаго слова къ возблагодаренію ТЕБѢ: всякое Названіе недоволно мнится: превосходишь Щедротою ТВОЕЮ и МАТЕРИ ОТЕЧЕСТВА, и ВЕЛИКІЯ Прои̇менованіе.

Тогоради, не могу быть укоренъ и малѣйшимъ, а не излишествующимъ, Ласкательствомъ. Какъ скоро произнесется сладчайшее ТВОЕ Имя: ЕЛІСАВЕТА, ДЩЕРЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО; то всѣ приносимыя ТЕБѢ Хваленія несравненно ниже самыя Правды Усердствію нашему являются. Кое ни представится внутреннему нашему зрѣнію изъ премногихъ ТВОИХЪ Совершенствъ, каждое въ тожъ са́мое время усмотрѣвается

Веры-

Верьховнѣйшимъ изъ всѣхъ, Первѣйшимъ въ нихъ, и Главнѣйшимъ надъ всѣми: и сїе по Искренности, по благорассужденїю, и по твердому Постоянству; тоесть, по тремъ Свойствамъ Существеннымъ всѣхъ обще ТВОИХЪ Добродѣтелей. Развѣ токмо по предпочтенїю нарещется всѣмъ Высота, Начало, и присноттекущїй Источникъ, Православное ТВОЕ благовѣрїе: симъ самымъ несомнѣнно вѣришь БОГА, вѣришь БОГУ, и вѣришь въ БОГА съ крайнимъ Упованїемъ на НЕГО, и съ пламенѣющею Любовїю къ НЕМУ; А вещїю, всѣ купно въ ТЕБѢ преславны, и безъ изъятїя прехвальны. благознаменита, ибо лучезарна есть внѣшняя ТВОЯ Красота; на сїю когда едину взоръ нашъ возводимъ, мнимъ, что она всякую превосходитъ похвалу въ удивленїи нашемъ, какъ и по достоинству: но тогдажъ ощущаемъ свѣтоноснѣйшїй и благолѣпнѣйшїй ещё, по блистающимъ Талантамъ, небесный Духъ въ ТЕБѢ и съ ТОБОЮ соединенъ пребывающъ. Плоды его равномѣрны Ему токмо Самому, и ТВОЕЙ сердечной Правотѣ, по которой всѣ ТВОИ Дѣйствїя равно Велики: Мысль, Намѣренїе, Начинанїе, Произведенїе, Совершенїе. Всякая Великость есть возносительна къ другой: съ превосходящею равняемая, недостигающа есть она, съ малѣйшею сносимая, сама превышаетъ. Но съ какимъ Человѣческимъ ни сличится ВЕЛИЧЕСТВО ТВОЕ, узрится, что нѣтъ къ Нему и примѣненїя: всѣ Оно [illegible] превосходитъ.

превосходитъ по всему: БОЖІЯГО токмо зрится меньше, коего однако точное Оно есть Подобіе, точное Зерцало и точное Изображеніе Мудростію, благостію, Силою, Властію, Державою, Правленіемъ, Храненіемъ, Милосердіемъ, Щедростію, Долготерпѣніемъ, Правосудіемъ, и тѣмъ Милостивымъ Того единаго есть Начертаніе: земнаго всякаго истинное Вещество и Главизна. Но и толь благотворящее въ ТЕБѢ сіе Величіе, что невидимы благодѣяній ТВОИХЪ къ подданнымъ и предѣлы. Оно вседневно, и почитай ежечасно, единою рукою награждаетъ Усердіе, Вѣрность, и Заслугу щедро; а другою защищаетъ сильно, и праведно невинныхъ, утѣсняемыхъ, и бѣдныхъ. О! едва небезмѣрныхъ ТВОИХЪ во всемъ Преимуществъ. И чтожъ прочее? Удобнѣе есть намъ въ молчаніи чудиться ТВОИМЪ великимъ Свойствамъ, и чувствовать сладость нашего при ТЕБѢ блаженства, нежели превозносить Ихъ похвальными словами: не возмогаемъ, ВЕЛИКАЯ ГОСУДАРЫНЯ ІМПЕРАТРІЦА, не возмогаемъ мы и особливо на то порѣваясь, какъ достойно ТЕБѢ возблагодарить, за все благое на насъ богатно излїянное, и ежедневно повсюду и на всѣхъ изливаемое, такъ и по достоинству восхвалить ВЕЛИЧЕСТВО ТВОЕ, и прославить по Усердію: Сила нашихъ восклицаній не сравнится никогда съ молчащимъ Ревности пламенемъ.

Итакъ, просимъ токмо и молимъ ВСЕМОГУЩАГО пребесконечную Милость, да, по безначальнымъ и праведнымъ СВОИМЪ СУДЬБАМЪ, продолжитъ нынѣ цвѣтущее ТВОЕ благополучіе, твердую Славу, миролюбное Состояніе; на ухищряющихъ же кбихъ-либо неправдою, да подастъ отъ превыспренныя благостыни Силу къ возраженію, или и къ всеконечной Побѣдѣ и Одолѣнію! А болѣе, да соблюдетъ ЗДРАВІЕ ТВОЕ, Здравіе дражайшее, Здравіе, на которомъ наше всѣхъ прямое утверждено щастіе; сіе да соблюдетъ невредно, и премноголѣтно! И да будетъ ЕМУЖЪ БОГАТОДАВЦУ всѣхъ благъ угодно, при долговременномъ и всегда благощасномъ ВЕЛИЧЕСТВА ТВОЕГО между Земнородными Сожитіи, и Імператорствованіи, одарять отчасу обильнѣе и НАСЛѢДНИКА ТВОЕГО, благовѣрнаго Государя, Великаго Князя ПЕТРА ѲЕОДОРОВИЧА, благословляя ЕГО съ дражайшею и Любезнѣйшею СУПРУГОЮ, благовѣрною Государынею, великою Княгинею ЕКАТЕРІНОЮ АЛЕКСІЕВНОЮ [тезоименитою РОДИТЕЛЬНИЦѢ ТВОЕЙ, а нашей нѣкогда Государынѣ ІМПЕРАТРІЦѢ и САМОДЕРЖИЦѢ, нынѣ въ горьнихъ уже Обителяхъ ликующей бессмертно] вожделѣннымъ ИМЪ САМИМЪ, и всей Россіи ЧАДОМЪ! И равно всѣхъ по НЕМЪ, въ позныя времена имѣющихъ наслѣдовать всероссійскія Державы ІМПЕРАТОРСКІЙ Вѣнецъ, украшать не меньшими, но толикимижъ,

и во

и во всемъ подобными ТВОИМЪ Добродѣтелямъ въ роды родовъ, и всѣхъ вѣковъ до скончанія! Дабы ПЕРВОЙ ТЕБѢ ЕЛІСАВЕТѢ, быть и первѣйшимъ, и всегдашнимъ, и живымъ Образомъ, на который бы взирать Предержащимъ впредь Всероссійскимъ ОБЛАДАТЕЛЯМЪ!

И се паки къ вамъ, Россійскіи удобопонятныи Юноши, слово при окончаніи. Не пренебрегайте, повторяю, и повторить о семъ не могу довольно, и не отщетѣвайтесь толикаго вамъ благодѣянія, отъ Толикія и Таковыя МОНАРХИНИ и МАТЕРИ. Возжелайте просвѣщаемы быть Ученіями, и украшаемы Добронравіемъ вящше и вящше. Все васъ къ тому призываетъ: Польза Отечества, Должностей Знаніе, Почесть за изрядные услуги, Слава и Хвала за трудоположеніе и подвиги; собственное притомъ Увеселеніе, Подражаніе мудрымъ еще Народамъ, Честь въ сравненіи тѣмъ себя съ ними, или и въ превышеніи оныхъ; а всего болѣе, ДУШЕВНОЕ СПАСЕНІЕ. Но упражняясь достодолжно и трудолюбно въ истинномъ Любомудріи, познавайте исправно, что Оно есть не нѣчто малое, ни нѣчто также пустое и игралищное; но превеликое и преизящное, первое и послѣднее Человѣчества: и не токмо не недостойное всякаго благороднаго сердца, но и необходимое каждому. Ибо Оно есть Знаніе, по Волфію, Возможныхъ, по елику суть Возможныя; а разумъ сего: по елику Вещи дока-

 казы-

казываются Причинами * Естественности ихъ, и * бытности, но несказанїемъ повѣствуются по дѣламъ бывшимъ, или настоящимъ: такъ что, Любомудрїе есть Знанїе Вещей сущихъ, или будущихъ, и также Причинъ или Началъ, чего ради онѣ суть, или бываютъ, или быть могутъ. И Оножъ есть Знанїе, по Картезїю, произведенное твердо изъ достовѣрныхъ * Началъ. Оно есть Знанїе, по Арїстотелю, истинное и достовѣрное по Причинамъ. Оно есть наконецъ ЗНАНIЕ, по Платону, Вещей божественныхъ и человѣческихъ, и купно Причинъ, коими сїи Вещи содержатся. То-есть, по всѣмъ симъ Существеннымъ, и по разнорѣчїю согласнымъ, Любомудрїю Описанїямъ, Оно есть цѣлая Мудрость, совершенное благоразумїе, и спасительная Добродѣтель.

* essentia.
* existentia.
* principia caussae.

КОНЕЦЪ.

Фра-

Французскій съ латинскаго и греческаго переводъ Філософіческимъ Званіямъ, въ семъ Словѣ употребленнымъ пославенски, здѣланный нарочно въ пользу умѣющимъ изъ нашихъ пофранцусски, для лучшаго имъ понятія оныхъ Званій.

exiſtentia	exiſtence.
facultas reflexiue cogitans	faculté par refléxion penſante
ſubſtantia	ſubſtance
eſſentia	eſſence
mens	entendement
ſummum bonum	ſouverain bien
ſimplex adprehenſio	perception ſimple
intelligentia	intelligence
purus intellectus	entendement pur
ſenſatio	ſenſation
imaginatio	imagination
idea	idée
iudicium intuitiuum discurſiuum	jugement intuitif diſcurſif
propoſitio enunciatio	propoſition
ratiocinatio	raiſonement
operatio	operation
concluſio	concluſion

ratio ſuffi-ciens	le pourquoi ſufiſant
volitio	le vouloir
auerſatio	averſion
finis	la fin
medium	le moïen
intentio	intention
fruitio	joüiſſance
electio	choix
reiectio	refus, rejet
combinatio idearum	combinaiſon d' idées
praeſumptio	preſomption
ſapientia	ſageſſe
prudentia	prudence
virtus	vertu
habitus	l' habitude
hiſtorico empirico	d' une maniere ſimple, hiſtorique
philoſophico ſcientifico	d' une maniere ſolide & ſavante
per ſaltum	par ſauts & par bonds
theoretica	ſpeculative
practica	pratique
certa	certaine
probabilis	probable
voluntas efficaciae	volonté éfféctive
moralis	morale
ſecuritas	ſecurité
ſanitas	ſanté
tranquillitas animi	tranquilité d' ame

iuſtum

iustum	le juste
honestum	l' honête
decorum	le bien-éant
sectae	partis, séctes
rationalis	la logique
moralis	la morale
naturalis	la phisique
praeparans	qui prépare
instrumentalis	instrumentale
principalis	principale
perficiens	qui perféctione
vniuersalia	les universaux
ens	un étre
simplicia entis attributa	les attributs simples d' un étre
disiuncta entis	les attributs séparés d' un être
subiectum	sujet
attributum	attribut
inferiora entis	les attributs inferieurs d' un étre
modi	les modes ou manieres d' être
relatio	relation
radix	racine
extensio	étendue
linea	une ligné
figura	une figure
obiectum	objet

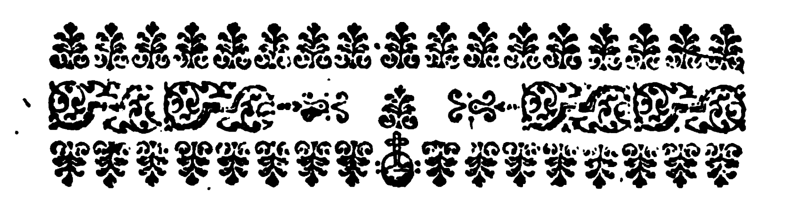
materia	matiere
contingentia	contingence
abſoluta	perfections abſolues
relativa	perfections relatives
phyſica	phiſiques
moralia	morales
ſpecies	une eſpéce
reciprocatio	reciprocation
vnio commercium	union commerce
influxus phyſicus	influence phiſique
ſpiritus animales	les eſprits vitaux
realiter	reélement
cauſſae occaſionales	cauſes ocaſionéles
harmonia praeſtabilita	harmonie préétablie
ſeries	ſuite
figmentum	fiction
ſuppoſitum	ſupoſition
coëxtenſa	qui eſt de même étendue
impreſſio	impreſſion
ſedes mentis regia	ſiege de l'ame
glandula pinealis, conarium	la glande pinéale

corpus callosum	corps plein de durillons
medulla oblongata	moële prolongée
musculi	muscles
praeexistentia	préexistence
caussa	cause
effectus	éfét
modi agendi	manieres d' agir
spacium	espace
locus	lieu
figurabilitas	propre à être figuré
inane	le vuid
forma	forme
elementum	élément
viuipari	qui engendrent
ouipari	qui pondent
amphibia	les amphibies
testacea	poissons à coquilles
Φαινόμενα	les phénoménes
δοκιμασία ἐμπειρία	l' experience
experimentalis	experimentale
physicus	phisicien
mixta applicata	les mathematiques mixtes
ius naturae	droit naturel

paſſiones adfectus perturbationes	les paſſions.
ἀπάθεια	impaſſibilité.
μετριοπάθεια	paſſibilité moderée
ἀδιάφορος	indiferent.
ὀρθοπάθεια	paſſions moderées
κακοπάθεια ὀξυπάθεια περιπάθεια	paſſions immoderées
ſimplices ſocietates	les ſocietés ſimples
attentio	attention.
diſcretio	diſcernement.
circumſpectio	circonſpection.
prouidentia	providence
χειροτονητοὶ	ſur qui on a impoſé les mains
iuſtitia	la juſtice.
probitas	deſintereſſement.
placabilitas	facilité à ſ'appaiſer
aequabilitas	uniformité.
humanitas	humanité.
beneficentia ſeu liberalitas	liberalité.
fidelitas	fidelité.
veracitas	action de dire la verité.

iuſta

iuſta loquendi libertas	raiſonable franchiſe de parler
obedientia	obeiſſance.
reuerentia	vénération.
miſericordia	miſericorde
congratulatio	congratulation.
diligentia	ſoin.
æquitas	équité
laborioſitas	aſſiduité au travail
parſimonia	epargne ménage.
ſobrietas	ſobrieté.
caſtitas	chaſteté
animoſitas	généroſité.
fortitudo	valeur.
patientia	patience.
aequanimitas	bonté.
manſuetudo	douceur.
modeſtia	modeſtie.
temperantia	retenuë.
ſufficientia	ſufiſance.
αὐτάρκεια	plein contentement de ſon ſort.
ſinceritas	ſincerité.
conſtantia	conſtance.
mollities	moleſſe.
pertinacia	opiniâtreté.
principia	principes.

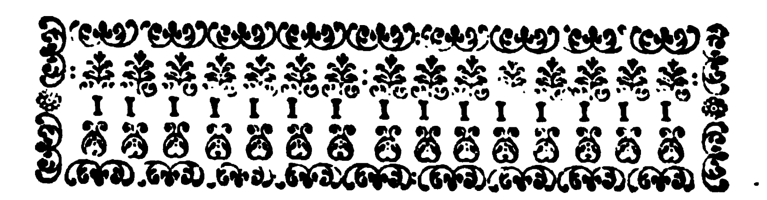


ПЕРЕВОДЪ СЪ СЕНЕКИНЫХЪ ЛАТІНСКИХЪ Стиховъ, находящихся въ Трагедіи Тіестѣ по окончаніи Дѣйствія втораго, въ Хорѣ начинающемся: Tandem Regia nobilis.

На придворной стой, кому годно есть, дорогѣ,
Сильнымъ и любимымъ будь въ Царскомъ томъ чертогѣ.
О высокой чести да старается иной,
При Царѣ бъ сѣсть выше, ищетъ путь того другой.
Славу любитъ сей пускай, и уборъ богатый,
Видъ палатъ высокихъ, дворъ, полемъ необъятый.
Сребряны сосуды, сéла, зáмки, стадо слугъ;
При драгой одеждѣ намащéнны кудри вкругъ.
Роскошь и богатство тотъ, также поступь смѣлу,
Да наживаетъ друговъ на свою жизнь цѣлу.
Мнѣ въ убогой жизни сладкій любъ всегда покой,
Гладкое и платье, низкой чинъ, и домъ простой:
„Дружествомъ чистѣйшихъ Музъ веселюсь я смала;
„Кротость же святою ужъ мнѣ казаться стала.
Такъ когда безъ шума пробѣгутъ мои всѣ дни,
Толь употребленны токмо на труды одни:
Простачкомъ и старичкомъ радъ приду я къ гробу,
Оставляя въ свѣтѣ здѣсь свѣтскую всю злобу.
„О! коль мысль една веселитъ меня сія;
„О! конца таковà совѣсть ждетъ коль моя.
Кто излишно знаемъ всѣмъ въ жизни сей бываетъ;
Часто тотъ не знавъ себя горько умираетъ.

Н· р Н·

СОНЕТЪ



СОНЕТЪ

СЪ СЛАВНАГО ФРАНЦУССКАГО де БАРО́ВА
Grand Dieu ! que tes jugements

Боже! коль есть правоты полнъ ТВОЙ Судъ престольный!
Самъ благоволяетъ Милостивъ всегда къ намъ быть:
Якъ толь предъ ТОБОЮ золъ человѣкъ юдольный,
Что весьма ужъ трудно Правдѣ мерзости омыть.
Ей! о! ГОСПОДИ, грѣхъ всякъ мой къ тому довольный,
Да не можно будетъ казней о ТЕБѢ избыть:
Ты преступника спасти будто какъ невольный;
Се вся и Щедрота хощетъ сквернаго забыть.

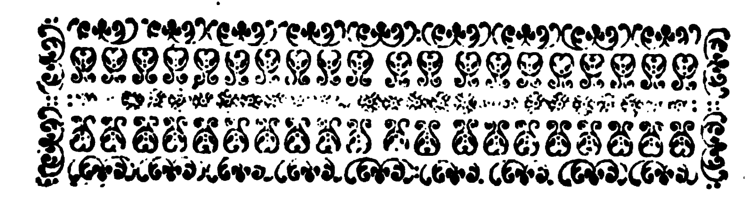
* * *

Буди то, понеже такъ Святости преславно;
Плачемъ умножаю пусть должну Ярость равно;
Возгреми, бей, время: за войну войной платомъ.

* * *

Покланяемъ мною Гнѣвъ съ страхомъ пребываетъ!
Но на кое мѣсто ни падетъ во мнѣ съ горъ громъ,
Каждое ХРІСТОВА Кровь всюду покрываетъ.

ОБРАЗЪ



ОБРАЗЪ

ДОБРОДѢТЕЛЬНАГО ЧЕЛОВѢКА

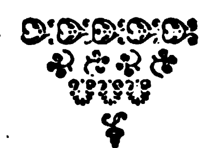
СЪ ФРАНЦУССКИХЪ СТИХОВЪ:

Rendés au Créateur, ce que l' on doit Lui rendre.

Что Творцу достойно воздавать, то воздавай;
Не размысливъ прежде, ничего не начинай.
Токмо съ добрыми людьми въ жизни сей дружися;
Преимуществомъ твоимъ никогда не лстися.
Будь согласенъ вѣрно съ мнѣнїемъ всегда другихъ,
А не стой упрямо въ мыслахъ только что твоихъ.
Внятно слушай, что тебѣ люди предлагаютъ;
Больше умнымъ не кажись, нежель почитаютъ.
Кто чего не смыслитъ, съ тѣмъ о томъ не говори,
Безъ рѣчей лукавныхъ въ искренности все твори.
Слово данное держи, былобъ коль ни трудно;
Ничегожъ не обѣщай вдругъ и нерассудно.
Будь тихъ, и услуженъ, въ разговорахъ же учтивъ;
На прїемъ будь ласковъ, и не гордъ, и не труслнвъ.
Дерзостно не будь знакомъ, обходисяжъ смѣло,
Не рѣши не рассудивъ, коль ни знаешь дѣло.
Всѣхъ прощай безъ мести, безъ корысти всѣхъ люби,
Въ низкости вельможамъ подлостїю не груби.
Дружен всѣмъ старайся быть, дружно поступая,
Тяжбы никогда ни съ кѣмъ самъ не начиная.

что

Что чинятЪ другїи не провѣдывай никакЪ ;
СамЪ дѣла́ крой просто , не узналЪ бы злой туракЪ.
Рассмотря давай вЪ займы , толькожЪ доброволько ;
Если должно наградить , награждай довольно.
И какЪ ни захочешь поступать и явенЪ быть ;
Быть во всемЪ безЪ лишка , и себя не позабыть.
Буде страждетЪ другЪ напасть , сожалѣй безмѣрно ,
ВЪ другѣ ты порокЪ сноси , будь и другомЪ вѣрно.
ДухЪ какЪ поддается , побѣждай печаль тогда ,
Никого и дѣльно не вини вЪ ней никогда.
Учинить старайся мирЪ злобствуетЪ гдѣ ссора ,
СамЪ же мсти за зло добромЪ злость на всю безЪ взора.
Похваляй не льстиво , жарко не жури при всѣхЪ ,
Мѣрно смѣйся людямЪ , да и самЪ терпи ихЪ смѣхЪ.
ДолгЪ Искусство почитать вЪ каждомЪ благонравно,
И не должно ничего охуждать тщеславно
Здѣлавши сЪ кѣмЪ милость , худо ею попрекать ,
Каяться вЪ ней дурножЪ , лучше вовся забывать.
Нужну другу помогай , тотЪ хотя не проситЪ ;
Кто даритЪ не такЪ какЪ мотЪ , щедрыхЪ имя носитЪ.
Угашай гнѣвЪ пылкїй , ярыхЪ не кажи примѣтЪ ;
Говори повсюду доброе , кого гдѣ нѣтЪ.
ВЪ сердцѣжЪ бы твоемЪ была благодарность сродно ;
Для забавы хоть играй , толькожЪ благородно.
БылобЪ словЪ, не мыслей, меньше, обмануть не тщись,
Что тебѣ ни дастся , предо всѣми тѣмЪ хвались.
Должника не мучь , какЪ онЪ кЪ платѣ не исправенЪ ,
Для себя , и для него , будь все доброправенЪ.
Не завидуй ближнимЪ , видя щастїя ихЪ цвѣтЪ ,
Ввѣренное дѣло вынесть берегись на свѣтЪ.
Чванство прочЪ , а крой твои тайности искусно ;
Презирай посемЪ , какЪ лгутЪ на тебя что гнусно.



Об-

ОБРАЗЪ
ЧЕЛОВѢКА ХРІСТІАНИНА
СЪ ФРАНЦУССКИХЪ:

Mettre en Dieu ſeulement toute ſa confiance.

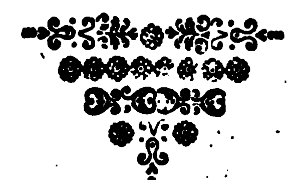
Во всемъ, вездѣ, всегда, на БОГА уповать;
И токмо на НЕГО надежду возлагать;
Безъ зависти смотрѣть на щастливыхъ убранство;
Въ томъ Мудрость состоитъ, а больше Христіанство.
Все въ помощь призывать Вселенныя ТВОРЦА;
Въ Писаніи его Святомъ учиться безъ конца;
Святою чтобъ жизнь была, пекись о семъ исправно:
Въ томъ Мудрость и Законъ весь состоитъ преславно.
А особливо, Грѣхъ [сей всякъ виною есть,
Что Благодать отъ насъ отъемлетъ Самъ БОГЪ въ месть]
Не могъ чтобъ завладѣть преклонными сердцами;
Но въ мерзостнѣ ему быть гнусну предъ нами.
Покоренъ духомъ будь, и сердцемъ ты ко всѣмъ,
Смотря на образецъ СПАСИТЕЛЕВЪ о семъ.
Не думай обмануть и Лицемѣрствомъ БОГА,
Не къ ти вуѣ на тебя была Ему дорога.
Согласіе всегда со всѣми промышляй,
Хотяжъ то и съ трудомъ, вражду прочь отдаляй.
Кто знаетъ все терять прибытокъ на толикій,
Тотъ Христіанинъ есть, тотъ и Мудрецъ великій.
Отъ пышности бѣги, та злая есть гроза:
Высокія мѣста слѣпятъ у насъ глаза:

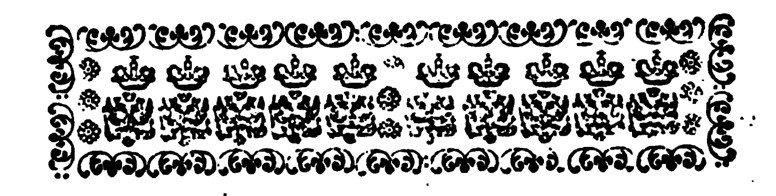
Великія

Великїя чины зависников раждают,
Тѣ при бѣдах виннят, без бѣд нас охуждают.
Раскащикам оставь не к дѣлу рѣчи весть :
Вездѣ вралям таким худа бывает честь.
Но ты в словах твоих безмѣрно будь воздержен :
Кто скромнѣй, меньше тот погрѣшностям подвержен :
Кто мало слов имѣл, тот часто мудрым слыл ;
Молчащїй рѣтко всяк гдѣ осуждаем был.
И будешь, что ты мнишь, хотят знать всеконечно ;
То мнѣнїе твое скажи добросердечно.
Сам требует покой, и польза наших дѣл,
Всяк тайнуб от других скрывать из нас умѣл :
В чем нужды нѣт им знать, таить от них то можно,
Не сердится за то разумный друг, не ложно.
Суда зло не ища, твоя хоть правота ;
Не плакалб бы должник, убогїй, сирота :
Когдаб нас БОГ самих судил здѣсь без прїязни,
То ктоб защитить мог от лютостей и казни ?
Кто больше есть богат, и он сильнѣй тебя,
А хочет пред тобой умом вознесть себя ;
Его чтоб одолѣть, оставь ты порыв вредный,
Имущим уступай : всегда есть винен бѣдный.
Как равныйб тебѣ, так сам им снисходи,
Несносен им не будь, их спесью не серди ;
Тот подданный едва что слушает указов,
То меньше всяк твоих послушает приказов.
О домѣ промышляй, не быть бы людям в смѣх ;
Без зависти ж взирай ты ближних на успѣх.
Не знай сосѣдних дѣл, твоим бы не мѣшали :
Ему тѣм, ни себѣ не здѣлаешь печали.
Сего дня здѣлай то, что завтра надлежит,
На время не кладись, безвѣсно то бѣжит.
В бездѣлках никогда отнюдь не упражняйся,
От случая чрез то дѣл глупых уклоняйся.
Как ближнїй есть любим, и сам тобою БОГ,
Когда не напитал того ты, кто убог ?
Имѣнїй часть дѣли рабам Господним, зная,
Что будет от Него мзда вѣчно преблагая.
Чтож собрано богатствѣ впредь на премного лѣт ;
То мудрости отнюдь великїя в том нѣт :
Мог случай здѣлать то ; но и в таком достаткѣ,

 Без

Безъ разума, нельзя не быть когда въ упадкѣ.
Терпѣнію учись, чрезъ кротость побѣждай;
Сноси обиды всѣ, а самъ не повреждай:
Отмщеніе къ своей оставивъ БОГЪ потребѣ,
Не преминётъ мстить злымъ, благимъ воздать на небѣ.
Что ступишь, то ужé ты ближе къ смерти сталъ:
Необходимый путь! всякъ смертный смерти бъ ждалъ.
Не рабски ждижъ ея; но какъ въ любви сынъ твердый,
На страшномъ БОГЪ судѣ къ тебѣ бъ былъ милосердый.





ПЛАЧЪ

О кончинѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Імператора, и Самодержца Всероссїйскаго ПЕТРА ВЕЛИКАГО, ОТЦА ОТЕЧЕСТВА.

Что то за печаль слышится ужасно?
Не Россїя ль плачетъ? Не Ея ль и стонъ?
Толь инымъ рыдать невозможно гласно!
Но какой случился нынѣ Ей уронъ?
Радостей, торжествъ, гдѣ Ея громады?
Гдѣ и повседневно всюду ликовство?
Всѣ мѣста Ея, всѣ слезятъ и грады!
Ахъ! знать приключилось крайно сиротство.
Токмо изрекла такъ сїе Вселенна;
Се летитъ, о! горе, въ быстротѣ паря,
СЛАВА всѣмъ лицемъ въ скорбность претворенна,
Льясь Сача слезами, ни на что не зря:
Всюду вопїетъ, и ея Вѣсть здрава;

Не умѣетъ нынѣ къ правдѣ прибавлять.
О ! чтобъ та была лучше въ семъ неправа.
Но не можно стало вѣрно не являть :
ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ , ахъ ! болій человѣка ,
Оный ПЕТРЪ Россіи сладость , красота ,
Преселился ужъ съ временнаго вѣка !
Долу тѣмъ испала Росска высота.
Не могла внушить словъ Вселенна слезныхъ :
Вопіяла Слава въ горѣ сипко ихъ.
Паки начала Слава въ неполезныхъ
Возвѣщать тожъ громче произносахъ сихъ :
Всероссійскій ОНЪ САМОДЕРЖЕЦЪ Славный ,
Коего посѣкши инспослала въ гробъ
Неумытна Смерть , всѣхъ въ убытокъ главный
Малыхъ и великихъ , по чинамъ , особъ.
Мудрость , Храбрость въ Немъ были превосходны,
Милость же и Правда въ равенствѣ всегда ;
Съ Скипетромъ труды зрѣлись толь несходны ,
Что не несъ художникъ равныхъ никогда.
Чтожъ и Промыслъ бодръ ? Православна ВѢРА ?
Что неугасима къ Отчеству Любовь ?
Въ совершенствахъ здѣсь нѣтъ ЕМУ примѣра ;
Таковому , словомъ , не бывать ужъ вновь !
Молнія и громъ толь не устрашаетъ
Какъ бы предагая въ камень , въ истуканъ ;
Коль Вселенну Вѣсть Славы поражаетъ.
Видяжъ , что то правда , что и не обманъ ,
Вострепетала вся восстенавши вѣльно ,
И молчала купно , бутто что творить ,
Взяться за кого , что и было дѣльно ,
Внѣ себя не знал , что и говорить.

Но потомъ въ слезахъ начала словами:
О! ПЕТРЪ толь ВЕЛИКІЙ, о! верьхъ и Царей,
О! Героевъ всѣхъ храбрыми дѣлами
Превосшедшій всяко бывшихъ въ жизни сей.
Я къ чему пришла? Что со мною сталось?
Что и слышу нынѣ? Мертваго ПЕТРА!
Мертваго Того! былъ бы Кто, желалось,
Не столѣтенъ токмо, но чтобъ и одра
Смертоносна въ вѣкъ въ естествѣ незнавшій.
Тыль, ПЕТРЪ, могъ скончаться! Тыль и скоро такъ!
О! рокъ... Но Предѣлъ, смертности предавшій,
Повелѣлъ, покрылъ бы Росска Феба мракъ.
Ужъ прости, мой ПЕТРЪ! многа мнѣ Добрόта!
Многая Надежда! Краснѣйшій мой Цвѣтъ!
Дивная Твоя Правота, Щедрота,
Вознеслись отсюду къ ВЫШНЕМУ въ Совѣтъ.
Кто Вселенну толь Царь другій прославитъ?
Ахъ! осталась сира нынѣ безъ Тебя.
Кто толико дѣлъ, подвиговъ исправитъ?
Кто трудами столько упразнитъ себя?
Больше я была, мнится мнѣ, съ Тобою;
Меньше стала нынѣ безъ Тебя въ себѣ.
О! Россія, долгъ литься, какъ рѣкою,
Вѣчными слезами по Отцѣ тебѣ.

Въ ужасѣ своемъ тако возглашала
Плачуща Вселенна горько по ПЕТРѢ:
Гнѣвалась, что Вѣсть дѣла не солгала;
А сама съ собою въ нѣкоей какъ прѣ!
Зря Ея, Нептунъ, также Марсъ, Минерва,
Политика равно тужъ какъ безъ ума,

Изумѣлись всѣ о причинѣ спéрва.
Но Паллада прежде оныхъ всѣхъ сама,
Въ трепетѣ своемъ, вся оцепенѣла!
Что ПЕТРА не стало на землѣ въ живыхъ,
Скоро съ остроты то уразумѣла,
И рекла: Погибло! Вещи нѣтъ въ иныхъ!
Бьется по лицу, то ламаетъ рýки,
То свою одежду на себѣ всю рветъ,
То какъ претерпѣть, мнитъ, толики мýки,
То ПЕТРА въ прывѣтахъ паки въ жизнь зоветъ,
То изъ глубины сéрдца воздыхаетъ;
Иногда втстенетъ, иногда молчитъ,
Иногда копье долу повергаетъ;
То Ея къ другому пóрывъ мѣсту мчитъ,
То натомже вдругъ тамъ остановится,
Сядетъ, встанетъ тóтчасъ, горькихъ слезъ полнá.
Свѣтлость и очей въ ней ужъ вся мутúтся!
Чувствъ ужé лишенна! вполъ жива она!
Се, какъ обмерла, та на землю пала!
Но въ себя пришедши въ тотже сáмый часъ,
Съ долу тѣломъ тамъ въ слабости восстала,
И лїясь слезами издаетъ сей гласъ:
Солнце! Честь моя! ПЕТРЪ! САМЪ мнѣ Паллада!
Тыль вмѣнился въ мертвыхъ, и подпалъ подъ смерть?
Скрылся Тыль отъ насъ, да слезятъ въ вѣкъ чада?
Рокъ, не мнилось, лютый чтобъ ТЕБЯ могъ стерть!
Земнородный кой безъ Тебя взыграетъ?
Коя и Наука? Добродѣтель? Чинъ?
Все добро съ ТОБОЙ нынѣ умираетъ:
Былъ всему Учитель въ Россахъ Ты единъ,
Какъ единъ Глава, Твердость, и Держава.
Любомудрству! нынѣ купно все стени:

Пала

Пала вся съ ПЕТРОМЪ въ вѣкъ твоя ужъ слава.
Ты себя, Искусство, въ сирыхъ же сменин:
Всѣхъ оставилъ ПЕТРЪ преселившись вѣрно,
Новый Государства своего Творецъ!
Ахъ! Сія бодетъ мысль меня безмѣрно;
Но благоизволилъ ВЫШНІЙ такъ ОТЕЦЪ.
Марсъ рѣчь предпріялъ: не о томъ ли дѣло
Есть ПЕТРѢ Россійскомъ, Коего весь Міръ
Выше чтитъ меня, называя смѣло
Новымъ Марсомъ всюду? Вящшій Кой есть Кіръ?
Лучшій Александръ? Юлій, Августъ болій?
Коего славняе не видалъ и день,
Ни вознесенна толь отъ земныхъ удолій?
Наконецъ, при Коемъ признаюсь быть тѣнь?
Сказано: о СЕМЪ. Марсъ взревѣлъ жестоко;
Палъ-было, но тотчасъ на-ноги вскочилъ;
Въ ярости возвелъ къ небу грозно око:
О! Судьба далека, паки возопилъ.
Иль ужъ и тебя зависть такъ объяла,
Что Прехрабра МУЖА, МУЖА сверьхъ Мужей,
Россамъ, всѣмъ Земнымъ, Марсу мнѣ отъяла,
Не смотря на слёзы, ни на вредъ ничей?
Но отдай ПЕТРА бодростію славна:
Въ выспреннѣйшихъ оныхъ брани нѣтъ мѣстахъ.
Ахъ! ПЕТРА отдай въ полѣ толь исправна:
Не уподобъ и послѣ время быть въ звѣздахъ.
Больше Марсъ ярясь отметнулъ прочь саблю,
И неистовствуя повергаетъ шлемъ:
Я всѣхъ дѣлъ одинъ, самъ сказалъ, не справлю;
Нѣтъ ужъ въ сей мнѣ нужды, нужды нѣтъ и въ семъ.
Ахъ! ПЕТРЪ возвратись, возвратись прехвальный,

Марсова защита, слава возвратись:
Безъ ТЕБЯ ль я Марсъ? скосырь есмь нахальный.
О! Рокъ, хоть однажды въ вѣчность умились.
Ахъ! мой Храбрый ПЕТРЪ! какъ пробыть возможно,
Чтобъ мнѣ жаркимъ сердцемъ безъ ТЕБЯ не врѣть?
Равнаго ТЕБѢ нѣтъ уже неложно:
Горести мнѣ какъ-же въ вѣки не имѣть?
Ты единъ Клевретъ былъ мнѣ толь подобный;
Но что я за слово о ТЕБѢ сказалъ?
Ты при всѣхъ былъ все, ко всему удобный;
Якъ въ себѣ едино смѣлостию показалъ.
Не могу никакъ быть сравнёнъ съ ТОБОЮ:
Храбрость превосходну, Мудрость выше той,
Зналъ въ ТЕБѢ весь Свѣтъ, но, кромѣ что къ бою,
Я весь неспособенъ къ дѣльности другой.
Ахъ! нещасливъ, ахъ! смерти что не знаю:
По ТЕБѢ умершемъ живучь долгъ мнѣ быть?
О! Судьба, почто Марсъ не умираю?
Мнѣ мою бессмертность нельзя ужъ любить.
Такъ сказавши онъ, залился слезами;
Сихъ точа потоки въ горести молчалъ;
А немногій слѣдъ проложивъ стопами,
Внѣ себя явился, и тотчасъ ницъ палъ.

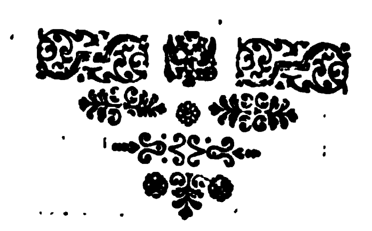
Сердца въ глубинѣ Политіка рвется,
Слезъ хотя сначала изъ очей не льетъ:
Та нескромна быть превесьма блюдется,
Зря коль Марсъ нелѣпо въ воздухъ вопіетъ.
Но какъ онъ скончалъ; внутренняя наружѣ
Горесть показалась вскорѣжъ тамъ и въ ней;
Начала рыдать какъ жена по мужѣ,
Гласъ изъ устъ тишайшій испуская сей:

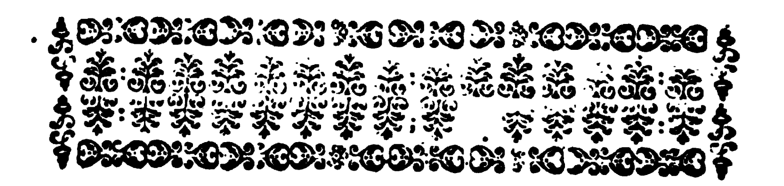
Дайте

Дайте моему мѣсто Плачу, други!
И во мнѣ не меньше вашея печаль:
Нельзя отъ ПЕТРА мнѣ забыть услуги;
Ахъ! и не возможно изъявить мой жаль.
Кто меня почтилъ, кто толь Политiку?
Рассмотрѣлъ все впервыхъ, премѣнилъ, и шелъ,
Нравы украсилъ, и Страну велику
Величайшу здѣлалъ, не градовъ и селъ,
Ни земель и странъ покорилъ что много;
Но что гнусну грубость отъ своихъ отгналъ,
Но проклату злость истребилъ что строго,
И ученымъ, добрымъ, подданнымъ быть далъ.
То всему одно Свѣту дивно, чудно!
Позныымъ то потомкамъ можноль все понять,
Что всѣмъ понимать видящимъ есть трудно?
Виждь, Россiя, нынѣ можешь коль сiять!
 На сiе Нептунъ, и Морѝ взбуяли!
Зашумѣли Вѣтры! вспѣнилась Волна!
Возмутилось Дно! Бездны зазiяли!
И востренепетала влажна Глубина!
Стенетъ Океанъ, что ужъ нѣтъ другаго
Любяща толь вόды, и ужъ никогда
Такъ не будетъ здѣсь Мореходству драго,
При ПЕТРѢ какъ было въ первенствѣ всегда.
Сѣтуя слезитъ тѣсное Балтiйско,
Что случилась гибель при его зыбяхъ.
Съ плачемъ вопiетъ дмясь въ валахъ Каспiйско,
Что однаждыı плавалъ на его глубяхъ.
Мечется и Понтъ въ несравненномъ горѣ,
Что ужѐ Россiйскихъ долго кораблей

Не видать ему при Стамбулѣ въ зборѣ,
Чтобъ имъ ГРАДЪ исторгнуть у Тирана сей.
Всюду вой! страна близъ лежаща, дальна,
Всякая рыдаетъ въ горести слезя!
Но РОССІЯ коль по ПЕТРѢ печальна;
Описать толь живо ни кому нельзя:
Больше всѣхъ именъ скорбь Ея сердечна!
Радость токмо Горнимъ подана мѣстамъ,
Гдѣ блаженна жизнь Царства безконечна:
Тамъ ПЕТРУ быть должно въ вѣки по дѣламъ.

КОНЕЦЪ





ЗАКЛЮЧЕНІЕ

Издатель къ обѣимъ своимъ Книжкамъ.

Досужныхъ дней труды, или трудовъ излишки,
О! малые мои двѣ собранные Книшки;
Вы знаете, что вамъ у многихъ быть въ рукахъ,
Пространныхъ Россихъ Царствъ и въ дальнихъ городахъ;
И знаете, что духъ, порочить ново дѣло,
Не можетъ васъ минуть къ вамъ не коснувшись смѣло.
Однако, преходя изъ рукъ вы въ руки такъ,
Не бодрствуйте, въ такомъ разгнать собою мракъ,
Кто смысленъ находить не пользу, но погрѣшность,
Не ставя за порокъ свою суда поспѣшность.
Оставьте, я прошу, въ покоѣ всѣхъ такихъ:
Любленіе къ себѣ вы найдете въ другихъ,
Которы нравомъ Пчелъ цвѣтовъ не презираютъ,
Со всякаго листка свой Нектаръ собираютъ.
По щастіюжъ, когда полюбитесь кому;
То всячески донесть потщитесь вы тому,

Что

Что вами одолженъ не мнѣ онъ безпристрасный :
Но оному , кой есть Цвѣтъ Юношества красный ;
Кой Славою давно есть Рода знаменитъ ;
Кой Сердцемъ и Умомъ отъ многихъ отмѣнитъ ;
Кой всѣхъ Надежда Музъ, кой ихъ плодовъ Снискатель,
И былъ о Васъ самихъ къ МОНАРХІНѢ Предстатель.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

НА ВТОРЫЙ ТОМЪ

X Ісаіина

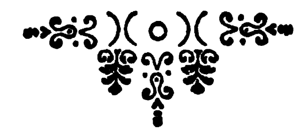
ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРОФЫ

Сонетъ

ОГЛАВЛЕНІЕ

КОНЕЦЪ

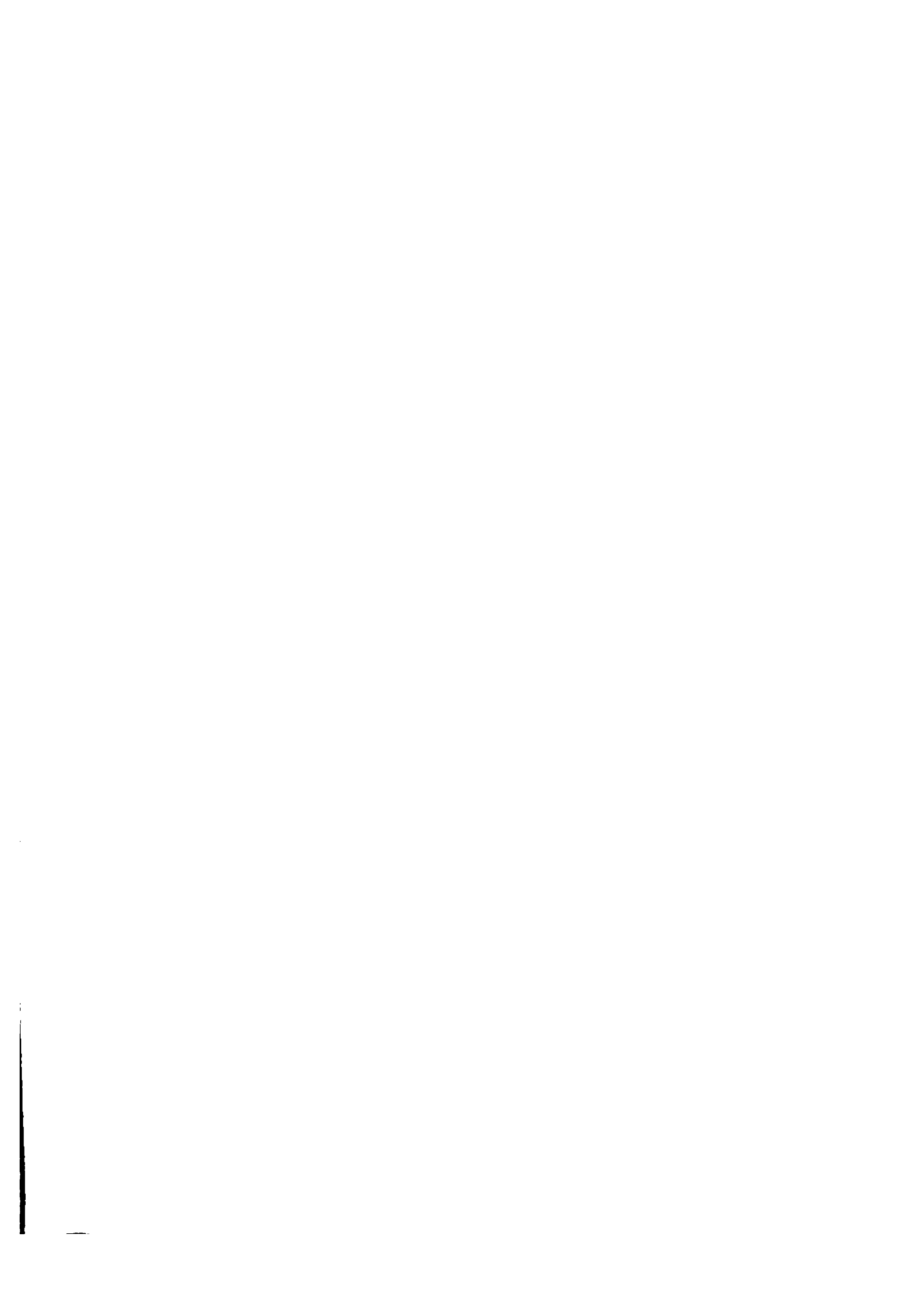


ПОГРѢШНОСТИ

стран.	строк.	напечатано	читай:
99.	4	дни и сто лѣтъ	дни и ста лѣтъ
104.	3 снизу.	могли	могли
155.	3 снизу.	Нядобенъ	Надобенъ
197.	5	обручала	обругала
203.	18	Авторахъ	Авторовъ
207.	1	н-	на
207.	2	Комадіи	Комедіи
235.	9 снизу.	самъ и Амброзій	самъ и Амброзія
278.	2 снизу.	ухищренія	ухищренія,
282.	19	меньще	меньше
288.	21	Несмысленноэть	Несмысленность
301.	1	токмо	токмо
302.	12	Мѣрность гдѣ	Мѣрность, гдѣ

Tred'iakovskii, Vasilii Kiril-
" ovich.
Sochineniia i perevody.
V Sanktpeterburgie, 1752.
TF June 21, 54.

PG3319
.T7
1752,
t. 1-2
Rare Bk. Coll.



3 2044 011 731 924